



## КАРЛ МАРКС: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ

Двухсотлетний юбилей К. Маркса для нас — достойный повод обсудить как совокупный современный итог воздействия его идей на процесс развития реальной истории, так и влияние их на отдельные регионы социального бытия и стратегически устремлённую методологию. Особое внимание, естественно, вызывает судьба Марксовых идей в России и в СССР, где марксизм длительное время провозглашался официальной доктриной правящей коммунистической партии.

Представляется, что эти идеи были идеологически трансформированы, на первый план выдвигалось то, что соответствовало интересам исторического момента, и уходило в тень то, что относится к стратегии осмысления истории человечества. В частности, это относится к Марксовой теории общественно-экономической формации и её конкретизации применительно к логике развития форм собственности. Во вступительной статье не место входить в детальную аргументацию понимания этих проблем, поэтому ограничимся двумя тезисами, требующими, конечно, более глубокого обоснования. Во-первых, у Маркса нет учения о пяти общественно-экономических формациях, есть теория различных способов производства.

У него есть учение о трёх общественно-экономических формациях: первичной (общество личной зависимости), вторичной (общество вещной зависимости), третичной (общество свободной человеческой индивидуальности). В основу этой градации положено базовое противоречие мирового исторического процесса: между производством людей и производством вещей. В родовом неразвитом обществе доминирует производство людей над производством вещей, в товарном и капиталистическом обществе доминирует производство вещей над производством людей, в обществе свободной человеческой индивидуальности люди овладевают вещественной составляющей их жизни и начинается история человечества в собственном смысле слова. В первом томе «Капитала» К. Маркс прогнозирует трансформацию форм собственности с опорой на теорию трёх формаций. Индивидуальная частная собственность — предельный результат атомизации собственности, закреплённый буржуазными революциями.

Она — «тезис», подвергаемый отрицанию (экспроприации) со стороны капиталистического развития, со стороны рынка. Общество вещной зависимости (рыночная экономика) массовым

образом разоряет индивидуального частного собственника, отделяет труд от капитала. Капиталистическая собственность — «антитезис», общество окончательного господства вещной зависимости. Вещное богатство при этом отчуждённо противостоит человеку, подчиняя его развитие и его сознание себе, стихии рынка и денежного обращения. Переход к третичной формации — «экспроприация экспроприаторов», «отрицание отрицания», «синтез», который «снимает» (Гегель) самодовление отчуждённого вещного богатства, подчиняя логику его движения производству свободной человеческой индивидуальности.

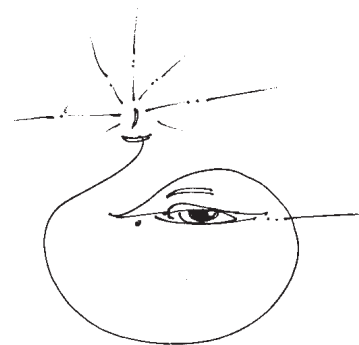
Капиталистическая собственность при этом подвергается отрицанию, но не со стороны мифической общественной собственности, как это вколачивалось в массовое сознание нашего народа на протяжении десятков лет, а со стороны индивидуальной собственности, которая возрастает «на базе достижений капиталистической эры». В фазе «синтеза» восстанавливается подвергнутая первому отрицанию индивидуальная собственность, но уже очищенная от чрезмер-

ной изолированности частной собственности. Итак, «тезис» — индивидуальная частная собственность, «антитезис» — капиталистическая собственность, «синтез» — восстановление индивидуальной собственности на базе достижений капиталистической эры, интегрального вещественно-материального результата совокупного развития человечества. Работник становится индивидуальным собственником, знающим свою долю в рамках ассоциированной собственности. Труд соединяется с капиталом и контролирует последний во имя свободного развития каждого человека, которое есть условие свободного развития всех людей.

Карл Маркс, как и прежде, ожидает, чтобы учёные мужи от слов о почитании дали себе труд его просто почитать. Из этой установки мы и исходили, посвятив данный номер нашего научного журнала трудам мыслителя.

*А. Б. Невелев,*  
главный редактор научного направления  
«Философские науки»  
«Вестника Челябинского  
государственного университета»

# ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ



*Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 5 (415).  
Философские науки. Вып. 48. С. 7–18.*

УДК 316.3/4  
ББК 63.5

## КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЭПОХУ КЛАССООБРАЗОВАНИЯ: ДИСКУРС ФОРМАЦИОННОЙ ТЕОРИИ ПОЛИТОГЕНЕЗА

*В. И. Ионесов*

*Самарский государственный институт культуры, Самара, Россия*

Современное развитие гуманитарного знания актуализирует задачу социально-культурологического осмысления общественных процессов на различных исторических срезах и, в особенности, на этапах активного межформационного и межцивилизационного взаимодействия. К числу таких дискуссионных и многогранных исследовательских тем принадлежит и социальная история древнейших цивилизаций в эпоху классового образования и политогенеза. Повышенный интерес к генезису и путям развития древнейших прото- и раннегосударственных образований вызван двумя значимыми посылами. В первую очередь, исключительной ролью потестарных (раннеклассовых) образований в социальной эволюции и культурном процессе и, во-вторых, особой сложностью и противоречивостью исторической ситуации в условиях эпохального перехода от одного типа общества к другому, от племенного строя к государственному, от эгалитарно-родовых отношений к социально-классовым. Цель настоящей статьи — обратиться к некоторым культурно-генетическим аспектам классового образования в контексте социальной трансформации переходного общества раннегородской цивилизации, в частности Центральной Азии, и в историографическом дискурсе формационной теории политогенеза. Данный текст представляет собой первую часть изложения заявленной темы.

**Ключевые слова:** *классообразование, К. Маркс, социодинамика культуры, переходный процесс, трансформация, политогенез, раннегородские цивилизации, Центральная Азия.*

История мировой культуры есть своего рода процесс собирания человека в нескончаемой и напряжённой драме социальных трансформаций и в жёстком противостоянии с окружающим миром. Опредемявая природу, люди не только создают культуру, но и благодаря ей опредмечивают самих себя. Как отмечает К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года»: «Необходимо опредмечивание человеческой сущности — как в теоретическом, так и в практическом отношении, — чтобы, с одной стороны, очеловечить чувства человека, а с другой стороны, создать человеческое чувство, соответствующее всему богатству человеческой природной сущности» [29. С. 116–122]. В этом процессе человек не только опредмечивает

природу, адаптируя её под насущные потребности своего бытия, но также культивирует и самого себя, тем самым преодолевая свою онтологическую недостаточность и социально-родовую отчуждённость. Конструируя и развивая культуру, человек с её помощью самоутверждается в многообразных социальных контекстах и эпохальных перипетиях истории. По существу, в культурно-историческом процессе всё направлено на восстановление утраченного согласования с природой и достижение социально-антропологической целостности индивида со своей родовой сущностью.

К. Маркс понимает это состояние как процесс подлинного присвоения «человеческой сущности человеком и для человека ... с сохранением всего

богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе, как человеку общественному, т. е. человеческому» [29]. И это будет «действительно разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. [Человек] — решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение. Человек присваивает себе свою всестороннюю сущность всесторонним образом, следовательно, как целостный человек. ...Присвоение человеческой действительности, её отношение к предмету, это — осуществление на деле человеческой действительности, ...самоупотребление человека» [Там же. С. 116–122]. Драматичный процесс снятия антропологического конфликта и онтологической недостаточности в бытии человека и социума лучше всего прослеживается на этапе становления цивилизации, в генезисе политических институтов, классовой стратификации и элитарных ценностей.

На протяжении многих десятилетий в отечественной исторической науке развитие общества понималось лишь как строго эволюционная и последовательная смена социально-экономических формаций, при которой низшая форма общественного организма неизбежно сменяется высшей, и всяческое допущение возможности альтернативных путей развития квалифицировалось как «идеалистически-буржуазное извращение марксизма». С радикальным пересмотром традиционной для советской исторической школы формационной теории в общественных науках стал утверждаться иной стереотип, рассматривающий марксистскую трактовку социально-исторического процесса как необоснованную узкоэволюционистскую модель. Марксизм часто упрекают в прямолинейности, игнорировании живой логики исторического движения социума, в отрицании многовекторности, вариативности и транзитивности культурно-исторического процесса. Между тем сами основоположники марксизма неоднократно отмечали недопустимость упрощенческих моделей общественного развития, сведение исторического процесса к жёстко заданным схемам и канонам [27; 37].

«Представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперёд без гигантских иногда скачков назад недиалектично, ненаучно, теоретически неверно» [25. С. 6]. Не случайно, касаясь проблем происхождения древнейших классовых образований, К. Маркс подчёркивал историческую

значимость исследования «переходных» состояний в социальном развитии, в которых активнее всего формируются регламентирующие структуры зарождающегося антагонистического общества, но которые отличаются самостоятельным межформационным положением. По словам К. Маркса, переходные состояния в общественной эволюции характеризуются такой исторической ситуацией, когда «одна система постепенно исчезала, другая постепенно входила в силу, в течение некоторого периода времени обе они существовали бок о бок. <...> Этот переходный период длился столетия» [26. С. 338–339]. Причём в сосуществовании двух систем можно выделить две определяющие тенденции: одна из них представляет прогресс «разложения родоплеменных структур власти под воздействием развития производительных сил, усложнения хозяйственной и общественной жизни», и другая выражает процесс «генезиса государственных учреждений», отрыв публичной власти от общинно-родовых образований [1. С. 193].

В историческом плане наивысшее разрастание, переплетение и противостояние этих тенденций происходит на заключительной фазе переходной эпохи постпервобытности в потестарном процессе, который отличается максимальным усложнением социальных связей, столкновением центробежных и центростремительных сил в общине, взаимодействием структурных и маргинальных подразделений, расширяющимся спектром общественных отношений. «В них представлена различная степень “отъединения”, перерождения сфер, удаления переходных форм по своей политико-экономической сущности от форм, олицетворяющих системность отжившей формации, — вплоть до полной поляризации» [3. С. 50].

В этом заключается специфика переходного периода как особой исторической полосы в социальной трансформации общества. Именно в переходные периоды посредством эпохального надлома на историческую арену выбрасывается гигантская «социальная лава», чья энергия активно конституирует зарождающиеся структуры нового общественно-экономического ландшафта. Этот «эмбриональный» период в становлении государственности имеет определяющее значение для сущностного осмысления культурно-исторического процесса — его структурно-типологической классификации, механизмов политогенеза и классовобразования. Показательно, что уже в последней четверти XX в. в исторической науке наметился поворот к разработке теоретических вопросов межформационных

и межцивилизационных взаимодействий и так называемых «пограничных» и «промежуточных» ситуаций в истории [3; 4–6; 10–12; 18; 21–23; 32; 33; 40]. К этим исследованиям следует добавить и современные разработки по теории трансформационного процесса в культуре [6; 14–16; 21].

При всей масштабности и разноплановости этих проблем в их изучении можно выделить четыре ключевых аспекта: 1) генезис социально-иерархических структур и общественных классов; 2) становление потестарно-нормативных и политических органов управления (институционализация власти); 3) вызревание форм эксплуататорских отношений в обществе; 4) эволюция механизмов и институтов общественно-политической организации социума. В историческом процессе эти четыре направления классового образования обычно реализуются не по отдельности, но в своём функциональном единстве.

Следует заметить, что исследование процесса классового образования традиционно занимает видное место в отечественной историографии. Причём параллельно с историко-философскими построениями по данной проблематике имеется ряд аналитических исследований в конкретно-исторических дисциплинах, и прежде всего в археологии и этнографии. В исторической литературе известны работы Л. С. Васильева, Ю. В. Бромлея, В. И. Гуляева, В. П. Илюшечкина, Ю. М. Кобищанова, Л. Е. Куббеля, Ю. В. Павленко, А. И. Першица, Ю. И. Семёнова, А. М. Хазанова, В. А. Шнирельмана и др., в которых обстоятельно рассмотрены историко-этнографические и социально-исторические предпосылки вызревания социальных антагонизмов в позднепервобытном обществе и формирование институтов власти [4; 5; 7; 12; 18; 22–24; 30–34]. Заслуживают внимания и фундаментальные исследования по философии истории и социальным преобразованиям, в том числе монографические работы [6; 8; 9; 19; 21].

Исследователями предлагается различать в эпохе классового образования несколько стадий, каждая из которых соотносится с определённой исторической конъюнктурой. Стадиальное структурирование эпохи классового образования обусловило и дифференцированность основных исторических сюжетов, отображённых в конкретных концептах.

Так, Ю. В. Бромлей на начальной стадии классового генеза выделяет такие социальные общности, как «протоклассы» и «предклассы» [4. С. 190]. О «протоклассе эксплуататоров» пишет Л. Е. Куббель [18. С. 244]. Применительно к исторической ста-

дии первых цивилизаций отдаёт предпочтение понятию «предклассы» и В. М. Массон [30. С. 62]. М. А. Барг и Е. Б. Черняк на этапах межформационного взаимодействия допускают существование так называемых «промежуточных классов» и «подклассов» [3. С. 58–59].

В определении форм политической организации обществ *переходных периодов* некоторыми исследователями предлагаются такие понятия, как «полугосударство», «племенное государство», «постплеменные образования» [10; 17]. Исследуя этнографический материал юго-западной Индии (племени Качари), С. А. Маретина допускает существование государства уже в предклассовый период развития общества [31. С. 168].

Все эти разночтения свидетельствуют в пользу того, что процессы классового образования и политогенеза не были одномоментными, но имели сложную комбинаторику социальных преобразований, охватывая весьма длительную историческую эпоху с чередующимися периодами спада, отката, подъёма, расцвета, вторичного упадка, зстоя и трансформации.

В англо-американской этнологии и культурной антропологии проблемы социально-политического развития древнейших цивилизаций также занимают видное место [38–48]. В своих построениях западные исследователи, как правило, обходят понятия «классы» и «классовые отношения», а рассматривают социально-дифференцированное общество первых цивилизаций как общество стратифицированное и комплексное. По мнению М. Фрайда, древнее общество в своём развитии проходит цикл социальных приращений от не ранжированных (*the non-rank*) отношений к ранжированным (*the rank*) и стратифицированным (*the stratified society*) [38; 39].

Иначе трактуется западными исследователями и понятие «переходный период». Последний обычно не выделяется ими в качестве самостоятельной полосы в социальном развитии, а ставится в единый исторический ряд, где каждый отдельный период является переходным [48]. Представляется, что такой подход в философско-антропологическом осмыслении истории может быть вполне оправдан. Однако, несмотря на то, что он логично фиксирует в историческом процессе факт постоянного движения и становления, в ряде случаев, при определении эпохальных границ исторических переходов, он размывает различия между ними и в известном смысле приравнивает количественные рубежи социальной эволюции к качественным.

Существенным вкладом в изучение древнейшего социально-политического устройства общества и процесса институционализации власти стали разработанная К. Полани концепция «редистрибутивной системы организации общественного производства», впоследствии дополненная концепцией «вождества» и «чифдома» (chiefdom) Э. Сервиса и М. Салинза [46; 47]. Согласно «редистрибутивной» модели организации производства [43; 44], сложение публичной аристократической власти осуществлялось в обществе параллельно с усложнением и совершенствованием системы управления, статусной регламентацией и контролем над общественными трансформациями. Это происходило путём социально-дифференцированного перераспределения прибавочного продукта и его оседания в социально-престижных центрах общины, в результате чего стало возможным укрепление статусных позиций и монополю властных функций должностных лиц и группировок — светской аристократии и жречества. Концепция «вождества» обосновывает возрастающую роль военного вождя племени, который в условиях развитой редистрибутивной системы и нарастающего подчинения военно-иерархическим структурам традиционных органов общинного народовластия становится реальным фактором утверждения авторитарной модели правления. Усиление власти военного вождя и его ближайшего окружения сопровождается сакрализацией выполняемых ими функций, личностным обожествлением предводителя племени.

Указанные концепции заметно расширили спектр осмысления сущности и особенностей политогенеза в становлении древних цивилизаций. Следует отметить, что объяснительные модели «редистрибуции» и «вождества» в целом положительно восприняты большинством исследователей [5; 7; 18; 23; 32; 36]. Установлено также, что «редистрибутивная» модель политогенеза характерна прежде всего для древневосточных обществ со сложной земледельческо-скотоводческой экономикой с развитой ирригационной сетью, где в условиях огромной зависимости населения от земельно-водных ресурсов централизаторские функции и жёсткий контроль за производством обеспечивали необходимую жизнеспособность и целостность общины. Тогда как социально-политические образования типа вождества предполагают повышенную дифференцированность социумов с развитой вертикальной стратификацией, что стадийно соответствует модели «во-

енной демократии» или последней фазе эпохи классовообразования (Л. Е. Куббель) [18].

На современном этапе приобретают актуальность исследования локальных культурно-исторических зон с активными классовообразовательными и урбанистическими процессами, в том числе основанные на материалах традиционных и развивающихся обществ. Поскольку именно в них можно проследить сцепление локальных и тотальных векторов исторической трансформации и характер структурных сдвигов культуры (Л. Н. Репина).

В теоретических разработках социодинамики исторического процесса — логики и направленности развития культуры — различаются несколько моделей её эволюционной трансформации. Модели многомерной эволюции (Л. Уайт, Р. Л. Корнейро, Л. Бинфорд, Д. Стюард, М. Салинс, В. М. Массон, К. Ренфрю, Э. С. Маркарян и др.) представляют преимущественно неэволюционистские проекты в раскрытии форм и направленности культурных изменений в контексте взаимоотношений человека, культуры, общества и природы. Большинство моделей данной категории выстроено на интерпретации археологических и этнологических материалов. На их основе сформулировано несколько концепций эволюции, таких как теория общего и частного развития, закон культурной доминанты, эволюция культуры как адаптивного целого и пр. В отличие от классических эволюционистских моделей предлагаются многовекторные сценарии исторической трансформации культуры. История культуры предстаёт как сложный, неоднородный и полифункциональный адаптивный процесс многомерного движения, направленного на оптимизацию отношений человека с окружающей его средой. «Культура является потоком взаимодействующих элементов; каждая черта реагирует на другие и, в свою очередь, испытывает на себе их влияние. Некоторые элементы устаревают и исключаются из потока; в него включаются новые элементы. Постоянно возникают новые изменения, сочетания и синтезы» [35. С. 420]. Доказывается, что «системы претерпевают два фундаментальных типа изменений, которые можно было бы назвать *восстановлением состояния* и *трансформацией состояния*. Восстановление состояния — это такое изменение, посредством которого система воссоздаёт предшествовавшее состояние баланса или равновесия, временно нарушенное. Трансформация состояния — это такое изменение, которое вызывает к жизни новое и отличное от предыдущего состояние системы» [20]. В теории культурных

изменений предлагаются модели многолинейной и многоплановой эволюции, больше ориентированные не на сходства культур, но на их различия, включая внутреннее разнообразие компонентов культуры — неоднородность социальной структуры, стилей жизни, стереотипов поведения и пр. Спецификация этих различий определяет конкретные исторические формы и возможности адаптации культуры (Д. Стюард). В рамках концепции многомерного развития культуры формулируются модели общей и специфической эволюции, учитывающие различные темпы, направления, формы, время и место культурных изменений, которые комплексно влияют на выбор тех или иных адаптивных механизмов и масштаб трансформаций в историческом процессе (М. Салинс) [45–47]. В теоретических построениях культурное развитие позиционируется и как «хитросплетение» множества событий и информационных потоков, не лишённых символических значений, смысловых связей и раскрывающих себя в долгосрочной перспективе [43]. Моделируются также ситуации, при которых культурные технологии соотносятся со спецификой окружающей среды посредством оптимизации энергетических затрат, что обеспечивает воспроизводство равновесных систем, соответствующих данным условиям окружающей среды в данный момент времени. Трансформационные сдвиги возникают тогда, когда в культуре демографические, экономические, экологические факторы сталкиваются между собой (М. Харрис). Многомерная эволюция конституируется в ряде моделей, объясняющих поведение социокультурных систем как адаптивно-специфических экстрасоматических (надбиологических) комплексов организации человеческой жизнедеятельности. Эволюционный процесс рассматривается как способ вхождения культуры в природу и природы в культуру. Устойчивость и жизнеспособность человеческих обществ достигается через взаимодействие, структурирование и интеграцию разных уровней отношений и связей культурной действительности. На основе сопоставления многочисленных артефактов трансформации предлагаются модели культурно-генетической динамики традиций и инноваций в историческом процессе (Л. Бинфорд, К. Ренфрю, В. М. Массон, Ф. Коль, Э. С. Маркарян, В. С. Бочкарёв и др.).

Иные трактовки культурно-исторических трансформаций описывают так называемые модели нелинейной социальной эволюции (Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин, В. А. Лынш). В них

провозглашается отказ от однолинейных и многолинейных схем исторического развития цивилизации и обосновывается понимание непрерывного и многомерного эволюционного поля в реконструкции нелинейных процессов социальной эволюции. Разработка данных моделей связана с использованием миросистемного анализа, комплексного подхода и междисциплинарных обобщений, нацеленных на выявление основных системообразующих тенденций социальной макроэволюции и таких её свойств, как необратимость, направленность, вариативность, динамичность и многоступенчатость [6; 21].

Не стоит забывать о том, что присущие классовообразовательным процессам социальные механизмы и структурообразующие признаки устанавливаются лишь посредством конкретно-исторического анализа материала, который предполагает достаточное источниковедческое оснащение и тщательную процедуру научного осмысления. В этом плане именно археология оперирует материальными атрибутами древности, в силу чего обладает особым видением исторической картины, основанным на установлении связи и отношений в системе артефактов и на последующем переводе их в социальные категории.

Выраженная принадлежность первых цивилизаций переходному времени — эпохе заката первобытности (постпервобытности) и становления ранней государственности (потестарности) — делает предметный мир их культуры весьма семантически насыщенным ресурсом социальных реконструкций. Важным методологическим моментом является то, что изучаемые комплексы, темпорально отделены от современности. Это позволяет зафиксировать весь исторический путь развития переходной культуры и увидеть вектор направленности в развёртывании переходных процессов и тем самым лучше понять само значение и смысл перехода как экзистенциальной сущности. Ведь оперировать артефактами современной культуры в интерпретации феномена переходности чрезвычайно сложно, ибо сам субъект исследования является неразрывной частью современности и онтологически привязан к существующей переходной реальности. Тогда как, глядя на исторический путь развития первых цивилизаций, мы можем целостно охватить и сигнифицировать то, что ей предшествовало, что она есть, что с ней стало после и что дошло от неё до наших дней [17].

В анализе предметных артикуляций древних культур есть ещё одна значимая когнитивная

составляющая. Обращение к культурно-генетическим основаниям первых цивилизаций позволяет выявить антропологические истоки не только социально-нормативной регламентации общества, но также природы эстетических и художественных ценностей культуры. При этом важной методологической установкой здесь является корреляция особенностей социальной трансформации, экономической дифференциации и художественного творчества. Артефакты эстетической деятельности сопряжены с социальными процессами, они включены в коммуникативный контекст культурных преобразований — в них содержатся смысловые установки и художественные предпочтения исторической эпохи.

Характеризуя античное искусство, К. Маркс замечает: «Трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития. Трудность состоит в том, что они всё ещё доставляют нам художественное наслаждение и в известном отношении признаются нормой и недостижимым образцом. Взрослый человек не может снова стать ребёнком, не впадая в детство. Но разве его не радует наивность ребёнка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на более высокой ступени воспроизвести присущую ребёнку правду? Разве в детской натуре в каждую эпоху неживает её собственный характер в его натуральной правде? И почему историческое детство человечества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень? Бывают невоспитанные дети и старчески умные дети. Многие из древних народов принадлежат к этой категории. Нормальными детьми были греки. Обаяние, которым обладает для нас искусство, не находится в противоречии с той неразвитой общественной ступенью, на которой оно выросло. Наоборот, это обаяние является её результатом и неразрывно с тем, что незрелые общественные условия, при которых это искусство возникло, и только и могло возникнуть, никогда уже не могут повториться вновь» [29. С. 46–48].

Применительно к эпохе постпервобытности, в условиях отсутствия письменных источников, изучение вещественных остатков (археологических материалов) становится порою единственным объективным способом моделирования исторического процесса в его конкретной спецификации. И потому не случайно и в отечественной, и в зарубежной археологии наметился поворот к интенсивным

поискам различных вариантов методологического «распредмечивания» артефактов и использования их в историко-социологических реконструкциях. Появился ряд обобщающих работ по методологическим аспектам интерпретации культурных образцов (артефактов) раннеклассовых обществ [7; 13; 30; 32–34; 41].

Уникальные археологические материалы для исследования урбанистических и классовообразовательских процессов локализируются в центрально-азиатском массиве и, прежде всего, в южных областях Туркмении и Узбекистана, где в настоящее время известна серия раннегородских памятников эпохи первых цивилизаций древневосточного типа. Открытие древнейших урбанистических культур на юге Центральной Азии заметно усилило научный интерес к их политической и социальной истории, к возможностям культурно-генетической реконструкции процесса классовообразования и политогенеза.

Комплексный анализ артефактов первых цивилизаций Южного Туркменистана на примере одного из столичных южнотуркменистанских памятников Алтын-депе позволил В. М. Массону прийти к выводу, что «...сложная стратификация общества Алтын-депе может рассматриваться, как предтеча классовой структуры», а сам Алтын-депе времени Намазга V в социальном плане может квалифицироваться как «храмовый городок», в котором «...аристократия и жречество постепенно монополизируют право хранения и распределения продуктов, составляющих фонд городской общины в целом» [30. С. 169–170].

Аналогичные процессы происходили во II тысячелетии до н. э. в Бактрии [2; 12; 13; 41; 42]. Это была переходная эпоха, лежащая в межформационной исторической полосе общественного развития. По В. М. Массону, есть основания даже говорить о целой эпохе или стадии первых цивилизаций как о начальной ступени классовой формации. «Формирование такой социально-культурной общности, как цивилизация, означает переход к качественно новому этапу исторического развития, подводящему, несмотря на сохранение многих архаических и пережиточных явлений, итоговую черту первобытной эпохи» [30. С. 66].

Думается, однако, что, учитывая незавершённость процессов классовообразования и институционализации власти, отсутствие социально-экономических условий для их необратимости и сосуществование различных форм общественных устоев в оседлоземледельческих обществах будет точнее

соотносить их социально-историческую (формационную) принадлежность с переходным периодом постпервобытности или эпохой классового образования. Представляется, что эпоха классового образования есть самостоятельный межформационный период общественного развития, исторически соответствующий времени первых цивилизаций. При этом в классовообразовательном процессе следует различать несколько стадий, представленных предклассовыми, раннеклассовыми и сословно-классовыми социальными структурами. В развитии раннеклассовых обществ некоторые исследователи выделяют два уровня классового образования — первичный и вторичный [32. С. 157]. Эпоха классового образования — это также время активного зарождения новых надобщинных форм организации производства, систем управления и контроля, парцелляции хозяйств, вызванных к жизни наличием в обществе регулярного прибавочного продукта, усложнением социально-экономических связей, дифференциацией и интеграцией труда. Все эти обстоятельства служили объективными историческими предпосылками внедрения редистрибутивно-эксплуататорских механизмов распределения и перераспределения социальных благ, формирования иерархических структур и, как следствие, становления первичных общественных классов. В структуре общества эпохи классового образования по одну сторону «баррикады» находилась рядовая аристократия и служилая знать, по другую — рядовые труженики и бесправный люд.

Следует отметить, что истоки классовой дифференциации возникают только тогда, когда с наличием прибавочного продукта становится возможным достаточно чёткое выделение правящей верхушки общества, которая берёт на себя исполнение организаторских функций (Е. Н. Черных) [31. С. 242]. Как справедливо отмечает Ю. В. Павленко, становление эксплуататорских отношений, а следовательно, раннеклассового общества «основывается на власти-собственности военно-административно-жреческой верхушки социального организма на материальные и трудовые ресурсы коллектива»

[32. С. 73]. Первоначальные формы эксплуатации, корпоративная собственность, централизованная система власти, ориентированные на жёсткий контроль за производством и распределением материальных благ, складываются в раннеклассовом обществе древневосточного типа именно через монополию административно-управленческих функций. В целом этот процесс можно сравнить с удачно охарактеризованной К. Марксом исторической ситуацией, когда «карликовая собственность многих превращается в гигантскую собственность немногих» [28].

Таким образом, раннеклассовое общество предполагает ту стадию социального развития, когда общинно-родовая форма управления активно наполняется надобщинным институциональным содержанием. Причём формирующиеся на этой стадии социальные институты первоначально используют в утверждении своих функций традиционные приёмы общинного управления, которые на определённом, иногда достаточно длительном этапе находятся в состоянии двоевластия с родоплеменными органами власти. «Воспроизводство “родовых форм” характерно для раннеклассовых обществ в силу того, что только классовые имущественные отношения здесь ещё не приобрели завершенного... характера..., но новые зарождающиеся раннегосударственные органы ещё не могут “взять на себя выполнение всех функций, которые выполняет родовая община”» [22]. Можно также сказать, что классовая дифференциация начинается лишь тогда, когда в социокультурной системе интенсивно утверждаются специфицированные элитарно-властные структуры — потестарные институты, которые на первых порах сосуществуют — мирно или, чаще, в противоборстве с общинными формами управления. Сосуществуют до тех пор, пока социальная энергия амбициозной элиты не прорвёт «эгалитарную плотину» общинного миропорядка и социум окончательно не расколется на антагонистические структуры и не конституируется в государство.

### Список литературы

1. Андреев, И. Л. Рукописная страница истории марксизма / И. Л. Андреев. — М. : Мысль, 1985. — 271 с.
2. Аскарлов, А. А. Джаркутан / А. А. Аскарлов, Б. Н. Абдуллаев. — Ташкент : ФАН, 1983. — 122 с.
3. Барг, М. А. Социально-классовые отношения в эпоху перехода от феодализма к капитализму / М. А. Барг, Е. Б. Черняк // Формации и социально-классовые структуры : сб. ст. / [редкол. : З. В. Удальцова (отв. ред.) и др.]. — М. : Наука, 1985. — С. 42–95.

4. Бромлей, Ю. В. Современные проблемы этнографии / Ю. В. Бромлей. — М. : Наука, 1981. — 390 с.
5. Васильев, Л. С. Феномен власти — собственности / Л. С. Васильев // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. — М. : Наука, 1982. — С. 60–99.
6. Гринин, Л. Е. Социальная макроэволюция: генезис и трансформации мир-системы / Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. — М. : ЛИБРОКОМ, 2009. — 568 с.
7. Гуляев, В. И. Города-государства Майя: структура и функции города в раннеклассовом обществе / В. И. Гуляев. — М. : Наука, 1979. — 304 с.
8. Дьяконов, И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней / И. М. Дьяконов. — М. : Наука, 1994. — 384 с.
9. Ерасов, Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность / Б. С. Ерасов. — М., 2002. — 523 с.
10. Жуков, Е. М. Некоторые вопросы теории социально-экономических формаций / Е. М. Жуков // Коммунист. — 1973. — № 11. — С. 91–99.
11. Жуков, Е. М. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса / Е. М. Жуков, М. А. Барг, Е. Б. Черняк, В. И. Павлов. — М. : Наука, 1979. — 330 с.
12. Ионесов, В. И. Протобактрийская цивилизация: социокультурный контекст возникновения зороастризма / В. И. Ионесов, Ю. В. Павленко // КЛИО. Журн. для учёных. — 2002. — № 4 (13). — С. 110–117.
13. Ионесов, В. И. Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседлоземледельческом обществе Северной Бактрии : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. И. Ионесов. — Самарканд : Ин-т археологии АН Узбекистана, 1990. — 25 с.
14. Ионесов, В. И. Динамика трансформации культуры в переходном процессе / В. И. Ионесов // Креатив. экономика и социал. инновации. — 2014. — № 1. — С. 6–16.
15. Ионесов, В. И. Испытание переходом как переосмысление культуры / В. И. Ионесов // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С. В. Соловьёвой, В. И. Ионесова. — Самара, 2013. — С. 61–67.
16. Ионесов, В. И. Культура и трансформация: метаморфозы адаптации и развития / В. И. Ионесов // Вопр. культурологии. — 2009. — № 8. — С. 4–7.
17. Ионесов, В. И. Археологические ресурсы культурологического знания: протобактрийский контекст / В. И. Ионесов // Археология как социокультурная практика: опыт и перспективы управления наследием : материалы Междунар. науч. конф. / под ред. В. И. Ионесова. — Самара, 2017. — С. 186–194.
18. История первобытного общества. Эпоха классовообразования / под ред. Ю. В. Бромлея. — М. : Наука, 1988. — 568 с.
19. Кантор, К. М. Двойная спираль истории: историософия проектизма / К. М. Кантор. — М : Яз. слав. культуры, 2002– . — Т. 1 : Общие проблемы. — 2002. — 904 с.
20. Корнейро, Р. Л. Культурный процесс / Р. Л. Корнейро // Антология исследований культуры. — СПб. : Унив. кн, 1997– . — Т. 1 : Интерпретация культуры / редкол. : отв. ред. и сост. Л. А. Мостова. — 1997. — С. 421–438.
21. Коротаев, А. В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции / А. В. Коротаев. — М. : Вост. лит., 2003. — 278 с.
22. Кузьминов, Я. И. Некоторые проблемы моделирования социально-экономической структуры раннеклассовых и феодальных обществ / Я. И. Кузьминов, А. В. Коротаев // Народы Азии и Африки. — 1989. — № 3. — С. 67–77.
23. Куббель, Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии / Л. Е. Куббель. — М. : Наука, 1988. — 272 с.
24. Куббель, Л. Е. Потестарная и политическая этнография / Л. Е. Куббель // Исследования по общей этнографии. — М. : Наука, 1979. — С. 241–277.
25. Ленин, В. И. О брошюре Юниуса / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — Т. 30. — С. 11–16.
26. Маркс, К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 45. — С. 227–372.
27. Маркс, К. Письмо Л. Кугельману, 17 апреля 1871 г. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 33. — С. 175.
28. Маркс, К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич / К. Маркс / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 19. — С. 400–421.

29. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 42. — С. 41–174.
30. Массон, В. М. Первые цивилизации / В. М. Массон. — Л. : Наука, 1989. — 276 с.
31. От доклассовых обществ к раннеклассовым / отв. ред. Б. А. Рыбаков. — М. : Наука, 1987. — 242 с.
32. Павленко, Ю. В. Раннеклассовые общества: генезис и пути развития / Ю. В. Павленко. — Киев, 1989. — 288 с.
33. Павленко, Ю. В. История мировой цивилизации: философский анализ / Ю. В. Павленко. — Киев : Феникс, 2002. — 760 с.
34. Семёнов, Ю. И. Философия истории: общая теория, основные идеи и концепции от древности до наших дней / Ю. И. Семёнов. — М. : Современ. тетради, 2003. — 760 с.
35. Уайт, Л. Избранное: наука о культуре / Л. Уайт. — М. : РОССПЭН, 2004. — 960 с.
36. Хазанов, А. М. Классообразование: факторы и механизмы / А. М. Хазанов // Исследования по общей этнографии. — М. : Наука, 1979. — С. 125–177.
37. Энгельс, Ф. Письмо И. Блоху, 21–23 сентября 1890 г. / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 37. — С. 393–397.
38. Fried, M. H. On the evolution of social stratification and the state / M. H. Fried // Culture in history: Essays in honor of Paul Radin / ed. by S. Diamond. — New York : Columbia University Press, 1960. — P. 713–731.
39. Fried, M. H. The Evolution of Political Society: an essay in political anthropology / M. H. Fried. — New York ; London : McGraw-Hill, 1967. — 270 p.
40. Geertz, C. The Transition to Humanity / C. Geertz // The Voice of America. Forum Lectures: Anthropology. Series № 3. — Washington : U. S. Information Agency, 1963. — 10 p.
41. Ionesov, V. I. The Struggle between Life and Death in Proto-Bactrian Culture: Ritual and Conflict / V. I. Ionesov. — Lewiston ; New York : The Edwin Mellen Press, 2002. — 220 p.
42. Ionesov, V. Imitative Ritual in Proto-Bactrian Mortuary Practice / V. I. Ionesov // Current Anthropology. — 1999. — Vol. 40, № 1. — P. 87–89.
43. Lenski, G. E. Power and Privilege. A Theory of Social Stratification / G. E. Lenski. — New York : McGraw-Hill, 1966. — 495 p.
44. Polanyi, K. Primitive, Archaic and Modern Economics / K. Polanyi. — New York, 1968. — 346 p.
45. Sahlins, M. Evolution: Specific and General / M. Sahlins, E. Service // Evolution and Culture / ed. by M. Sahlins, E. Service. — University of Michigan Press, 1960. — P. 12–45.
46. Sahlins, M. Apologies to Thucydides: Understanding History as Culture and Vice Versa / M. Sahlins. — Chicago : The University of Chicago Press, 2004. — 320 p.
47. Service, E. Origins of the State and Civilization: The Process of Cultural Evolution / E. Service. — New York : W. W. Norton, 1975. — 388 p.
48. The Transition to Statehood in the New World / eds. D. G. Jones, R. R. Kautz. — Cambridge : Cambridge University Press, 1981. — 261 p.

### Сведения об авторе

**Ионесов Владимир Иванович** — доктор культурологии, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории культуры, Самарский государственный институт культуры. Самара, Россия. [acdis@mail.ru](mailto:acdis@mail.ru)

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2018. No. 5 (415).  
Philosophy Sciences. Iss. 48. Pp. 7–18.*

## CULTURE AND SOCIAL TRANSFORMATIONS IN TIME OF CLASS DIFFERENTIATION: DISCOURSE OF FORMATION THEORY OF POLITICAL GENESIS

**V.I. Ionesov**

*Samara State Institute of Culture, Samara, Russia. acdis@mail.ru*

The modern development of human and social knowledge actualizes the problem of socio-cultural understanding of social processes on different historical contexts and, in particular, on the stages of active interformation and interaction between civilizations. Such discussion and multifaceted research topics belong and social history of the oldest civilizations in the era of class and political genesis. Interest to the genesis and development of proto- and early- state communities is determined the general two points. Firstly, owing to the exceptional role of these societies in the evolution of social and cultural progress of civilization, and, secondly, a special complex and contradictory historical situation in a transition process from one type of society to another, from the tribal system to the state system, from egalitarian-clan relations to social-class relations. The purpose of this article is to clarify some of the cultural and genetic aspects of class formation in the context of the social transformation of the transitional society of the early urban civilization, including of Central Asia and in the discourse of the formation theory of political genesis. This text is the first part of the narration of the stated topic.

**Keywords:** *class formation, K. Marx, socio-dynamics of culture, transitional process, transformation, politogenesis, early-urban civilizations, Central Asia.*

### References

1. Andreyev I.L. *Rukopisnaya stranitsa istorii marksizma* [Manuscript page of the history of Marxism]. — Moscow, Mysl Publ., 1985. 271 p. (In Russ.).
2. Askarov A.A., Abdullayev B.N. *Djarkutan*. Tashkent, FAN Publ., 1983. 122 p. (In Russ.)
3. Barg M.A., Chernyak E.B. *Sotsial'no-klassovyye otnosheniya v epokhu perekhoda ot feodalizma k kapitalizmu* [Socio-class relations in the era of transition from feudalism to capitalism]. *Formatsii i sotsial'no-klassovyye struktury* [Formations and socio-class structures]. Moscow, Nauka Publ., 1985. Pp. 42–95. (In Russ.).
4. Bromley Yu.V. *Sovremennyye problemy etnografii* [Modern problems of ethnography]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 390 p. (In Russ.).
5. Vasil'yev L.S. *Fenomen vlasti-sobstvennosti* [The Phenomenon of Power-Ownership]. *Tipy obshchestvennykh otnosheniy na Vostoke v sredniye veka* [Types of Public Relations in the East in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1982. Pp. 60–99. (In Russ.).
6. Grinin L.Ye., Korotayev A.V. *Sotsial'naya makroevolutsiya* [Social macro-evolution: the genesis and transformation of the world-system]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 568 p. (In Russ.).
7. Gulyayev V.I. *Goroda-gosudarstva Maya* [Maya-states of Maya: the structure and functions of the city in the early class society]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 304 p. (In Russ.).
8. Dyakonov I.M. *Puti istorii: ot drevneyshego cheloveka do nashikh dney* [Ways of history. From the oldest man to our days]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 384 p. (In Russ.).
9. Erasov B.S. *Tsivilizatsii: universalii i identichnosti* [Civilizations: universals and identity]. Moscow, 2002. 523 p. (In Russ.).
10. Zhukov E.M. *Nekotorye voprosy sotsial'no-ekonomicheskikh formatsiy* [Some questions of the theory of socio-economic formations]. *Kommunist* [The Communist], 1973, no. 11, pp. 91–99. (In Russ.).
11. Zhukov E.M., Barg M.A., Chernyak E.B., Pavlov V.I. *Teoreticheskiye problemy vsemirno-istoricheskogo protsessa* [Theoretical problems of the world — historical process]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 330 p. (In Russ.).

12. Ionesov V.I., Pavlenko Yu.V. Protobaktriyskaya tsivilizatsiya: sotsio-kul'turnyy kontekst vozniknoveniya zoroastrizma [Protobactrian civilization: the socio-cultural context of the emergence of Zoroastrianism]. *KLIO. Zhurnal dlya uchenykh* [CLIO. Journal for scientists], 2002, no. 4 (13), pp. 110–117. (In Russ.).
13. Ionesov V.I. *Formirovaniye i razvitiye ranneklassovykh otnosheniy v osedlozemledelcheskom obshchestve Severnoy Baktrii* [Formation and development of early class relations in the settled society of Northern Bactria. Theses]. Samarkand, 1990. 25 p. (In Russ.).
14. Ionesov V.I. Dinamika transformatsii kul'tury v perekhodnom protsesse [Dynamics of culture transformation in the transition process]. *Kreativnaya ekonomika i sotsial'nye innovatsii* [Journal of Creative Economics and Social Innovations], 2014, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.).
15. Ionesov V.I. Ispytaniye perekhodom kak pereosmysleniye kul'tury [The transition test as a rethinking of culture]. *Modernizatsiya kul'tury: idei i paradigmy kul'turnykh izmeneniy* [Modernization of culture: ideas and paradigms of cultural change. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Ed. by S.V. Solov'yova, V.I. Ionesov. Samara, 2013. Pp. 61–67. (In Russ.).
16. Ionesov V.I. Kul'tura i transformatsiya: metamorfozy adaptatsii i razvitiya [Culture and Transformation: Metamorphoses of Adaptation and Development]. *Voprosy kul'turologii* [Questions of Culturology], 2009, no. 8, pp. 4–7. (In Russ.).
17. Ionesov V.I. Arkheologicheskiye resursy kul'turnogo naslediya [Archaeological resources of cultural knowledge: the Proto-Bactrian context]. *Arkheologiya kak sotsiokul'turnaya praktika: opyt i perspektivy upravleniya naslediyem* [Archeology as a sociocultural practice: experience and perspectives of heritage management]. Ed. by V.I. Ionesov. Samara, 2017. Pp. 186–194. (In Russ.).
18. *Istoriya pervobytnogo obshchestva: epokha klassoobrazovaniya* [History of primitive society: The era of class formation]. Ed. by Yu.V. Bromley. Moscow, Nauka Publ., 1988. 568 p. (In Russ.).
19. Kantor K.M. *Dvoynaya spiral' istorii. Tom 1. Obshchiye problemy* [The double helix of history: the historiography of proectism. Vol. 1. General problems]. Moscow, 2002. 904 p. (In Russ.).
20. Korneyro (Corneiro) R.L. Kul'turnyy protsess [Cultural process]. *Antologiya issledovaniy kul'tury. Tom 1. Interpretatsiya kul'tury* [Anthology of cultural studies. Vol. 1. Interpretation of culture]. St. Petersburg, 1997. Pp. 421–438. (In Russ.).
21. Korotayev A.V. *Sotsial'naya evolutsiya* [Social evolution: factors, patterns, trends]. Moscow, 2003. 278 p. (In Russ.).
22. Kuz'minov Ya.I., Korotayev A.V. Nekotoryye problemy modelirovaniya sotsial'no-ekonomitceskoy struktury ranneklassovykh i feodal'nykh obshchestv [Some problems of modeling the socio-economic structure of early class and feudal societies]. *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa], 1989, no. 3, pp. 67–77. (In Russ.).
23. Kubbel' L.E. *Ocherki potestarno-politicheskoy etnografii* [Essays of potestary and political ethnography]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 272 p. (In Russ.).
24. Kubbel' L.E. Potestarnaya i politicheskaya etnografiya [Potestary and political ethnography]. *Issledovaniya po obshchey etnografii* [Researches on the general ethnography]. Moscow, Nauka Publ., 1979. Pp. 241–277. (In Russ.).
25. Lenin V.I. O brochure Yuniusa [About the brochure of Junius]. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Full composition of writings. Vol. 30]. 5<sup>th</sup> ed. Moscow, Political Literature, 1973. Pp. 11–16. (In Russ.).
26. Marks K. Konspekt knigi Lyuisa G. Morgana [A synopsis of Lewis G. Morgan's book "Ancient Society"]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 45]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Politizdat Publ., 1975. Pp. 227–372. (In Russ.).
27. Marks K. Pis'mo L. Kugelmanu [Letter to L. Kugelmann], April 17, 1871. Marx K., Engels F. *Sochine-niysya* [Writings. Vol. 33]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Politizdat Publ., 1964. Pp. 175. (In Russ.).
28. Marks K. Nabroski otveta na pis'mo V.I. Zsulich [Outline of the answer to the letter V. I. Zsulich]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 19]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Politizdat Publ., 1961. Pp. 400–421. (In Russ.).
29. Marks K. Ekonomicheskiye i filiosofskiy rukopisi 1844 goda [Economical and Philosophical Manuscripts of 1844]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 42]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Politizdat Publ., 1974. Pp. 41–174. (In Russ.).
30. Masson V.M. *Pervyye tsivilizatsii* [The first civilizations]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 276 p. (In Russ.).

31. *Ot doklassovykh obshchestv k ranneklassovym* [From pre-class societies to early class societies]. Ed. by B.A. Rybakov. Moscow, Nauka Publ., 1987. 242 p. (In Russ.).
32. Pavlenko Yu.V. *Ranneklassovyye obshchestva: genesis i puti razvitiya* [Early class societies: genesis and ways of development]. Kiev, 1989. 288 p. (In Russ.).
33. Pavlenko Yu.V. *Istoriya mirovoy tsivilizatsii* [History of World Civilization: Philosophical Analysis]. Kiev, Phoenix Publ., 2002. 760 p. (In Russ.).
34. Semyonov Yu.I. *Filosofiya istorii* [Philosophy of history: a general theory, basic ideas and concepts from antiquity to the present day]. Moscow, Sovremennye tetradi Publ., 2003. 760 p. (In Russ.).
35. White L. *Izbrannoye: nauka o culture* [Selected: The Science of Culture]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 960 p. (In Russ.).
36. Khazanov A.M. *Klassoobrazovaniye: factory i mekhanizmy* [Class formation: factors and mechanisms] *Issledovaniya po obshchey etnografii* [Studies in general ethnography]. Moscow, Nauka Publ., 1979. Pp. 125–177. (In Russ.).
37. Engel's F. Pis'mo I. Blokhu [Letter to I. Bloch], September 21–23, 1890. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 37]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Politizdat Publ., 1965. Pp. 393–397. (In Russ.).
38. Fried M.H. On the evolution of social stratification and the state. *Culture in history: Essays in honor of Paul Radin*. Ed. by S. Diamond. New York, Columbia University Press., 1960. Pp. 713–731.
39. Fried M.H. *The Evolution of Political Society: an essay in political anthropology*. New York; London, McGraw-Hill Publ., 1967. 270 p.
40. Geertz C. The Transition to Humanity. *The Voice of America. Forum Lectures: Anthropology Series no. 3*. Washington, U. S. Information Agency, 1963. 10 p.
41. Ionesov V.I. *The Struggle between Life and Death in Proto-Bactrian Culture: Ritual and Conflict*. Lewiston, New York, The Edwin Mellen Press, 2002. 220 p.
42. Ionesov V. Imitative Ritual in Proto-Bactrian Mortuary Practice. *Current Anthropology*, 1999, vol. 40, no. 1, pp. 87–89.
43. Lenski G.E. *Power and Privilege. A Theory of Social Stratification*. New York, McGraw-Hill Publ., 1966. 495 p.
44. Polanyi K. *Primitive, Archaic and Modern Economics*. New York, 1968. 346 p.
45. Sahlins M., Service E. Evolution: Specific and General. *Evolution and Culture*. Ed. by M. Sahlins, E. Service. University of Michigan Press, 1960. Pp. 12–45.
46. Sahlins M. *Apologies to Thucydides: Understanding History as Culture and Vice Versa*. Chicago, The University of Chicago Press, 2004. 320 p.
47. Service E. *Origins of the State and Civilization: The Process of Cultural Evolution*. New York, W. W. Norton, 1975. 388 p.
48. *The Transition to Statehood in the New World*. Eds D. G. Jones and R. R. Kautz. Cambridge, Cambridge University Press, 1981. 261 p.

УДК 141.1  
ББК 87.6

## МАРКСИЗМ В ПЕРЕСЕЧЕНИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОТОКОВ

*В. А. Жилина*

*Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия*

Проанализировано содержание термина «идеология», применяемого классиками марксизма в социальном анализе. Показана несостоятельность определения идеологии в качестве некоторой политической доктрины. Доказана несводимость марксистской теории к доктрине коммунистической идеологии. В анализе содержания марксистской социальной теории идеология определена как обозначение существенных моментов материалистического понимания истории.

**Ключевые слова:** марксизм, идеология, история, общество, материализм, диалектика.

В 1846 г. К. Маркс и Ф. Энгельс обобщают свои исследования современной им философии в труде, который впоследствии называют «Немецкой идеологией» и который при жизни основоположников марксизма так и не был опубликован. В канве предыдущих работ классиков марксизма «Немецкая идеология» достаточно традиционна. Схожей проблематике к этому времени уже посвящены «К критике гегелевской философии права» (1843), «К еврейскому вопросу» (1844), «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании» (1845). Продолжая полемику с классической метафизикой, в данной книге К. Маркс и Ф. Энгельс намерены подвергнуть критике основные тезисы работ Л. Фейербаха, Б. Бауэра, М. Штирнера. Однако принципиальным отличием от предыдущего этапа развития взглядов классиков марксизма является их намерение в этой полемике окончательно определить свой новый подход в социальном анализе, о чём заявлено авторами в самой работе. Это позволяет предположить, что именно новое, критическое материалистическое понимание истории и социума заключено ими в идеологические рамки. Если учесть, что марксистская школа в скором времени будет позиционироваться в качестве идеологической доктрины одной из социальных систем в фундаментальном противостоянии XX в., то представляется значимым исследование содержания вынесенного в заголовок слова «идеология». Особую актуальность такое исследование обретает в наши дни, так как противостояние двух социальных систем сегодня перенесено в область моделирования противопоставления России всему мировому сообществу. Идеологическая борьба проявляется сегодня

не в социальных коллизиях, а в откровенном стремлении изолировать Россию в мировом геополитическом пространстве. Поэтому анализ содержания контекста идеологии у самих классиков марксизма становится просто необходимым.

В настоящее время всё, что имеет отношение к идеологии, воспринимается с негативными оценками. При этом традиционно идеология понимается как некая доктрина политической партии, которая, якобы, позволяет определённым социальным слоям манипулировать сознанием всего остального общества. Марксизму приписывают роль государственной идеологии стран социалистического лагеря и в отождествлении с теориями построения коммунистического общества его считают детерминантом тоталитарных режимов XX в. К сожалению, периодически возникают теории, позволяющие себе вообще ставить знак равенства между марксизмом и национал-шовинистическими настроениями. Заметим, что с точки зрения закономерностей развития политической сферы такое понимание идеологии само по себе «идеологично»: агрессивное воздействие чуждого образа жизни с необходимостью должно опираться на нигилистическое отрицание этнических корней культуры [2]. К тому же политизированное понимание идеологии способно являть свою эффективность только в моделях управления, в частности, в определении механизмов пропаганды. Но и в этом случае политические доктрины — либерализм, консерватизм, социализм и т. д. выступают лишь частными случаями общего действия идеологии. В бытовых процессах идеология атрибутивна социальному бытию и представляет собой универсальный механизм преломления общего содержания культуры в индивидуальных носителях [5]. Другими

словами, идеология есть единство многообразия внутреннего духовного социальных субъектов в реальном сохранении и функционировании культуры [6].

Саму работу «Немецкая идеология» в последующих исследованиях сущности марксистской философии иногда позиционируют в качестве основного философского произведения марксизма, что, по крайней мере, спорно, так как здесь ещё неустойчив категориальный анализ, предлагаемый К. Марксом в качестве базового при исследовании проблем человеческой истории и общества. Но тем не менее её содержание вполне можно рассматривать как некую краткую канву будущего «Капитала». В связи с этим логично допустить «идеологию» этой работы в качестве лишь отдельного звена общей марксистской «идеологии». И вряд ли эта «идеология» в этом аспекте подразумевает «коммунизм». В связи с этим следует отметить и тот факт, что внимательное обращение к наследию классического марксизма убедительно показывает: К. Маркс и Ф. Энгельс крайне осторожно используют термин «коммунизм». Например, чисто формально, помимо знаменитого «Манифеста» в трудах раннего К. Маркса, этот термин встретится в названии статьи «Коммунизм и “Аугсбургская газета”». Что касается трудов Ф. Энгельса, то «коммунистическая тематика» проглядывает в позднем периоде — в так называемых письмах об историческом материализме, где с помощью её фиксируется форма социального конфликта. И даже там, где речь идёт о следующей за капиталистической формацией стадии общественного развития, особенностью которой будет, согласно закону отрицания отрицания, господство общественной собственности на средства производства, коммунизм у классиков марксизма — это прежде всего новая стадия развития производительных сил. В марксистской теории нет даже намёков на утопизм равномерного распределения или на казарменную нивелировку умов (как в современных интерпретациях трактуют, например, советскую идеологическую систему). Да и сам лозунг «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» вырван из контекста. В этом качестве он действительно может рассматриваться как призыв к революционному переустройству и, соответственно, с необходимостью трансформируется в требование диктатуры этого самого пролетариата. Однако такая трактовка «коммунистической тематики» уводит в сторону от реального содержания марксизма.

Если было бы возможно поместить эволюцию марксизма в литературное поле, К. Маркс, наверное, мог бы повторить фразу профессора Филиппа Филипповича Преображенского из «Собачьего сердца» М. А. Булгакова: «Да, я не люблю пролетариат». Ведь его учение приносит в жертву целый класс, отводя пролетариату недолгий век первоначального накопления капитала. А если поместить этот тезис в канву политической модели идеологии, то марксизм и вовсе можно обвинять в религиозности. Ведь на поверхности проглядывает аналогия с жертвой Иисуса Христа. Только отрицанием пролетариата искуплен иной грех — грех бегства от свободы. Последний феномен и является центральным ядром всего марксистского переворота в социальной теории. Именно свободу следует рассматривать в качестве основания идеологичности марксизма. Обращает на себя внимание и тот факт, что при всех последующих интерпретациях марксизма его никогда не классифицируют в качестве разновидности либерализма.

Так что же идеологичного в марксизме? Почему анализ гегельянцев — это именно идеология? И, самое главное, почему марксизм впоследствии в разных интерпретациях так или иначе соотносят с идеологией масс?

Анализ биографии и теоретической эволюции К. Маркса и Ф. Энгельса не позволяет заключить, что основатели марксистской школы изначально ориентированы на обоснование значимости образа жизни угнетённых классов. Более того, даже в ранних работах обнаруживается неприятие существования человека в таком социальном статусе. Уже в период работы в газетах или, чуть позже, в «Немецко-французском ежегоднике» К. Маркс открыто критикует сложившуюся систему социальных отношений, и в этой критике отсутствуют даже намёки на сочувствие в отношении низших слоёв. Так, в «Оправдании Мозельского корреспондента» в анализе реальных судопроизводств ландтага К. Маркс, явно следуя логике гегельянского анализа, делает вывод о неразумности существующей государственной машины. А всё, что неразумно, должно быть элиминировано из общественной жизни. Однако будущий классик марксизма вовсе не защищает пострадавшую сторону — крестьян, занимавшихся сбором валежника. «Неразумность» просто выводит его на проблему эмансипации. Следовательно, акцент изначально сделан на процессе освобождения от угнетения, что, собственно, соответствует категории «эмансипация» в рамках римского права. Ещё до К. Маркса,

в начале XIX в. римское определение эмансипации (освобождение детей от труда и семейного деспотизма) расширяется и распространяется на сферу национальных и гендерных проблем в обществе [3]. Отличие марксизма состоит в том, что эмансипация начинает рассматриваться в качестве одной из черт разумности развития человеческой истории и, соответственно, в раннем марксизме процесс эмансипирования структурируется наподобие фаз развития гегелевской абсолютной идеи: экономическая, социальная, политическая. Выбор в пользу производящего угнетённого класса также прежде всего сделан согласно логике Гегеля. Исследование, проведённое фактически по канонам классической политической экономии, приводит К. Маркса к выводу о том, что при всех сценариях развития экономики доходность рабочего класса нарушает его интересы и разрушительна в отношении отдельных рабочих. При этом производство следует определять в качестве основной причины социального развития. Так, в «Немецкой идеологии» впервые появится знаменитое формационное деление истории, в основе которого лежит принцип материалистического понимания истории. Люди в истории выступают основными производительными силами, которые вступают в независимые от их воли производственные отношения. Совокупность производительных сил и производственных отношений образует способ производства, развитие которого и есть собственно история. Далее появится определение базиса, детерминирующего надстройку. И наконец, единство базиса и надстройки позволит ввести новую категорию в качестве вехи истории — общественно-экономическую формацию [8].

В этой логике марксистской теории обнаруживают себя сразу две идеологические тенденции. Первая фундаментальна в теории философии. Действительная революция марксизма состоит в тезисе: не общественное сознание определяет общественное бытие, а общественное бытие определяет общественное сознание. Помимо того, что впервые материализм в философии доведён до конца — социум объяснён не идеальными причинами, а через материальные факторы, сопоставимые с действием природных сил, ещё так называемый исторический материализм впервые вводит в научную теорию истории принцип повторяемости. Как следствие — личность и история впервые образуют единое социальное поле. В частности, возможно преодоление и имперсонализма, и персонализма одновременно [10].

При этом принципиальная новизна состоит в отрицании теории равноправия факторов в историческом развитии. Субъект впервые становится активной силой. В этом плане марксизм можно считать первой реальной идеологией Разума, которая выдвигается эпохой Просвещения, но в саму эпоху остаётся утопичным пожеланием. Разум в рамках марксизма отрывается от божественного происхождения и не сводится к характеристикам *Homo sapiens*, как это случится в последующем развитии антропологии [12]. Разум становится характеристикой социального субъекта, которая явлена в цепочке «потребность — интерес — действие».

Вторая идеологическая составляющая, сопро-вождающая теорию материалистического понимания истории, особо значима для самой марксистской школы. Выход к определению основного принципа объяснения истории через процессы эмансипации с неизбежностью уведит эту школу философии в сторону номиналистического уклона. Дело в том, что эмансипация всегда подразумевает коллективного субъекта, единичный же социальный субъект всегда имеет статус составляющего этого единого. И уже в рамках неомарксизма Э. Фромм подчёркивает, что смысл марксовской теории эмансипации состоит в эмансипации Духа человека и поиске единения с природой и иными людьми [11]. То есть марксизм изначально направлен не на чей-то узкий интерес, а на эмансипацию человека как родового существа. Последнее весьма примечательно: это заявление идёт в разрез с традиционным провозглашением марксизма в качестве некоторой политической доктрины рабочего класса и, как следствие, политических сил, которые провозглашают себя коммунистическими силами. Революционная практика марксистской теории в требовании к философии «изменить мир» состоит не в стремлении свергнуть капитализм, а в желании преодолеть отчуждение, прежде всего феномен отчуждённого труда. Именно это намерение «расширяет» поле идеологического влияния марксистской теории на смежные области теоретического знания. Например, в области экономической теории сегодня фиксируют идеологическое доминирование маржинализма над всеми другими разновидностями экономической теории, доказательство чему находят в сравнительном анализе марксистской политэкономии и неоклассического маржинализма [9].

В «Немецкой идеологии» теоретики марксизма подвергаются критике и онтологические, и гносео-

логические воззрения своих оппонентов. При этом сами создают новую социальную модель, включающую в себя и новую методологию исследования. Поэтому идеология марксизма затрагивает своим действием все возможные направления философской мысли. В этом аспекте идеология неразрывно связана с диалектикой социального бытия. И здесь, очевидно, наиболее наглядна сложность идеологии марксизма. Примером может служить идеология советской эпохи, которая выростала из «диамата», где диалектика была абстрактно онтологизирована. Догматическая система диалектики, в которой диалектические законы схематичны в природе, обществе и мышлении [4], превратила государственную идеологию в фактор стагнации страны и одновременно трансформировала саму марксистскую теорию до неузнаваемости. В реальной логике становления марксизма адекватное понимание диалектики позволяет К. Марксу в «Капитале» не только создать цельную идеологию капитализма, но и сформулировать основные методы понимания этой идеологии: от абстрактного к конкретному, единства исторического и логического [7]. Следовательно, идеология марксизма — это концепция материалистической диалектики. В социальном анализе

этот аспект идеологии был подхвачен неомарксизмом. В 1966 г. Т. Адорно публикует «Негативную диалектику», где впервые обобщает диалектику отрицательности [1]. Она используется в качестве основы критики индустриального общества, в том числе культуры. При этом когнитивное понимание диалектики позволяет наряду с социальным анализом критически переработать теорию: например, основные категории экзистенциализма. А это, в свою очередь, позволяет предположить универсальную «идеологическую» обработку существующих социальных и антропологических концепций в плане марксистской теории. Одновременно этот факт служит доказательством того, что содержание идеологии марксизма далеко от политических конъюнктур и напрямую соотносится со степенью адекватного отношения к содержанию марксистской социальной теории и методологии.

Таким образом, «Немецкая идеология», несомненно, пережила своих создателей в том плане, что не только до сих пор знакомит с основами социального анализа общества, но и убедительно показывает сферу действия идеологии как социального феномена и качественную специфику идеологии самого марксизма.

### Список литературы

1. Адорно, Т. Негативная диалектика / Т. Адорно. — М. : АСТ, 2013. — 512 с.
2. Ахметзянова, М. П. К вопросу о культурной коммуникации: философский аспект / М. П. Ахметзянова // Экономика и политика. — 2014. — № 1 (2). — С. 12–13.
3. Барбарук, Ю. В. Проблема субъекта эмансипации в современном марксизме / Ю. В. Барбарук // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7 : Философия, социология и социал. технологии. — 2009. — № 2 (10). — URL <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-subekta-emansipatsii-v-sovremennom-marksizme>
4. Дудник, С. И. Диалектика отрицательности в неомарксизме / С. И. Дудник // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6 : Политология. Междунар. отношения. — 2013. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialektika-otritsatelnosti-v-neomarksizme>
5. Жилина, В. А. Идеологическое управление как сущностная черта развития социума / В. А. Жилина // Социум и власть. — 2016. — № 1 (57). — С. 51–55.
6. Жилина, В. А. Проблема определения идеологического субъекта / В. А. Жилина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2009. — № 29 (167). Философия. Социология. Культурология. Вып. 13. — С. 44–50.
7. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 / К. Маркс. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 1200 с.
8. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М. : Партийн. изд-во, 1933. — 612 с.
9. Миропольский, Д. Ю. Марксизм и маржинализм: диалектика преодоления в современной политической экономии / Д. Ю. Миропольский // Философия экономических ценностей, проблемы самоопределения современной политической экономии в странах СНГ и Балтии. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marksizm-i-marzhinalizm-dialektika-preodoleniya-v-sovremennoy-politicheskoy-ekonomii>
10. Плеханов, Г. В. К вопросу о роли личности в истории / Г. В. Плеханов. — М. : Изд-во полит. лит., 1938. — 40 с.
11. Фромм, Э. «Иметь» или «быть» / Э. Фромм. — М. : АСТ, 2007. — 320 с.

12. Шелер, М. Проблема человека в западной философии : переводы / М. Шелер ; сост. и послесл. П. С. Гуревича ; общ. ред. Ю. Н. Попова. — М. : Прогресс, 1988.

### Сведения об авторе

**Жилина Вера Анатольевна** — доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, Магнитогорский технический университет имени Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия. vera-zhilina@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2018. No. 5 (415).*

*Philosophy Sciences. Iss. 48. Pp. 19–24.*

## MARXISM IN THE IDEOLOGICAL CROSSING OF THE STREAMS

*V.A. Zhilina*

*Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia. vera-zhilina@yandex.ru*

The article analyzes the content of the term “ideology” used by the classics of Marxism in social analysis. Author shows the inconsistency of the definition of ideology as a political doctrine. The irreducibility of Marxist theory to the doctrine of Communist ideology is proved. In the analysis of the content of Marxist social theory ideology is defined as the designation of essential points of materialistic understanding of history. In this logic, the development of Marxist theory reveals itself the following ideological trends. Ideology is a mechanism of emancipation and based on the analysis of the level of development of productive forces. Thus the main ideological requirement is the emancipation of man as a generic being. And, finally, an ideology expresses a facet of the dialectic. This allows concluding that ideology is the unity of diversity of internal spiritual social subjects in the real preservation and functioning of culture.

**Keywords:** *marxism, ideology, history, society, materialism, dialectics.*

### References

1. Adorno T. *Negativnaya dialektika* [Negative dialectics]. M., AST Publ., 2013. 512 p. (In Russ.).
2. Akhmetzyanova M.P. K voprosu o kul'turnoy kommunikatsii: filosofskiy aspekt [On the issue of cultural communication: the philosophical dimension]. *Ekonomika i politika* [Economics and politics], 2014, no. 1 (2), pp. 12–13. (In Russ.).
3. Barbaruk Yu.V. Problema sub'yekta emansipatsii v sovremennom marksizme [The problem of the subject of emancipation in modern Marxism]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya, sotsiologiya i sotsial'nyye tekhnologii* [Bulletin of Volgograd State University. Series 7. Philosophy sociology and social technologies], 2009, no. 2 (10). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-subekta-emansipatsii-v-sovremennom-marksizme> (In Russ.).
4. Dudnik S.I. Dialektika otritsatel'nosti v neomarksizme [The dialectic of negativity in the neo-Marxism]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Political science. International relations], 2013, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialektika-otritsatel'nosti-v-neomarksizme> (In Russ.).
5. Zhilina V.A. Ideologicheskoye upravleniye kak sushchnostnaya cherta razvitiya sotsiuma [Ideological management as essential feature of development of society]. *Sotsium i vlast'* [Society and power], 2016, no. 1 (57), pp. 51–55. (In Russ.).
6. Zhilina V.A. Problema opredeleniya ideologicheskogo sub'yekta [The problem of determining the ideological subject]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2009, № 29 (167), pp. 44–50. (In Russ.).
7. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. 1 [Capital. A critique of political economy. Vol. 1]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2013. 1200 p. (In Russ.).
8. Marks K., Engel's F. Nemetskaya ideologiya [German ideology]. Moscow, Partiynoe izdatel'stvo, 1933. 612 p. (In Russ.).
9. Miropol'skiy D.Yu. Marksizm i marzhinalizm: dialektika preodoleniya v sovremennoy politicheskoy ekonomii [Marxism and marginalism: the dialectics of overcoming in modern political economy]. *Filosofiya*

*ekonomicheskikh tsennostey, problemy samoopredeleniya sovremennoy politicheskoy ekonomii v stranakh SNG i Baltii* [Philosophy of economic values, problems of self-determination of modern political economy in the CIS and Baltic States]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/marksizm-i-marzhinalizm-dialektika-preodoleniya-v-sovremennoy-politicheskoy-ekonomii> (In Russ.).

10. Plekhanov G.V. *K voprosu o roli lichnosti v istorii* [On the role of the individual in history]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1938. 40 p. (In Russ.).

11. Fromm E. «Imet'» ili «byt'» [“Have” or “be”]. Moscow, AST Publ., 2007. 320 p. (In Russ.).

12. Sheler M. *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* [The position of man in space]. Moscow, Progress Publ., 1988. (In Russ.).

УДК 141.201  
ББК 87.53

## ФИЛОСОФИЯ МАРКСА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ: ЦЕННОСТИ, ЗНАНИЕ, ИДЕОЛОГИЯ

*Н. Л. Худякова*

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

Обосновывается, что идеология является формой знаний о личностных ценностях и формой стратегического проектирования социальных изменений.

**Ключевые слова:** *стратегическое проектирование, стратегия, личностные ценности, знание, идеология, идеологема, идеалема.*

Двухсотлетний юбилей К. Маркса — достойный повод обратиться к тем проблемам, которые касаются ценностей, знания и в целом идеологии. В частности, в «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса содержится методологически конструктивное понимание того, что позже получит название объективной мыслительной формы. И ценности, и знания выступают именно мыслительными формами. Идеология в целом может быть представлена как органично вырастающее на основе мыслительных форм «тело» идеального бытия человека. В русле этой методологической установки мы и намерены рассмотреть то, что актуально, — современное состояние исследования проблем ценности, знания и идеологии.

«Живи настоящим и не задумывайся о будущем» — призыв к современному человеку, который звучит очень часто. Но можно ли так жить? «Не задумываться» можно, но это не значит, что человек может жить только настоящим без прошлого и без будущего. Человек — существо, которым движут желания, стремления, предметная определённость которых выражена *образами будущего*. Возникновение этих образов и их реализация определяются имеющимся опытом, приобретённым в прошлом и настоящем, как индивидами, так и человечеством. Получается, что так или иначе люди всегда ориентируются на будущее, но образы будущего могут создаваться по-разному и на основе разного опыта. Неосознанность, неисследованность этой стороны бытия человека приводит к тому, что воплощённые нами образы будущего становятся для нас настоящим, которое часто нам не нравится, которое чем-либо нас не устраивает. Как определить тот образ будущего, которое нас не разочарует? Возможно ли это?

Определение образа будущего для современного человека, для предприятий, для государств

и общества взяла на себя наука, которая с самого начала ориентирует людей на целенаправленное изменение мира, на его преобразование. Основной формой определения образа будущего как цели совместной деятельности людей и определения способов его реализации стало стратегическое проектирование.

Предметом стратегического проектирования являются социальные системы. О стратегическом проектировании речь идёт тогда, когда социальные системы рассматриваются на макроуровне их существования, то есть как элементы социальной формы бытия. *Стратегическое проектирование* представляет собой процесс создания проекта как прототипа, прообраза долгосрочного целенаправленного качественного изменения какой-либо социальной системы до предполагаемого и (или) возможного его состояния. Основанием стратегического проектирования является стратегия, которую понимают как «генеральное направление движения, генеральный путь (дорога), генеральная “линия” поэтапного достижения цели, то есть основное, ведущее направление движения для поэтапного достижения каких-либо целей» [8. С. 49]. Стратегия всегда выражает общее для людей, включённых в ту или иную социальную систему, будущее.

Стратегическое проектирование, включающее в себя определение стратегии, является одним из видов управленческой деятельности, посредством которого в системе общественных отношений частично реализуется *социально-регулятивная функция*. Методологическими основаниями такого проектирования являются философские, научные и идеологические концепции, обладающие разными возможностями при определении стратегии изменений социальных систем.

В. И. Плотников обращает внимание на ограниченность возможностей специализированных

типов проектирования, в основании которых лежит наука, и на необходимость решения этой проблемы на основе философского подхода. «Научное прогнозирование, политическое программирование, техническое проектирование, — пишет он, — могут исходить в своём отношении к будущему из множества обособленных возможностей. Философия же обязана взять на себя предельно трудную задачу: не создавать мысленные прогнозы, не творить очередные “программы построения коммунизма к 1980 году” и не просчитывать технические варианты всего, что не противоречит законам природы, не заботясь о последствиях социального порядка, а вырабатывать проект будущего *исходя из целостной действительности*, то есть проект, свободный от риска трагических и необратимых ошибок» [4. С. 395–396].

Как основание стратегического проектирования целостность действительности в философии представлена знаниями двух типов: знаниями о мире, существующем независимо от человека, и знаниями об отношении человека к этому миру, которые отражают общезначимые для человека виды отношений и общезначимые качества этих отношений. Второй тип знаний — это знания о ценностях большой и предельной (универсальной) степени общезначимости. Названные типы знаний взаимосвязаны и взаимообусловлены, но только знания о том, что значимо для индивидов и общезначимо для социальных общностей, — знания о ценностях большой степени общезначимости могут выразить стратегию социальных изменений, стать образом будущего.

Могут ли знания о ценностях быть получены с помощью науки? С одной стороны, да, но предметом научного исследования могут быть только ценности конкретных людей, живущих в конкретных условиях. Наука неспособна своими методами определить то универсально и общезначимое, которое найдёт своё отражение в образе общего для большого количества людей будущего. Чтобы изучать ценности, надо понять их роль и место в целостном бытии человека.

Проблему будущего для индивидов и для человечества В. И. Плотников включил в число коренных вопросов философии. Он писал: «...инвариантное основание философии составляют, на наш взгляд, три коренных вопроса: откуда мы пришли, кто мы и куда идём» [Там же. С. 385]. Ответ на вопрос «Куда мы идём?» Плотников ожидает от аксиологии. Он определяет будущее основным предметом аксиологии [Там же. С. 393] — философского

учения о ценностном мире человека, о ценностях, «направляющих жизнь людей и определяющих их судьбу» [Там же. С. 367]. Но на вопрос «Куда мы идём?» невозможно ответить без ответа на вопросы «Кто мы?» и «Откуда пришли?». Это значит, что предметом философских исследований должна выступать не только предметная определённость ценностей, которые Плотников рассматривает как одну из форм существования проективной реальности, но и их природа, проявляющаяся в закономерностях возникновения, существования и развития ценностного мира человека.

Итак, *стратегия социальных изменений* является формой знаний о направленности этого процесса и способах его организации, которая представляет собой знания об общезначимых и универсально значимых ценностях. Для того чтобы эти знания полностью могли выполнить свою стратегическую функцию, в них должны быть отражены все важнейшие признаки объективно существующих ценностей.

Анализ определений понятия «ценность» показывает, что термином «ценность» обозначаются и мыслительные формы, являющиеся внутренней детерминантой и доминантой активности человека, и продукты человеческой деятельности, значимость которых для воспроизводства и развития социокультурных отношений обнаружилась через практику. Первые точнее называть личностными ценностями, вторые можно, следуя традиции, называть культурными. В число культурных ценностей входят как результаты реализации каких-либо личностных ценностей, так и знания о личностных ценностях большой степени общезначимости. Нас прежде всего интересуют личностные ценности как форма освоения человеком мира в его цельности и целостности, что так важно иметь в качестве основания при разработке любой стратегии. Описанные ниже существенные качества личностных ценностей помогают понять, как это возможно.

Как уже отмечалось, знания и ценности концептуально совпадают как мыслительные формы. Последние скрупулёзно исследованы Марксом на материале экономических мыслительных форм («Форма стоимости», «Форма прибавочной стоимости»). В этом значении знания и ценности неразличимы. Но в рамках их родового тождества есть видовые различия. На это особое внимание обращал В. И. Плотников. Личностные ценности как особый тип мыслительных форм он отличал от знаний — другого типа мыслительных форм. Он писал: «Если знание всегда объективно

по содержанию и субъективно по форме, то ценности, наоборот, объективны по форме и субъективны по содержанию» [4. С. 391]. А. Б. Невелев предлагает осознать ещё две базовые характеристики мыслительных форм: предметность и энергичность [3].

*Объективность формы личностных ценностей* обусловлена следующим: во-первых, ценности — это всегда образ должного, это — проект будущего, который выстраивается сознанием индивида на базе индивидуального и освоенного им общественного опыта, через выделение значимого в переживаемых отношениях; во-вторых, во всех аксиологических теориях признаётся, что ценности определяют направленность активности человека. В исследованиях автора этой статьи обосновано, что личностная ценность — это мыслительная форма, фиксирующая стремление человека к тому, что пережито им как значимое само по себе — в этом объективность формы личностных ценностей [9. С. 32–44]. Субъективность содержания личностных ценностей и системы личностных ценностей заключается в том, что в качестве предмета стремлений человека — проекта его будущего — всегда выступает тот комплекс значимых для него отношений и качеств этих отношений, которые сознание индивида определило в качестве таковых в переживаемом этим индивидом отношении. Эта работа осуществляется в сфере дорефлексивного сознания, но всегда опирается на имеющийся личностный опыт индивидов. Поэтому изменение личностного опыта приводит к тому, что одно теряет, а другое приобретает свою значимость для индивидов — так происходит изменение личностных ценностей.

*Объективность знания по содержанию* обусловлено тем, что знание всегда являются образами того, что существовало или существует, независимо от сознания человека. *Субъективность знаний по форме* определяется познавательными возможностями и способностями субъекта познания, тем, что освоил индивид и применяет в качестве основных средств познания. В зависимости от этого знания начинают складываться как по-разному структурированные. И хотя различают такие основные типы форм знаний, как научное и ненаучное, обыденное, мифологическое, научное, философское и т. п., знания, даже об одном и том же предмете познания, производимые разными субъектами, отличаются уникальной структурой.

Различение предметной и энергичной характеристик личностных ценностей, предлагаемое

А. Б. Невелевым [3], позволяет понять, почему личностные ценности выступают в качестве внутренней детерминанты, внутреннего регулятора поведения и деятельности человека. Энергичная характеристика свидетельствует о том, что *личностная ценность*, фиксируя наличие стремления человека, сама по себе является *формой существования его деятельной способности*. Предметная характеристика ценностей выражает предмет стремления — то, на что направлена активность человека. Таким образом, в личностной ценности, как особом типе мыслительных форм, предметные характеристики бытия человека непосредственно связаны с его деятельной способностью. Этим качеством не обладают знания. В них заключён *потенциал деятельной способности индивидов*, который находится в обратном отношении с отражённой в знании определённой предметностью мира. Этот потенциал может быть актуализирован человеком в деятельности, которая всегда направлена на реализацию не только цели, но и каких-либо личностных ценностей. Если личностные ценности выражают деятельную способность человека с определённой направленностью, то знания, применяемые при реализации ценностей, увеличивают потенциальные возможности этой деятельной способности. Знания и ценности дополняют друг друга. Вместе они выражают цельность субъективной и объективной, общественной и индивидуальной, предметной и энергичной сторон бытия человека.

Два типа мыслительных форм являются результатами соответствующих способов интеллектуального (духовного) освоения человеком мира: познавательного и ценностного. *Познавательное освоение мира* осуществляется через взаимосвязанные и взаимообусловленные уровни эмпирического и теоретического познания, результатом которого являются знания. Одновременно с познавательным освоением бытия происходит и его ценностное освоение. *Ценностное освоение мира* происходит в сфере дорефлексивного сознания индивидов как выявление значимых для них видов отношений и значимых качеств этих отношений. Значимые качества переживаемых индивидом отношений закрепляются как предмет стремлений в личностных ценностях. Иерархическое строение систем личностных ценностей — естественная форма их сосуществования как мыслительных форм — является способом закрепления взаимосвязи и взаимообусловленности отражённых в разных личностных ценностях разных значимых

типов отношений человека с миром и качеств этих отношений.

Ценностное освоение мира обуславливает возникновение новых форм культуры. В то же время ценностное освоение мира невозможно без познавательного. Цельность процесса познавательного и ценностного освоения человеком мира находила своё отражение в исторически возникающих формах знаний: в мифологии, искусстве, религии и философии. Концепция предметности мира, разработанная В. И. Плотниковым и А. Б. Невелевым, позволяет связать основные исторические этапы развития человечества с познавательным, ценностным и практическим освоением человеком разных уровней предметности мира и на этой основе выявить особенности названных форм знаний [3; 4].

Согласно концепции А. Б. Невелева о четырёх уровнях предметности мира для человека, первый уровень предметности мира (П-1) — мир материальных предметов — осваивается через применение орудий; второй (П-2) — мир, данный на уровне общих представлений, осваивается через применение символов; третий (П-3) — мир, данный на уровне понятий, осваивается через применение знаковых систем; четвёртый (П-4) — мир как целостность, отражающая синтез всех уровней предметности, который осваивается человеком через применение категорий — регуляторов «не» и «всё». Каждый уровень предметности мира — это определённый уровень знаний о нём, которому соответствует свой тип системы личностных ценностей: ценности индивидуально полезного, ценности социально значимого, ценности лично значимого и ценность родового значимого [9. С. 46–53]. В этом выражается единство познавательной и ценностной форм интеллектуального освоения человеком мира, которые в своей взаимосвязи и взаимообусловленности обеспечивают практическое освоение мира как результативное и эффективное.

Освоение человечеством каждого уровня предметности мира в их взаимосвязи исторически находило своё выражение в особенных формах знаний, отражающих цельность мира в мифологии и в искусстве и его целостность в религии, философии и в науке. В мифологии и искусстве знания о мире и знания об общезначимых ценностях закрепились на уровне общих представлений и символов. Эти знания отражают цельность мира как единство предметности 1 и 2. В мировых религиях целостность мира выражена уровнем понятий — предметностью 3, который формировался преимуще-

ственно индуктивным методом, то есть определялся предметностями 1 и 2. Философия даёт целостный образ мира на уровне предметности 4, синтезируя всеобщее, общее и единичное, то есть все уровни предметности, и описывая результаты этого синтеза на уровне предметности 3. После возникновения философского уровня познания начинают возникать мифы и произведения искусства, выражающие философские идеи на уровне предметности 2.

Особенную группу знаний о мире, вырабатываемых и применяемых в процессе практического освоения человеком мира, составляло обыденное знание. Оно также складывается из знаний о мире и знаний о ценностях, но это знания об ограниченных сферах человеческой жизни и отражают качества, значимые только для отдельных видов отношений и видов деятельности, и поэтому оно не могло быть основанием для стратегического проектирования.

*Социально-регулятивную функцию* в донаучный период существования человечества по отношению ко всем людям выполняли мифология, религия, философия и искусство. Только они в донаучный период тем или иным способом отражали мир материальных предметов, взаимосвязь уровней предметности мира и значимость того и другого для людей, которая определялась с точки зрения существования мира как цельности и целостности и встроенности в него человека. Мифология не могла стать основанием стратегического проектирования социальных изменений в силу своей предметной ограниченности. Она определяла настоящее и будущее тем, что фиксировала проверенные практикой и временем оптимальные формы отношений человека с миром, то есть обеспечивала воспроизводство необходимого и достаточного. Зато долгое время стратегическую функцию успешно выполняли и религия, и философия. С возникновением науки вера в стратегически проективные возможности религии и философии была утрачена, но и сама наука таких возможностей не имела. Во-первых, наука, складывающаяся из абстрактных знаний разных наук, не могла дать целостную картину мира и точно определить место человека в этой целостности. Во-вторых, наука до сих пор не выработала методов познания ценностного мира человека. Более того, В. И. Плотников обращает наше внимание на то, что «природа значимости не может быть предметом строгой науки» [4. С. 196]. Это всегда было предметом философского познания.

Возникновение науки как воплощения познавательного освоения мира не отменило его ценностное освоение. Новое, научное знание о существующем привело к возникновению у освоивших его людей нового типа личностных ценностей и потребовало новой формы отражения и передачи знаний об этом новом должном. Так как наука в силу своей специфики не могла включить в состав научного знания знание о вновь возникающих и реализуемых в жизни личностных ценностях, то потребовалась особенная форма сохранения знаний такого типа. В качестве таковой начинает формироваться идеология.

*Идеология* стала складываться как форма знаний о ценностях, предметные характеристики которых первоначально даются на уровне понятий — том уровне предметности, на который наука устойчиво вывела человечество. Таким образом, идея и стала считаться «клеточкой» идеологии и первичной формой определения *стратегии общественных изменений*.

Со времён Гегеля идея начинает пониматься как движущая сила исторических событий, как мыслительный образ, выражающий проекцию дальнейшего познания и практического преобразования мира — то есть как образ должного. В таком значении она и стала рассматриваться применительно к идеологии. Но наши знания о природе ценностного мира человека позволяют осознать, что идея как форма знаний о должном может возникнуть по-разному. Она может быть формой знаний о системе личностных ценностей её автора, или, по крайней мере, о реализации этой системы ценностей. Образ должного в личностных ценностях возникает как должное для самого себя. Но образ должного может быть целенаправленно сконструирован главным образом для «неправильно» живущих других. За создание таких образов должного в XX—XXI вв. взялась наука, которая с самого начала ориентировала людей на познание мира с целью его преобразования и подчинения себе. Это значит, что открытые наукой знания о мире должны были стать и стали силой, детерминирующей поведение и деятельность людей. Но если вначале научные знания, включённые в систему образования, выполняли воспитывающую функцию, то есть способствовали формированию личностных ценностей, соответствующих уровню научного познания, то к настоящему времени наука стала формировать образы должного, которые предъявляются людям как обязательные к исполнению.

При этом стала существенно меняться сама современная наука. Возникновение научных знаний связано с формированием систем знаний (теорий) уровня понятий, соответствующего предметности 3. Первоначально в научных знаниях, полученных через использование взаимодополняющих методов индукции и дедукции, анализа и синтеза, находили своё отражение качества мира, обнаруживаемые на уровне предметности 1 и предметности 2. Но к XX в. наука стала допускать возможность развиваться только за счёт использования в научных исследованиях знаний уровня понятий. Стала утрачиваться связь научных знаний с материальным миром. Это объяснимо: нигде человек не может быть так свободен и самодостаточен, как в мысли. Но это не означает, что любые теоретические конструкции могут определять характер жизни людей во всей полноте её предметных уровней.

Эмпирическая подтверждаемость и естественнонаучных, и социально-гуманитарных научных знаний всё больше подменяется наглядностью через подбор видеоряда. Получается, что значимое, обнаруживаемое человеком на основе такого рода знаний и закрепляемое как предмет его стремлений в личностных ценностях, часто не имеет объективных оснований на материальном уровне действительности. Всё большую роль в возникновении личностных ценностей начинает играть виртуальная реальность. Это было бы опасно, если бы люди могли жить только в ней, но на материальном уровне бытия люди ощущают всё большую беспомощность — ценности виртуального мира часто не отражают значимое для мира материального.

Таким образом, при целенаправленном конструировании образа будущего как научно обоснованной идеи нет никакой гарантии, что в этой идее будут отражены все устойчиво и обще значимые для человека качества его жизни. В то же время в личностных ценностях закрепляется именно это. Только личностные ценности содержат в себе образ должного, образ будущего, который отражает значимое в фактически переживаемых человеком отношениях. Этот образ вырабатывается сознанием человека на основе имеющегося у него личностного опыта и оценивания сторон переживаемых им отношений с миром через соотнесение этих сторон друг с другом. Должное, отражённое в личностных ценностях, максимально полно учитывает конкретные условия жизни конкретного человека и его потенциальные возможности. То есть личностные ценности всегда являются отражением

цельности бытия человека, в том числе и как проявление связи прошлого, настоящего и будущего.

Возможная оторванность научных знаний от материального мира и порождённых ими виртуальных форм культуры создаёт необходимость сохранять относительную автономность научных знаний о существующем как результате познавательного освоения человеком мира и знаний о должном как результате его ценностного освоения. То есть там, где основной формой познания становится наука, за формирование ценностной ориентации людей должна отвечать *идеология*, представляющая собой знание о системах личностных ценностей, степень общезначимости которых определяется родовым и культурно-исторически значимым.

Идеология, как форма знаний о системах личностных ценностей, является и формой существования стратегии социальных изменений. Такое понимание идеологии возможно, так как её основная *социально-регулятивная функция* заключается в обеспечении направленности процессов «трансформации общественных отношений, перехода от одного исторического способа их организации к другому» [5. С. 10], в «управлении социальными процессами через влияние на сознание людей» [1. С. 77]. Всё это осуществляется за счёт того, что идеология «предлагает направления, пути, ведущие к осуществлению этой цели. Она учит, во имя чего жить, как следует поступать, действовать», «ориентирует отдельного человека, общности людей на социально-практическую деятельность» по их достижению [6. С. 790]. Идеология всегда выражает стратегию изменений в жизни общества, государства и, в конечном счёте, индивидов и предполагает организацию совместной деятельности людей по реализации этой стратегии. О неразрывной связи стратегии и идеологии пишет В. С. Соловьёв, разработавший теорию социальных систем и стратегического управления этими системами. «В понятии “стратегия”, — пишет он, — отражается общая “идеология” перспективных изменений социальных систем» [7].

Но как быть нам, россиянам, если на уровне Конституции РФ закреплено положение: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (п. 2 ст. 13). Неужели наличие государственной идеологии делает невозможным идеологическое многообразие, которое признаётся в Российской Федерации? (п. 1 ст. 13). Не мешает ли идеологическое многообразие в условиях отсутствия идеологического единства созданию и осуществлению стратегии развития

Российского государства как целостности, обеспечивающей достойную жизнь и развитие человека?

Отрицание государственной идеологии обосновано боязнью тотального воздействия идеологии на сознание людей. Но такое может получиться и получается и при существовании разных идеологий, когда сторонники одной из них объявляют свою идеологию истинной и насильственно насаждают её всем другим. Выход из сложившейся ситуации усматривается нами в изучении содержания идеологий, которое складывается из идеологием и идеалем.

Идеологемы являются предметом исследований в отечественной лингвистике и культурологии. Идеологема рассматривается и как концепт, и как способ языковой репрезентации идеологии, тем самым объединяя в себе содержание идеологии и механизм её воздействия на сознание людей. Идеологемы как концепты относят к когнитивным структурам сознания и в то же время отмечают их аксиологичность. Это свидетельствует о том, что идеологемы представляют собой форму знаний об отдельных личностных ценностях, то есть идеологемы являются ценностными концептами.

Содержание идеологием как знаний о личностных ценностях должно отражать все существенные признаки этих ценностей. Во-первых, ценности фиксируют стремление человека к тому, что он переживает как значимое. Следовательно, идеологемы как ценностные концепты отражают значимые для людей типы отношений и качества этих отношений. Важно отличать идеологемы как ценностные концепты от оценок как результатов оценочной деятельности людей, которые рассматривают в качестве идеологием.

Другим признаком личностных ценностей является многоуровневость отражённого в них значимого: родового, социально (общего культурно-исторического уровня и частного) и индивидуально значимого. Названные уровни значимого фиксируются мыслительными формами, относящимися к разным уровням предметности: предметности 2 уровня представлений, предметности 3 уровня понятий и категорий. Для людей, достигших предметности 4, на первый план выходит *ценностно-образующее основание* — возникает стремление к построению *отношения Любви как таковому* — это *ценность родового значимого*.

Предметные характеристики ценностей людей соответствуют тому уровню предметности, который освоен человеком. Для многих людей

личностные ценности существуют на уровне общих представлений. В то же время такого рода ценности всегда выражают родовое и культурно-историческое значимое, предметные характеристики которых соответствуют уровню категорий и понятий. Названные характеристики личностных ценностей соответствуют характеристикам идеологема: Е. Г. Малышева определяет идеологему как «особого типа многоуровневый концепт» [2]. С нашей точки зрения, предметные уровни существования ценностных концептов образуют гносеологическую характеристику идеологем.

Третьим существенным признаком личностных ценностей является то, что в сознании индивидов они существуют как взаимосвязанные и взаимообусловленные в иерархических системах. Поэтому определённую идеологию может выражать *только иерархическая система идеологем*, которая отражает систему личностных ценностей как целостность значимых для конкретного человека, живущего в конкретных условиях типов отношений и качеств этих отношений. Содержание идеологем должно отражать встроенность отдельной личностной ценности в фактически существующую систему личностных ценностей. То есть каждая из идеологий представляет собой определённую иерархическую систему идеологем.

Все вышеназванные аксиологические основания идеологем как ценностных концептов должны проявляться в форме языковой репрезентации идеологий. Важно обратить внимание на то, что словесная репрезентация идеологем организуется не когнитивными, а аксиологическими категориями. Если первые являются мыслительными образами того, что существует само по себе, то вторые отражают то, что является человеку в предметной определённости его личностных ценностей как значимое для него.

Языковая репрезентация завершённых идеологем как многоуровневых ценностных концептов должна охватывать всю полноту их предметных уровней. Это значит, что словом должна быть: 1) обозначена форма значимого отношения, например «дружба»; 2) описаны на уровне понятий все значимые для человека качества этого отношения; 3) описаны на уровне представлений все значимые для человека формы организации этого отношения. Так как любая идеологема как элемент идеологии является элементом иерархической системы идеологем, то и её языковая репрезентация должна отражать содержание связанных с нею других идеологем.

Возникновение идеологем связывается нами с научным уровнем познания, на основе которого возникают личностные ценности, предметные характеристики которых описываются на уровне категорий и понятий. Идеологема как ценностный концепт в языковой интерпретации поддерживается в качестве таковой группами людей-единомышленников, которые вносят в описание ценностного концепта знания о том, что значимо лично для них. Так, идеологема становится многоуровневым ценностным концептом, который фиксирует предметные характеристики ценностей не только на уровне категорий и понятий, но и на уровне представлений. Постепенно в языковых интерпретациях идеологем начинает фактически утрачиваться общезначимость понятийного уровня. Остаётся термин, обозначающий ценность, и предметная характеристика значимого на уровне представлений. Такая идеологема, становясь ядром идеологии, воспроизводимой какой-либо группой людей, воздействует на сознание других людей только тотально. Она не допускает другой формы реализации значимого для человека, первоначально закреплённого на уровне категорий и понятий, чем тот, который предложен на уровне представлений. Идеологема представляет собой форму существования общего, которое отрывается от особенного и единичного, существует без связи с живой многообразной жизнью. Идеологемами может быть представлена любая идеология, в том числе и либеральная, которая становится тотальной.

Ценностным основанием стратегии социальных изменений, предполагающей постоянное соотношение всеобщего общего, особенного и единичного, могут стать только идеологии, складывающиеся из идеалем. *Идеалема*, как идеологема, представляет собой многоуровневый ценностный концепт в языковой интерпретации. Но это *устойчиво сохраняемая людьми* форма знания о личностных ценностях высокой степени общезначимости — о ценностях уровня категорий, позволяющих согласовывать условия реализации таких ценностей с быстроменяющимися и разнообразными условиями жизни современного человека. Примерами идеологем, фиксирующими родовое значимое, являются такие идеалемы-универсалии, как Любовь, Благо, Истина, Красота, Доверие и т. п. В составе идеологий названные идеалемы не существуют как рядоположенные. Они обязательно образуют иерархическую структуру. Так, В. Соловьёв в качестве системообразующей идеологемы идеологии

Всеединства называет Любовь (отношение Любви как таковое), которая возможна как отношение Блага, Истины и Красоты.

Идеологема предполагает передачу знаний о ценностях от одних людей другим посредством знаниевой модели образования, пропаганды, манипуляции сознанием индивидов. Идеалема обеспечивает освоение и удержание единого ценностного основания культуры человечества, позволяющего мирно сосуществовать и развиваться разным культурам. Идеалема, обеспечивая устойчивое основание согласования деятельности разных людей, работы разных социальных институтов, нацелена на изменчивость и многообразие мира. На основе идеологем организуется образование, ориентированное на развитие человека как целостности, на развитие человека как личности, на развитие его системы ценностей в составе личностного опыта.

Идеологии, складывающиеся из идеологем, определяют только общее направление, общую стратегию социальных изменений и предполагают существование многих форм отношений человека с миром как неопределённого и каждый раз определяемого конкретными людьми в конкретных природных и социокультурных условиях их жизни. Идеология, складывающаяся из идеологем, является формой существования стратегии общественных изменений, которая представляет собой долгосрочное качественно определённое направление развития предмета изменений и общую концепцию обеспечивающих это развитие условий, которые создаются совместной деятельностью людей. Только идеология, в основании которой лежит идеалема, выражающая ценность родового значимого, может выступать как стратегия развития Человечества.

### Список литературы

1. Жилина, В. А. Идеология как атрибут социального бытия : дис. ... д-ра филос. наук / В. А. Жилина. — Челябинск, 2010. — 335 с.
2. Малышева, Е. Г. Идеологема как лингвистический феномен: определение и классификация / Е. Г. Малышева // Полит. лингвистика. — 2009. — № 4 (30). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologema-kak-lingvokognitivnyy-fenomen-opredelenie-i-klassifikatsiya> (дата обращения 1.04.2018)
3. Невелев, А. Б. Ценностно-образующее основание и ценности: предметно-энергетическая демаркация / А. Б. Невелев, В. С. Невелева // Ценности и нормы в потоке времени : материалы VI Междунар. науч. конф. — Курган : Курган. гос. ун-т, 2015. — С. 86–88.
4. Плотников, В. И. Ценностный мир человека и его судьба / В. И. Плотников // Двадцать лекций по философии : учеб. пособие. — Екатеринбург, 2001.
5. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ : коллектив. моногр. / под ред. В. С. Мартынова, Л. Г. Фишмана. — М. : Полит. энцикл., 2016. — URL: [https://www.academia.edu/33900655/Россия\\_в\\_поисках\\_идеологий\\_трансформация\\_ценностных\\_регуляторов\\_современных\\_обществ\\_под\\_ред.\\_В.\\_С.\\_Мартынова\\_Л.\\_Г.\\_Фишмана\\_М.\\_Политическая\\_энциклопедия\\_2016\\_Коллективная\\_монография\\_.pdf](https://www.academia.edu/33900655/Россия_в_поисках_идеологий_трансформация_ценностных_регуляторов_современных_обществ_под_ред._В._С._Мартынова_Л._Г._Фишмана_М._Политическая_энциклопедия_2016_Коллективная_монография_.pdf) (Дата обращения 24.03.2018).
6. Философия : учеб. для вузов / под общ. ред. В. В. Миронова. — М. : Норма, 2005. — 928 с. — URL: <http://www.alleng.ru/d/phil/phil067.htm> (Дата обращения 09.02.2016).
7. Соловьёв, В. С. Теория социальных систем : в 2 т. / В. С. Соловьёв. — Новосибирск, 2005. — Т. 1 : Теория организации социальных систем. — 480 с.
8. Соловьёв, В. С. Теория социальных систем : в 2 т. / В. С. Соловьёв. — 2009. — Т. 2 : Теория управления социальными системами. — URL: <http://litmir.biz/rd/97973/p49> (Дата обращения 01.04.2018).
9. Худякова, Н. Л. Аксиологические основы поведения человека : учеб. пособие / Н. Л. Худякова. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. — 109 с. (Клас. универ. образование).

### Сведения об авторе

**Худякова Наталья Леонидовна** — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии факультета Евразии и Востока, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. [hudyakovanl@gmail.com](mailto:hudyakovanl@gmail.com)

---

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2018. No. 5 (415).  
Philosophy Sciences. Iss. 48. Pp. 25–33.*

## STRATEGIC DESIGN, VALUES, KNOWLEDGE AND IDEOLOGY

**N.L. Khudyakova**

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. hudyakovnl@gmail.com*

The article substantiates that ideology is a form of knowledge about personal values and a form of strategic design of social changes.

**Keywords:** *strategic design, strategy, personal values, knowledge, ideology, ideologeme, idealema.*

### References

1. Zhilina V.A. *Ideologiya kak atribut sotsial'nogo bytiya* [Ideology as an attribute of social life. Thesis]. Chelyabinsk, 2010. 335 p. (In Russ.)
1. Malysheva Ye.G. Ideologema kak lingvisticheskiy fenomen: opredeleniye i klassifikatsiya [Ideologema as a linguistic phenomenon: definition and classification]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2009, no. 4 (30). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologema-kak-lingvokognitivnyy-fenomen-opredelenie-i-klassifikatsiya> (In Russ.).
2. Nevelev A.B. Tsennostno-obrazuyushcheye osnovaniye i tsennosti: predmetno-energiynaya demarkatsiya [The value-forming basis and values: object-energy demarcation]. *Tsennosti i normy v potoke vremeni* [Values and norms in the flow of time]. Kurgan, 2015. Pp. 86–88. (In Russ.).
3. Plotnikov V.I. Tsennostnyy mir cheloveka i yego sud'ba [The human's value world and its fate]. *Dvadsat' lektsiy po filosofii* [Twenty lectures on philosophy: textbook]. Yekaterinburg, 2001. (In Russ.).
4. Rossiya v poiskakh ideologiy: transformatsiya tsennostnykh regulyatorov sovremennykh obshchestv [Russia in the search for ideologies: the transformation of value regulators of modern societies]. Moscow, 2016. Available at: [https://www.academia.edu/33900655/Rossiya\\_v\\_poiskakh\\_ideologiy\\_transformatsiya\\_tsennostnykh\\_regulyatorov\\_sovremennykh\\_obshchestv\\_pod\\_red.\\_V.\\_S.\\_Mart'yanova\\_L.\\_G.\\_Fishmana.\\_M.\\_Politicheskaya\\_entsiklopediya\\_2016.\\_Kollektivnaya\\_monografiya\\_.pdf](https://www.academia.edu/33900655/Rossiya_v_poiskakh_ideologiy_transformatsiya_tsennostnykh_regulyatorov_sovremennykh_obshchestv_pod_red._V._S._Mart'yanova_L._G._Fishmana._M._Politicheskaya_entsiklopediya_2016._Kollektivnaya_monografiya_.pdf) (In Russ.).
5. *Filosofiya* [Philosophy]. Ed by. V.V. Mironova. Moscow, Norma Publ., 2005. 928 p. Available at: <http://www.alleng.ru/d/phil/phil067.htm> (In Russ.).
6. Solov'yov V.S. *Teoriya sotsial'nykh sistem. Tom 1: Teoriya organizatsii sotsial'nykh sistem* [Theory of Social Systems. Vol. 1: Theory of organization of social systems]. Novosibirsk, 2005. 480 p. (In Russ.).
7. Solov'yov V.S. *Teoriya sotsial'nykh sistem. Tom 2: Teoriya upravleniya sotsial'nymi sistemami* [Theory of Social Systems. Vol. 1: Theory of management of social systems]. 2009. Available at: <http://litmir.biz/rd/97973/p49> (In Russ.).
8. Khudyakova N.L. *Aksiologicheskiye osnovy povedeniya cheloveka* [Axiological foundations of human behavior: textbook]. Chelyabinsk, 2010. 109 p. (In Russ.).

УДК 140.8  
ББК 87.2

## ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ИДЕАЛЕМА (на материале исследования трудов К. Маркса)

*А. Б. Невелев, А. Я. Камалетдинова*

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

Экономическое сознание представляет собой сопряжение экономической мыслительной формы с реальными экономическими отношениями. В экономических отношениях активная развивающая роль принадлежит относящимся сторонам, которые являются элементами самой экономической реальности. Мыслительная форма представляет собой отношение, в той или иной степени отвлечённое от относящихся сторон и детерминированное энергичностью, деятельной способностью субъекта. Идеалема — это методологически сопряжённое рассмотрение мыслительной формы и отношений. Например, в исторически возникших теориях прибавочной стоимости мыслительную форму выражают учёные политэкономы (меркантилисты, физиократы), а отношения — реальные участники экономических отношений (крестьяне, пролетарии, буржуа). Идеалема, как методологический конструкт, обеспечивает взаимно критическое рассмотрение отношений и относящихся.

**Ключевые слова:** *относительная самостоятельность сознания, идеалема, экономическое сознание, стоимость, потребительная стоимость, прибавочная стоимость, рента, капитал, меркантилисты, физиократы, прибыль от отчуждения, товар, деньги, труд, относительная форма стоимости, эквивалентная форма стоимости, историческое, логическое, экономическая маска, теории прибавочной стоимости, материальное основание сознания, сопряжение сознания и отношений.*

Весьма показателен в методологическом отношении анализ «наполеоновских идей», который осуществляет К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Конкретно-историческое сознание эпохи буржуазных революций не выступает как независимый элемент анализа. В идее, как её берёт Маркс, представлены все существенные моменты общественной жизни, а ведущим пунктом развёртывания идей выступает развитие определённой формы собственности.

«Наполеоновские идеи» произошли из парцеллы. «Все “наполеоновские идеи” — это идеи неразвитой, юношески бодрой парцеллы; для отжившей парцеллы они — бессмыслица, не более как галлюцинация её предсмертной агонии, слова, ставшие фразами, духи, ставшие призраками» [4. С. 213].

Объективная мыслительная форма, снявшая определённость основания сознания (парцеллы), схвачена здесь и со стороны возникновения, и со стороны прехождения. Ясно, что квинтэссенция Марксовой методологии — установление сопряжённости объективной мыслительной формы с экономическим основанием сознания: и возникающая идея сопряжена с основанием (с «юношески бодрой парцеллой»), и отмирающая идея сопряжена с основанием (с «отжившей парцеллой»). Каждый шаг анализа здесь выверен путём обращения к конкретно-исторической практике.

Если попытаться выделить в общефилософской форме используемую здесь методологию, то в результате её применения, на наш взгляд, и обнаруживается тот идеализированный объект, о котором велась речь. Что, как не относительную самостоятельность сознания — массовые и вместе с тем индивидуализированные представления целого слоя людей, их социальные установки, убеждения, предпочтения, предрассудки, полусознанные идеалы и связанные с ними социальные акты поведения, демонстрирует К. Маркс в анализе «наполеоновских идей»? Достоинство такой методологии в том, что К. Маркс расчленяет единое целое, сознание конкретно-исторической эпохи развития Франции на такие единицы, блоки, которые в основных, существенных чертах сохраняют свойства целого. К. Маркс не работает с сознанием, отсечённым от его основания, а затем вновь к этому основанию возвращаемым. Такое препарирование есть неорганичное вмешательство, нарушающее жизнь сознания. Единица анализа у него «обеспечивает привязку как к эмпирии, так и к наличным средствам анализа».

Л. С. Выготский писал: «Нам думается, что разительным и поворотным моментом во всём учении о мышлении... является переход к анализу другого рода. Этот последний мы могли бы обозначить как анализ, расчленяющий сложное единое целое

на единицы. Под единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и который является далее нереализованными живыми частями этого единства» [1. С. 15].

В нашем случае целостность идеализированного объекта характеризуется единством объективной мыслительной формы и рефлексии над её основаниями. Отсечение объективной мыслительной формы от основания лишает её жизни, присущей целому. Так, обращение К. Маркса к конкретно-исторической форме частной собственности, конкретной форме частной собственности, конкретной форме общественного разделения труда [3. С. 31] есть рефлексия над основанием «наполеоновских идей», которая сразу даёт ключ к расчленению такого объекта, как осознание эпохи в его развитии.

Решающим шагом к проникновению в сознание эпохи является фиксация К. Марксом материального основания данной разновидности сознания: «Парцелла, крестьянин и семья; рядом другая парцелла, другой крестьянин и другая семья. Кучка этих **единиц** [выделено нами. — А. Н., А. К.] образуют деревню, а кучка деревень — департамент» [4. С. 207]. Объективная мыслительная форма, представляющая такое основание, и обуславливает «наполеоновские идеи», а объективное разрушение этого основания ведёт к превращению объективной мыслительной формы (соответственно — идей) в бессмыслицу. На ещё большую бессмыслицу обречён анализ сознания, его относительной самостоятельности в случае принципиальной установки, выводящей за пределы допустимого интервалы абстракции.

Единица анализа сознания в его относительной самостоятельности обусловлена объективной дифференциацией основания сознания. Такими специфическими основаниями являются, например, феодальная собственность, капиталистическая собственность и т. п. Так, индивидуальная частная собственность, обусловившая отношение обмена, определяет его специфический характер и специфику обмена как объективной мыслительной формы (специфику экономического сознания).

Таким образом, содержание идеализированного объекта, хотя и близко содержанию идеи как понятия, имеет специфику. Если идея есть единство понятия и реальности, то идеализированный объект, представляющий феномен относительной самостоятельности сознания, есть единство объ-

ективной мыслительной формы и её конкретного материального основания. Объективная мыслительная форма может быть, в зависимости от уровня развития, резюмирована в понятии, а может определять лишь допонятийные формы (восприятие, представление).

Новое содержание идеализированного объекта требует особого понятия и нового термина для своего обозначения. Учитывая близость нового понятия понятию идеи, мы называем его *идеалема*.

*Идеалема* есть, с одной стороны, обозначение основательно устойчивой совокупности мыслей и социальных чувств людей, порождаемой однотипным материальным основанием способа их жизнедеятельности и предназначенной утверждать и обосновывать этот способ, а с другой — средство для наиболее адекватного, как нам представляется, анализа относительной самостоятельности сознания конкретно-исторической эпохи. Анализ относительной самостоятельности сознания по идеалемам как единицам целостности позволяет, на наш взгляд, корректно поставить и теоретически решить задачу исследования относительной самостоятельности сознания как органичного целого, в единстве её моментов.

Понятия, с помощью которых решаются задачи, близкие нашим, создаются в разных областях знания. Так, в социальной лингвистике активным методологическим средством выступает новое понятие «социалема», которую определяют «как социальный субстрат языка», языковой коллектив, в рамках которого осуществляется речевое взаимодействие на данном языке или диалекте, определённое сообщество людей, общающееся на одном и том же языке» [2. С. 7]. Содержание этого нового понятия ориентирует познание в том же направлении, что и идеалема, — на более основательное исследование.

Моментами идеалемы как идеализированного объекта, синтезирующего в себе объективную мыслительную форму и основание сознания, являются «основание идеалемы», «относительная форма идеалемы», «эквивалентная форма идеалемы». Относительная и эквивалентная формы, как уже отмечалось, — результат поляризации объективной мыслительной формы. В относительной форме идеалемы резюмирован способ, схема активного отношения, деятельности субъекта, детерминированной основанием идеалемы. В эквивалентной форме идеалемы резюмирован результат активного отношения, деятельности субъекта, детерминированный способом деятельности.

Основание идеалемы, её относительная и эквивалентная формы вместе образуют структуру идеалемы. Идеалеме, как целостной единице анализа, объективно присуще внутреннее «беспокойство», обуславливающее её жизнь. Она есть единство противоположностей. Отношение противоречия, внутренней напряжённости существует между основанием её и поляризованной формой. В своём основании идеалема жёстко определена местом индивида в материальном конкретно-историческом развивающемся процессе. Для основания характерно непрерывное изменение. Поляризованная форма, напротив, фиксируя некоторый инвариант изменений, консервативна. В качестве «фигуры» этих изменений она содержит момент независимости от них, объективно переносится, экстраполируется с одних изменений на другие.

Важно понять не только структуру идеалемы, но ещё и — как с нею работать. Теоретическая работа с идеалемой как идеализированным объектом обусловлена этим внутренним противоречием. Идеалема есть динамическое отображение развивающегося процесса, и, поскольку она с необходимостью предполагает рефлексию над этим своим основанием и самообновлением в соответствии с его развитием, она постоянно нацелена либо в будущее, являясь его предвидением, либо в прошлое, становясь способом его теоретической реконструкции, например, на материале экономического сознания.

Экономическому сознанию посвящена большая литература [10]. В обсуждении его проблематики участвуют экономисты, историки науки, социологи и, наконец, философы. Нет необходимости поэтому входить в обсуждение не только эмпирических фактов, но и многих теоретических вопросов, поднимаемых общественным сознанием современной эпохи. Сама по себе экономическая проблематика, включая и историю экономических учений, интересует нас лишь постольку, поскольку она помогает нам, вслед за К. Марксом, проследить становление и прохождение экономического сознания, в частности буржуазного, в контексте общеполитической проблемы относительной самостоятельности сознания. Именно этим объясняются два обстоятельства.

Во-первых, мы берём лишь тот период развития буржуазного экономического сознания, когда идеологи буржуазии пытались (подобно первооткрывателям новых материков) сами и смело обнаружить причины богатства и бедности людей, сами (и искренне) сформулировать глубинные основы

хозяйственной политики (как им казалось всего общества). Эти идеологи, сами того не подозревая, выражали интересы определённых слоёв класса буржуазии. Именно этот период становления буржуазного экономического сознания нам интересен в первую очередь, но именно с точки зрения той логики, которая столь же неосознанно подводила их к обнаружению тайны капиталистического накопления. Более или менее глубокое обнаружение этой страшной и конечной для буржуазного сознания тайны и означает уход буржуазных идеологов от «логики действительности», характеризует быстрый переход самостоятельности буржуазного сознания на стадию прехождения. Современное буржуазное экономическое сознание нас уже не интересует именно потому, что оно стало несамостоятельным. Оно стало зависимым от узко понятого классового интереса, от политического сознания (сознательный и бессознательный обман, манипулирование сознанием масс). Поскольку остатки относительной самостоятельности буржуазного сознания нас не интересуют, для философского анализа важной оказывается логически спрямлённая история рождения и смерти, то есть самые общие границы относительной самостоятельности сознания, и в ходе прехождения относительной самостоятельности буржуазного сознания — логика рождения нового типа относительной самостоятельности сознания.

Во-вторых, мы берём лишь идеологическое (рассудочное) выражение идеалемы (массовой представленности объективной мыслительной формы в её сопряжённости с материальным основанием сознания).

К. Маркс писал: «Политэконом (и капиталист: вообще мы всегда имеем в виду **эмпирических** [выделено Марксом. — А. Н., А. К.] дельцов, когда обращаемся к политэкономам, являющимся их научной совестью и их научным бытием)» [7. С. 130]. Этой методологической установки Маркс придерживается, в частности, в «Теории прибавочной стоимости», где он в исторической форме повторяет теоретическую часть «Капитала» [6. С. 9]. Поэтому «Теории прибавочной стоимости» являются ценным материалом для анализа относительной самостоятельности массового буржуазного экономического сознания по идеаламам.

Основанием идеалем в том случае, когда материалом выступает экономическое сознание, является метаморфоз собственности субъекта, обусловленный его местом в конкретно-исторической системе общественного разделения труда.

Это средства, которыми он располагает, которые в известном счёте определяют его субъективность. Соответственно, полоса поляризованной формы идеалемы такова: относительная форма идеалемы — знание о способах экономической деятельности на данном основании идеалемы, эквивалентная форма идеалемы — знание о результате данного способа экономической деятельности. Развёртывание содержания идеалемы осуществляется в форме экстраполяции знания отмеченных экономических моментов на экономическую действительность.

Предпосылкой возникновения буржуазной идеалемы является универсальное развитие обмена, которое приводит к возникновению всеобщей формы стоимости как «общему делу всего товарного мира» [5. С. 76]. Все товары (товаровладельцы) «исключены из всеобщей эквивалентной формы», кроме одного. Всеобщая эквивалентная форма «общественно срастается» с товаром «золото» и превращается в денежную форму стоимости, в денежный эквивалент как полюс идеалемы товаровладельца, эквивалентный полюс (эквивалентную форму).

В полной форме стоимости, где развёрнутой относительной форме соответствует особенная эквивалентная, качество эквивалентов снято их количеством в виде незаверенной бесконечности. В денежной форме стоимости снимается в свою очередь количество эквивалентов. Товаровладелец осознаёт свой товар как инобытие денежного материала. Богатство, которое в действительности есть «огромное скопление товаров», выступает в сознании товаровладельцев этого периода в превращённой форме — в форме денежного материала. «Создаётся впечатление, будто не данный товар становится деньгами только потому, что в нём выражают свои стоимости все другие товары, а наоборот, будто бы эти последние выражают в нём свои стоимости потому, что он — деньги» [Там же. С. 102].

Массовое меркантилистское сознание периода закрепления за золотом значения всеобщего эквивалента находит своё выражение в теориях о богатстве и его приращении, в концепциях меркантилистов. «Меркантилисты переносят центр тяжести на качественную сторону выражения стоимости, на эквивалентную форму товара, находящую своё законченное выражение в деньгах» [Там же. С. 70]. В истории известны две стадии развития меркантилизма: ранний меркантилизм (монетарная система) и развитый меркантилизм, который ищет средства обогащения в активном

торговом балансе. Ранний меркантилизм отражает суеверное преклонение «глупого» собирателя сокровищ перед покоящимся (денежным) бытием стоимости.

Содержание основания меркантилистской идеалемы и соответствующая база её экстраполяции в этом случае — собственность на товары. Относительная форма идеалемы меркантилиста-собирателя сокровищ и, соответственно, экстраполируемый способ экономической деятельности — отказ от потребления (отказ от следующего за приобретением денег акта их реализации). Эквивалентная форма идеалемы тут — прирост денежного материала над уже имеющимся за счёт воздержания от потребления. Эквивалентной форме соответствует мера экстраполяции данной идеалемы.

Для собирателя сокровищ, который является капиталистом «в себе», производительно воздержание от потребления, он подходит к прибавочной стоимости ещё «снизу», над его сознанием довлеет идеалема товаровладельца, для которого добыча денежного материала путём продажи своего товара — жизненно необходимое дело. Собиратель сокровищ, «куколка» капиталиста появляется, когда метаморфоз Т—Д—Т разрывается на стадии денег и денежные сокровища более или менее длительное время удерживают стоимость в её всеобщей форме.

«Но деньги — сами товар, внешняя вещь, которая может стать частной собственностью всякого человека. Общественная сила становится таким образом частной силой частного лица» [Там же. С. 143]. Деньги в качестве общественной силы, которая служит частным целям, есть исторически возникшее, принципиально новое основание идеалемы, основание с новым содержанием.

Общественная необходимость, требующая от денег выполнения их посреднических функций, заставляет «умнеть» собирателя сокровищ, использовать деньги в качестве средства их самовозрастания. Это объективно обуславливает логику перехода к собственно буржуазной идеалеме ростовщика и купца.

Если «скупой рыцарь» имел в качестве относительной формы идеалемы (субстанции своего существования как собирателя сокровищ) воздержание от потребления, то ростовщик и купец потребляют деньги ради их расширенного воспроизводства. Активность денег есть посредническая активность купца, но с позиции купца дело выглядит иначе. Товары (товаровладельцы) для него

выступают необходимыми посредниками процесса самовозрастания первоначально авансированных денег в метаморфозе  $D—T—D'$ .

Собиратель сокровищ идёт к деньгам от товара, купец — от денег к товару. Соответственно, относительная форма его сознания и экстраполируемый способ деятельности —  $D—T—D'$ , а эквивалентная форма идеалемы —  $D'$ . То есть экстраполируемым способом деятельности в рамках меркантилистской идеалемы купца является купля-продажа товара, мерой экстраполяции — прибыль от отчуждения.

$D—T—D'$  — это всеобщая формула капитала, к которой, в конечном счёте, сводится объективная мыслительная форма буржуазного экономического сознания, а значит, и все концепции буржуазной политической экономии, его концентрированно-му резюме.

Прибавочная стоимость в её «ослепительной» форме — организующий центр буржуазного сознания, но это лишь эквивалентный момент, результат, снявший способы буржуазной экономической деятельности. В нём (в результате), снявшем деятельность буржуазии, погашены все различия этой деятельности. Между тем именно эти различия представляют для нас интерес в плане становления самостоятельности сознания.

Различие точки зрения на природу стоимости и прибавочной стоимости обусловлено различием экстраполируемых способов деятельности. Развитый меркантилизм трактует прибавочную стоимость так, как её понимает купец, который не покидает внешнего, поверхностного движения товаров — процесса их обращения.

Джеймс Стюарт, которого К. Маркс назвал «рациональным выразителем монетарной и меркантилистской системы», имея способ деятельности купца (купля ради продажи) в качестве относительной формы своей идеалемы трактует цену товаров (представляемые товары) двояко: «В цене товаров я рассматриваю две вещи как действительно существующие и совершенно отличные одна от другой: действительную стоимость товаров и прибыль от отчуждения» [6. С. 10]. Действительная стоимость товаров, согласно Д. Стюарту, не создаёт прибыли. Прибыль создаётся лишь в процессе продажи товаров выше их стоимости.

«Правовверные» меркантилисты трактовали продажу товаров выше их стоимости как положительное увеличение богатства, как прибыль, которая увеличивает совокупное богатство страны посредством обмена с другими странами. Д. Стюарт преодолевает это положение с помощью простого

соображения о том, что в совокупном процессе купли-продажи выигрыш одной стороны означает проигрыш другой стороны. То есть тут нет положительного увеличения стоимости, есть лишь «колебание весов богатства между участвующими сторонами».

В то же время Д. Стюарт разделяет взгляды меркантилистов на «прибыль от отчуждения». Фактически его точка зрения сводится к утверждению, что прибыль возникает в обращении и не возникает в обращении. Противоречивость его позиции им не осознана.

Д. Стюарт говорит о фабрикантах, промышленниках, но отождествляет их с купцами, поскольку относительная форма меркантилистской идеалемы, купля-продажа, как экстраполируемый на всю экономическую действительность способ деятельности специфически преломляет их деятельность в его сознании. Купец тут (=купля-продажа) объективно заслоняет для теоретического экономического сознания специфику качественно иных способов буржуазной деятельности в экономической сфере.

Объективная тенденция в развитии основания буржуазной идеалемы — развитие в сторону универсальной отчуждённости собственности, предметом купли-продажи становится всё более обширный круг вещей, в том числе — средства производства. В массовом количестве появляются «трудолюбивые люди» (А. Смит), лишённые средств производства и, следовательно, средств существования. Содержание основания буржуазной идеалемы (деньги) реализуется ради их возрастания всё более разнообразными способами. Логическое резюме исторического движения денег таково, что они, будучи идеальным снятием породившего их товарного мира (мера стоимости), возвращаются в породившее их основание (в качестве средства обращения) и реально слой за слоем снимают свои генетические предпосылки в качестве условий своего самовозрастания, вплоть до втягивания в этот метаморфоз и живого труда.

Этому процессу соответствуют тенденция развития относительной формы идеалемы, экстраполируемые на экономическую действительность способы деятельности буржуазии. Так, буржуазной идеалемой «в себе» является идеалема собирателя сокровищ, способ деятельности которого — воздержание от потребления. Логически ближайшим к собирателю сокровищ выступает ростовщик, рафинированный буржуа. Относительная форма его идеалемы —  $D—D'$ . Ростовщик экстраполирует

этот способ деятельности на деньги, находящиеся в чужой частной собственности.

В сравнении с фетишистской рабской зависимостью идеалемы собирателя сокровищ от денежного материала, находящегося в границах этой частной собственности, идеалема ростовщика более независима от своего основания, от этой частной собственности на деньги. Тут есть прогресс в сторону «просвещённого фетишизма». За свои деньги ростовщик «покупает» большие деньги. Как отмечает К. Маркс, промежуточный товар тут тоже имеется. Это совершенно идеальный товар — совесть, честь [7. С. 21–23] того, кому деньги сужаются.

Материальное посредническое движение, реализация денег в товарах, закрыто для ростовщика. Для него субстанционален акт ссуды,  $D—D'$ . Эквивалентная форма идеалемы ростовщика — процент от ссуды,  $D'$ . Меркантилизм отражает предельную несамостоятельность буржуазного экономического сознания, которое не знает иного бытия прибавочной стоимости, кроме прироста денежного материала. Таков ранний меркантилизм.

«Он [капиталист. — А. Н.], — писал К. Маркс, — должен иметь деньги в своих руках для антиципации... прибавочной стоимости» [8. С. 247]. В этой фразе К. Маркс отметил два момента буржуазной идеалемы, её основание и эквивалентную форму. Но буржуа всегда ожидает прибавочную стоимость в её определённом виде, и эта специфика зависит от способа экономической деятельности. Горизонт антиципации тем шире, чем развитее способы реализации денег, относительная форма идеалемы.

Более развитая (по сравнению с ростовщической идеалемой и её относительной формой  $D—D'$ ) идеалема имеет относительную форму  $D—T—D'$ . Разорение кредитуемых наталкивает кредиторов на необходимость реализации полученных товарных масс, то есть акт ссуды раскрывается как более развитая форма — покупка товаров. Далекое не все товары могли соперничать с золотом в его функции денег, они портились, разрушались, порождая естественное стремление перелить прибавочную стоимость в звонкую монету. Бальзаковский Гобсек — логически промежуточный тип между ростовщиком и купцом.

Окончательный перелом в сознании наступает, когда деньги объективно утвердились как средство самовозрастания. Способ деятельности купца (купля-продажа) определяет меркантилистскую идеалему. Экстраполяция купли-продажи представляет буржуазному экономическому сознанию весь остальной экономический мир в ка-

честве инобытия прибыли от отчуждения. Всё большее (в тенденции — бесконечное) количество разнокачественных товаров, попадая в сферу купеческой деятельности, приобретают значение средств для возрастания авансированных денег. Меркантилистское сознание «испаряет» разнокачественные товары до абстракции прибыли от отчуждения.

Качество товаров, их потребительная стоимость отступает на задний план, поскольку меркантилистское сознание интересуется уже количественная разница приносимой куплей-продажей прибыли. В меркантилистском сознании любой товар — деньги. Поэтому на поверхность всплывает количественное различие способности товаров приносить прибавочные деньги. «В основе воззрений меркантилистов лежало представление о том, что труд производителен лишь в тех отраслях производства, продукты которых, будучи отправлены за границу, приносят стране больше денег, чем они стоили... — которые, следовательно, дают стране возможность в усиленной мере участвовать в присвоении продуктов... золотых и серебряных рудников» [6. С. 135].

Д. Стюарт фиксирует конечные пределы меркантилистского сознания, меркантилистской идеалемы, канун перехода от рассмотрения прибавочной стоимости только в объективированном, вещественном бытии к рассмотрению прибавочной стоимости также и в субъективной форме (труде).

Физиократы — «рупор» (К. Маркс) земельного собственника, точнее, капиталиста-фермера. «Физиократы перенесли исследование о происхождении прибавочной стоимости из сферы обращения в сферу непосредственного производства» [Там же. С. 14]. Стоимость физиократы отождествляли с потребительской стоимостью. Поэтому прибавочная стоимость интерпретировалась как избыток потребительных стоимостей, которые произведены, над потребительными в процессе производства потреблёнными стоимостями.

Исторически прежние средства, обеспечивающие самовозрастание денег, становились всё менее отвечающими своему назначению. Отсюда — обращение сознания буржуа к поискам новых способов деятельности. У разорённого индивидуального частного собственника уже ничего нельзя купить. У него нет овеществлённого труда для продажи (товара), у него, соответственно, нет овеществлённого труда для покупки (денег).

Между тем деньги купца настоятельно требуют самовозрастания, отсюда перестройка

относительной формы идеалемы экстраполируемых на экономическую действительность способов деятельности. Каждая новая перестройка экстраполируемых способов деятельности является логическим продолжением, развитием уже существующих. Развитие это имеет характер скачкообразного перехода к включению в уже имеющийся способ деятельности нового элемента. Этот новый решающий элемент оказывает специфицирующее влияние на идеалему в целом.

В теоретическом обобщающем экономическом сознании качественная специфика идеалемы возводится в абсолют и вся экономическая реальность перетолковывается в свете этой специфики. Так как относительная форма идеалемы — это идеальная «упорядочивающая» для данного экономического сознания весь отображаемый мир система, она для него всеобща.

«Так как земледельческий труд, по мнению физиократов, есть единственно производительный труд, единственный труд, создающий прибавочную стоимость, то та форма прибавочной стоимости, которая отличает земледельческий труд от всех других отраслей труда, земельная рента, является для них всеобщей формой прибавочной стоимости. Промышленная прибыль и денежный процент являются лишь различными рубриками, по которым земельная рента распределяется и переходит определёнными долями из рук земельных собственников в руки других классов» [6. С. 18].

Специфирующим элементом физиократической идеалемы явился наём рабочей силы земледельца, и он, как видно из мысли К. Маркса, превратил эквивалентную форму идеалемы,  $D'$ , в земельную ренту, которая выступила мерой экстраполяции физиократической идеалемы на всю отображаемую в сознании экономическую реальность: основа существования всех других классов общества — земельная рента.

Прибавочная стоимость в физиократическом сознании поначалу тоже предстаёт в форме вещи, как «чистый дар природы». Сказывается влияние меркантилистской идеалемы, которая вообще знает только объективированное бытие прибавочной стоимости. Однако у физиократов, например в воззрении Тюрго, налицо уже определённое смещение прибавочной стоимости с объективированного состояния на труд. Тюрго пишет: «То, что труд земледельца извлекает из земли сверх необходимого для удовлетворения его личных потребностей, образует единственный фонд заработной платы,

которую получают все другие члены общества в обмен за свой труд» [9. С. 9].

В физиократической идеалеме прибыль промышленного капиталиста предстаёт как вычет из земельной ренты. Его прибыль сводится физиократами к его доходу. Физиократическая идеалема, как и предшествующая ей меркантилистская, универсально экстраполируется на всю экономическую реальность, со сферы производства земельной ренты, земледелия на промышленность, торговлю и другие «бесплодные» (с точки зрения физиократов) занятия.

В то же время физиократическая идеалема объективно ограничена своей особенностью, истолкованием прибавочной стоимости как неоплаченного земледельческого труда. И в форме процента, и в форме «прибыли от отчуждения», и в форме земельной ренты прибавочная стоимость объективно является особенной. Эти формы есть ступени развития прибавочной стоимости к действительно всеобщей форме. Но так как именно в сфере производства кроется сущность капитала, относительная форма физиократической идеалемы позволяет сознанию отобразить существенные моменты общественного функционирования, что видно на примере «Экономической таблицы» Ф. Кенэ.

По поводу последней К. Маркс писал: «Это была попытка представить весь процесс производства капитала как процесс воспроизводства, а обращение — только как форму этого процесса воспроизводства, денежное обращение — только как момент обращения капитала» [6. С. 345].

Метаморфоз относительной формы физиократической идеалемы (то есть способ движения денег от начальной суммы к авансированию в средствах производства земледельца, в рабочей силе земледельца), экстраполированный на экономическую действительность, подготовил рассмотрение всех других видов общественного производства на предмет положительного увеличения богатства.

П. Верри, ранний критик «предрассудка физиократов», отмечает: «Производство стоимости и богатства в одинаковой степени имеет место как в том случае, когда земля, воздух и вода превращаются на поле в пшеницу, так и в том случае, когда под рукой человека клейкие выделения насекомых превращаются в шёлковую ткань или когда отдельные кусочки металла соединяются вместе и образуют часовой механизм» [6. С. 40].

Труд промышленных рабочих по мере развития капитализма всё более осознаётся как производи-

тельный (производительный с позиции владельца денег, буржуа) наряду с земледельческим трудом. Это обусловлено тем, что «свободная» рабочая сила, независимо от формы её проявления, занимает всё более прочное место в метаморфозе относительной формы идеалемы. Эквивалентная форма такой идеалемы, прибавочная стоимость, начинает приближаться к уровню понятийного осознания, подготавливает его.

Метаморфоз относительной формы физиократической идеалемы — «начало конца» относительной самостоятельности буржуазного экономического сознания. Начало той границы, за которой происходит вульгаризация теоретического осознания. Поэтому исчерпание возможностей развития относительной самостоятельности сознания в границах буржуазного сознания должно привести к необходимости рассмотрения экономического сознания более прогрессивного класса.

Почему можно говорить, что физиократическая идеалема есть «начало конца» относительной самостоятельности буржуазного экономического сознания? Потому что в относительную форму идеалемы проник действительно субстанциональный (по отношению к стоимости и прибавочной стоимости) элемент — труд. Буржуазное отношение в конце концов с необходимостью приходит к выводу об исключительно функциональной роли буржуазии, которая существует, отнимая средства существования у других. Отважиться на то, чтобы подвести под себя такую «мину», буржуа в массе своей принципиально неспособен.

Полное исчерпывание возможностей прогрессивного развития относительной самостоятельности экономического сознания в его буржуазной форме связано с именами А. Смита и Д. Рикардо. Труд как таковой, независимый от формы своего проявления, выступал в их учениях как мера стоимости, прибавочный труд — как мера прибавочной стоимости. Это даёт оружие для пролетарской критики буржуазной политэкономии. Пролетарская критика ведётся в рамках идеалемы, у которой принципиально иное, чем у буржуа, основание, соответственно, иные относительная и эквивалентные формы. Строго научное понимание труда как меры стоимости с необходимо следующими выводами связано с именем К. Маркса.

Итак, как мы видим, объективное развитие основания идеалемы на стадии становления кристаллизовалось в ряде развивающихся друг из дру-

га объективных мыслительных поляризованных форм:  $D — D'$ ,  $D — T — D'$ ,

С. с. п.

$D — \quad — T' — D'$ ,

Р. с.

(С. с. п. — средства сельскохозяйственного производства, Р. с. — рабочая сила земледельца). Специфика форм определила специфику идеалем, дифференциацию исходной идеалемы на меркантилистскую и физиократическую идеалемы. И эта, и другая идеалемы в результате универсальной экстраполяции на экономическую реальность дают специфическую картину этой реальности, резюмируемую в теоретических системах.

По мере усложнения экстраполируемых на экономическую реальность способов деятельности (воздержание от потребления, ссуда, купля-продажа, наём земледельца) происходит становление относительной самостоятельности сознания. Если «скупой рыцарь», собиратель сокровищ абсолютно сосредоточены на своей частной собственности, на деньги и их неподвижность в рамках этой собственности считают источником их самовозрастания, то ростовщик не столь зависим в своём сознании от основания своей идеалемы. Прирост своих денег он видит и в деньгах другой частной собственности. Ещё более независимо от основания идеалемы основание купца. Прирост своим деньгам он видит не только в деньгах другой частной собственности, но и в товарах другой частной собственности.

Причём подобно тому, как заимодавец, ссудив деньги под процент одному человеку и повторяя эту операцию по отношению к другим, становится независимым в своём сознании от качественного своеобразия человека (все другие частные собственности становятся просто инобытием процента), так и купец, тиражируя акт купли-продажи, устраняет независимость своего сознания от качества покупаемых и продаваемых товаров (и товаровладельцев). Товаровладельцы с их товарами и деньгами превращаются в инобытие «прибыли от отчуждения».

Наконец наём втягивает в сферу рассмотрения сам труд, и история повторяется: вначале прирост авансируемых денег видится только в конкретном виде труда (в земледельческом труде), затем при универсальном распространении найма — в труде как таковом.

Для получения развитого уровня самостоятельности сознания индивид не обязательно именно собственной деятельностью вырабатывает

поляризованную объективную мыслительную форму, он может её просто освоить, следуя общественному примеру. Но граница её как формы определяется в совокупном общественном развитии.

Становление относительной самостоятельности можно представить в виде спирали, состоящей из всё более расширяющихся кругов — идеалом. Прорыв на каждый новый круг происходит в результате освоения нового способа экономической деятельности. С возникновением нового способа новая идеалема экстраполируется вширь, «горизонтально», синхронически, пока не осваивает всё доступное ей пространство экономической реальности, чтобы вновь уступить место идущей на смену более развитой идеалеме.

Сделаем основные выводы:

1. Становление самостоятельности сознания определяется:

а) закономерным характером становления самого материального основания (применительно

к экономическому сознанию — усиливающимся разделением труда);

б) учётом интересов всё большей массы индивидов — носителей данной формы сознания;

в) объективной логикой развития мысли (столкновением взглядов, представляющих разные слои одного и того же класса).

2. Относительная самостоятельность сознания на стадии становления проявляется в творческой активности сознания, опережении, нарастании независимости сознания от бытия. Вместе с тем относительной самостоятельности сознания на этой стадии далеко ещё до «чистоты» (синкретизм, господство предрассудка, внутренняя субъективная противоречивость).

3. Стремление убрать субъективные противоречия, сменить предрассудок на рассудок всё более явственной делает объективную противоречивость объективной мыслительной формы.

### Список литературы

1. Выготский, Л. С. Собрание сочинений / Л. С. Выготский. — М. : Директ-Медиа, 2008. — 1095 с. — URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=81386>
2. Журавлёв, В. К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции / В. К. Журавлёв. — М., 1982. — 343 с.
3. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс. — М. : Директ-Медиа, 2012. — 591 с. — URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=7120>
4. Маркс, К. 18 брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс. — М. : Директ-Медиа, 2007. — 705 с. — URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=26540>
5. Маркс, К. Капитал / К. Маркс. — М. : Директ-Медиа, 2008. — 737 с. — URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=46496>
6. Маркс, К. Теории прибавочной стоимости / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 26, ч. 1. — 476 с. — URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t26-1.pdf>
7. Маркс, К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Т. 42. — 554 с.
8. Маркс, К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Т. 49. — 712 с.
9. Тюрго, А. Избранные экономические произведения / А. Р. Ж. Тюрго. — М. : Директ-Медиа, 2007. — 171 с. — URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=26849>
10. Экономические интересы и экономическое сознание при социализме / отв. ред. В. П. Фофанов. — Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1989. — 147 с.

### Сведения об авторах

**Невелев Анатолий Борисович** — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. [filos@csu.ru](mailto:filos@csu.ru)

**Камалетдинова Альфия Янаховна** — кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. [allakamaletdinova@rambler.ru](mailto:allakamaletdinova@rambler.ru)

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2018. No. 5 (415).  
Philosophy Sciences. Iss. 48. Pp. 34–43.*

## ECONOMIC CONSCIOUSNESS AS IDEALEMA (on the Material of the Study of K. Marks)

**A.B. Nevelev**

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. filos@csu.ru*

**A.Ya. Kamaletdinova**

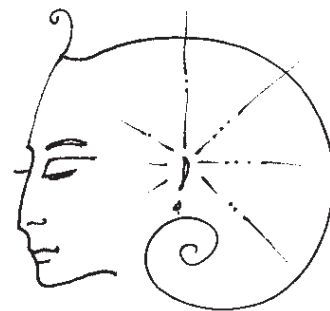
*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. allakamaletdinova@rambler.ru*

Economic consciousness is a combination of economic thought form with real economic relations. In economic relations, an active developing role belongs to the relevant parties, which are elements of the economic reality itself. The mental form is a relationship, in varying degrees, distracted from the relevant parties and determined by the energy, the active ability of the subject. Idealema is methodologically combined consideration of thought forms and relationships. For example, in the historical theories of added value, scientists Express the thought form of political economy (mercantilists, physiocrats), and the relationship — the real participants of economic relations (peasants, proletarians, bourgeois). The Idealema, as a methodological construct, provides a mutually critical consideration of relations and related.

**Keywords:** *the relative autonomy of consciousness, idealema, economic consciousness, value, use value, surplus value, rents capital, the mercantilist, the physiocrats, the profit from the alienation, commodity, money, labor, the relative form of value, the equivalent form of value, the historical, logical, economic, mask, theories of surplus value, the material basis of consciousness, the pairing of consciousness and relationships.*

### References

1. Vygotskiy L.S. *Sobraniye sochineniy* [Collection of works]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2008. 1095 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=81386> (In Russ.).
2. Zhuravlyov V.K. *Vneshniye i vnutrenniye faktory yazykovoy evolyutsii* [External and internal factors of language evolution]. Moscow, 1982. 343 p. (In Russ.).
3. Marks K. *Nemetskaya ideologiya* [German ideology]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2012. 591 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=7120> (In Russ.).
4. Marks K. *18 bryumera Lui Bonaparta* [18 Brumaire Louis Bonaparte]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2007. 112 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=26540> (In Russ.).
5. Marks K. *Kapital* [Capital]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2008. 737 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=46496> (In Russ.).
6. Marks K., Engel's F. *Teorii pribavochnoy stoimosti* [Theories of surplus value]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 26, part 1]. Moscow, 1960. 920 p. Available at: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t26-1.pdf> (In Russ.).
7. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 42]. Moscow, 1961. 554 p. (In Russ.).
8. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 49]. Moscow, 1963. 712 p. (In Russ.).
9. Tyurgo A. *Izbrannyye ekonomicheskiye proizvedeniya* [Selected economic works]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2007. 171 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=26849> (In Russ.).
10. *Ekonomicheskiye interesy i ekonomicheskoye soznaniye pri sotsializme* [Economic interests and economic consciousness under socialism]. Ed. by V.P. Fofanov. Novosibirsk, 1989. 147 p. (In Russ.).



Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 5 (415).  
Философские науки. Вып. 48. С. 44–51.

УДК 130.2  
ББК 87.667.1

## ПРОБЛЕМА ПРЕОДОЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПРОЧТЕНИИ К. МАРКСА

А. Б. Невелев<sup>1</sup>, А. И. Мацына<sup>2</sup>

<sup>1</sup>Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

<sup>2</sup>Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил  
«Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», филиал в г. Челябинске

Исследована проблема преодоления в марксистской диалектике. В качестве стержневой линии современного прочтения решения этой проблемы в работах К. Маркса автор принимает диалектическое исследование социально-биологической проблемы, осуществлённое В. И. Плотниковым. Абрис проблемы преодоления в учении К. Маркса раскрывается как проблема преодоления человечеством своих видовых границ и распадается на проблему первого и второго преодоления. Первое преодоление обозначает ситуацию прорыва за границы инстинктивной деятельности, второе преодоление обозначает проблему снятия самоограничения отчуждённого человека.

**Ключевые слова:** человек преодолевающий, феномен преодоления, культура преодоления, первое преодоление, второе преодоление, ничто инстинкта, ничто неживой предметности, проблема «начала», элементарная социальная связь, отчуждение.

Согласно общепринятым прогнозам, четвёртая промышленная революция будет сопровождаться кардинальными изменениями в жизни человечества, включая жизненную среду и идентичность человека [10]. Риск нестабильности и полного коллапса человеческой жизни в глобальном масштабе воспринимается как возможный вызов, который человечеству придётся принять и преодолеть. С другой стороны, факт наличия на данный момент глобальных проблем свидетельствует о дефиците способности человечества к преодолению порождаемым им самим ситуаций. В этом смысле несомненна актуальность разработки культуры преодоления как содержания совокупного человеческого опыта по трансцендированию собственного бытия.

Исследование культуры преодоления, представленной в творческом наследии К. Маркса, на наш взгляд, уместно с учётом результатов диалектически-марксистского исследования соци-

ально-биологической проблемы, предпринятого В. И. Плотниковым [8]. Стержневым моментом этой работы стало раскрытие «элементарной социальной связи», или «первичной формы труда» как элементарной формы взаимодействия биологического мира с социальной действительностью. Обращение к философскому наследию К. Маркса позволяет концептуально уточнить диалектический вариант культуры преодоления и бережно использовать потенциал его мысли в этом направлении.

К. Маркс трансцендирует человеческое бытие атеистически, изначально устраняя внешнюю по отношению к нему причину. Вопрос о сущностной природе человека и его отношении к окружающему миру решается им с диалектическим учётом включённости человека в целостный природный мир: «...первый предмет человека — человек — есть природа, чувственность; а особые челове-

ческие чувственные силы, находящие своё предметное осуществление только в предметах природы, могут обрести своё самопознание» [2. С. 596]. Вопрос о целостной человеческой природе может быть разрешён только с учётом тонкого динамического соотношения природного, социального и духовного аспектов. Исходя из этих положений В. И. Плотников формирует единую методологию решения социально-биологической проблемы, предполагающую осмысление сущности предмета в акте его возникновения: «...когда речь идёт о самом акте перехода от биологического к социальному, о возникновении труда как начала начал многостороннего общественного бытия людей» [8. С. 4]. В контексте антропологического кризиса современности решение проблемы принимает крайне актуальный аспект вторжения человека в окружающий мир.

Опасность теоретических искажений в исследовании социально-биологической проблемы связана со следующими тенденциями. Во-первых, это эклектическое сочленение социального и биологического в биосоциологизаторских решениях. Во-вторых, догматически некорректное использование диалектических категорий, например, категории «снятие» [8. С. 16–17]. С другой стороны, в составе марксистской философии есть мощное средство теоретического воспроизведения объективного мира — метод восхождения от абстрактного к конкретному. Так, исходя из идеи внутренней активности живой природы как принципа устойчивого неравновесия живых систем (Э. Бауэр) поведение любого живого организма может быть истолковано как «борьба или активное преодоление изменчивых внешних препятствий, каковы бы они ни были» (Н. Бернштейн) [Там же. С. 21]. При этом единство биологического и социального в изначальном состоянии преодоления нетождественно своим развитым состояниям и требует продвижения вглубь миллионов лет антропосоциогенеза, с целью увидеть «в чистом, независимом, неискажённом виде» [11. С. 544] тот единый центр, из которого произрастают все дальнейшие тенденции преодолевающего человеческого поведения.

Марксистская линия заставляет отбросить вторичные по времени и структуре ситуации возникновения человеческого сообщества реализации биологически значимых и сознательно поставленных целей. К. Маркс опирается на тезис о том, что в природе «действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, во взаимодействии которых и проявляются общие законы» [12. С. 305].

Это предполагает выход на самый глубокий уровень, некий абстрактный первоначальный акт противопоставления биологического и социального, природного и культурного. Преодолевающая активность биологического организма содержит и ожидание её конечного результата, и выбор поведения, и активное достижение, и корректировку действий. Однако условием отграничения человека от природного мира в марксистском понимании является не преодолевающая активность организма, а её особая форма — человеческий труд.

Человеческий труд понимается К. Марксом как общественно организованная и целесообразная производственная деятельность, представляющая в своих ранних стадиях инстинктивные животновобразные формы. Ф. Энгельс предлагает обозначить появление труда как начало изготовления орудий труда, определить который очень непросто. Принципиально соглашаясь с Б. Франклином, определяющим человека как *a toolmaking animal*, К. Маркс расценивает это как неудачную попытку определения человека по одной, общей с некоторыми видами животных, черте [9. С. 359], поскольку «...употребление и создание средств труда... свойственны в зародышевой форме некоторым видам животных» [4. С. 190–191]. В связи с этим В. И. Плотников отмечает возникший парадокс: совместная трудовая деятельность людей не могла бы возникнуть ни из эволюции животных сообществ, ни из эволюции орудийной деятельности животных, а иных общебиологических путей не существует. Это приводит его к анализу психофизиологических предпосылок истока человеческого бытия [8. С. 61].

С точки зрения В. И. Плотникова, неустойчивость и заниженный статус орудийной деятельности приматов подтверждает справедливость мысли К. Маркса о недостаточности утверждения о производстве орудий как отличительной способности человека. Первостепенным оказывается вопрос о причинах неспособности обезьяны перейти эту грань и наличия механизма её преодоления у человека. Возникновение этого механизма К. Маркс связывает с возникновением самого труда.

В поиске «искры сознания», которая, вспыхивая всё чаще, смогла бы превратить орудийную деятельность в труд [8. С. 94], В. И. Плотников обращается к проблеме «начала», ставя вопрос о существовании «прорыва» законов биологического бытия, который позволил осуществить скачок за пределы наличного бытия и животных форм деятельности. Существование этого прорыва невозможно понять

без объяснения его механизма. В связи с этим он вводит понятие «элементарной социальной связи», обладающей свойством саморазвития [8. С. 111–112]. Дублируя понятие труда в акте его возникновения, данная категория представляет структуру элементарной трудовой деятельности, демонстрирующую изменённое сцепление предпосылок в акте начала трудовой деятельности.

К. Маркс различает три составляющих труда: целенаправленную деятельность, предмет труда и средства труда. «Целесообразная деятельность, или самый труд» [4. С. 189] обладает наиболее глубокой сущностью. Орудийная деятельность может быть признана трудовой, если она отвечает нескольким требованиям. Во-первых, труд должен быть опосредован орудийным производством, начинаясь «с изготовления орудий» [11. С. 491]. Во-вторых, в производстве люди вступают в отношение не только к природе, но и друг к другу, а их отношение к природе существует «только в рамках этих общественных связей и отношений» [6. С. 441]; субъектом труда может быть только «коллективный человек, ассоциированные производители» [5. С. 387]. В-третьих, целеполагающий характер трудовой деятельности, когда, изменяя природные формы, человек «осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени труда необходима целесообразная воля...» [4. С. 189].

Выделяя элементарную социальную связь в каждом из названных выше признаков трудовой деятельности, В. И. Плотников указывает на структуру элементарной формы человеческого труда, соответствующего процессу преодоления границ животной видовой природы и «началу» человеческого бытия. К нерасчлённому единству «начала» относятся систематическая подработка орудий, жёсткая взаимозависимость индивидов и устойчивое внимание к биологически незначимым способам поведения. Отсутствие способности к взаимосвязанному саморазвитию выражается в отсутствии способности к совместному саморазвитию (самопреодолению), когда о трудовой деятельности не может быть и речи [8. С. 118]. Наличие данной способности сопоставляется уже не с биологической системой «стада» как носителя генетической непрерывности вида. Прорыв узости биологического существования связан с социаль-

ной системой «первобытного стада» как носителем обмена веществ с окружающей природной средой. Согласно мысли Плотникова, смысл зарождения элементарной социальной связи сводится не к постепенному «перерождению стада», а к загадке возникновения феномена группового обмена веществом и энергией, «осуществлявшейся в биологическом мире на уровне отдельного организма» [8. С. 118].

Проблема преодоления как прорыва в марксистской диалектике В. И. Плотникова обозначена как одна из наиболее трудных проблем антропогенеза, поскольку «начало» должно соответствовать сразу «как необходимости (общебиологические предпосылки), так и её отрицанию (прорыв узости биологического существования); как прерывности (конец биологического развития), так и непрерывности (переход материи к новому циклу её саморазвития)» [8. С. 123–124]. Это соответствует общеизвестным словам Ф. Энгельса о том, что «нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков» [11. С. 488–499]. Согласно К. Марксу, животное, в отличие от человека, не «относится» ни к чему, его отношение к другим не существует как отношение. То есть грань между «общественностью» животных и общественностью человека проходит по наличию или отсутствию отношений и неизбежен вывод о необходимости резкого прерыва постепенности при переходе от стада обезьян к социальным отношениям: «Ни природа в объективном смысле, ни природа в субъективном смысле непосредственно не дана человеческому существу адекватным образом. И подобно тому, как всё природное должно возникнуть, так и человек имеет свой акт возникновения...» [2. С. 632]. В качестве изначального акта человеческой истории принимается возникновение новой формы устойчивости человеческого объединения особей вокруг потребности в систематической подработке орудий [8. С. 132]. В элементарной социальной связи всё содержится лишь в возможности: и труд, и сознание, и речь, и культура, и социальные институты, и сам человек. Впоследствии всё это развивается из своей собственной основы.

Элементарная социальная связь в акте своего возникновения сохраняет тождественность с элементами биологического целого, но изменяет способ (форму) их сцепления. Возникает уникальная устойчивая форма сцепления элементов, не встречавшаяся ранее в биологическом мире:

«Непосредственные предпосылки по отношению к результату возникновения нового выступают в форме превращения, то есть в виде самого процесса становления новой формы, нового типа структурного сцепления» [8. С. 103]. Из этой первичной социальной связи вырастает впоследствии всё социальное и культурное.

В качестве промежуточных выводов отметим, что видовое становление предчеловека предполагает первоначально суженность горизонта его внимания биологически значимым. Это естественно для существ, живущих инстинктом. Абиологическое содержание окружающего мира, как правило, выпадает из поля его биологически обусловленного внимания, а в механизме жизненной ориентации предчеловека господствует инстинкт. Радикальное преодоление этого господства В. И. Плотников связывает с вклиниванием (внедрением) абиологического содержания (материального орудия) в жизнь предчеловека. Поскольку это внедрение происходит на систематической основе, оно становится неотъемлемой стороной сущности развивающегося человека. В отличие от инстинктивно обусловленной преодолевающей активности животных это уже не спорадическое использование случайных орудий труда, а целенаправленная систематическая подработка самих используемых орудий. В жизни становящегося человека систематически воспроизводятся ситуации биологической незначимости. Абиологичность связана с подработкой орудий и с необходимостью выводить становящегося человека за рамки инстинкта. Среди регулятивных функций инстинкта у животного, в сравнении с человеком, нет такой функции, которая бы принуждала его долгое время на систематической основе сосредоточиваться, к примеру, на изготовлении режущего края рубила или скребка путём скрупулёзной работы по увеличению количества сколов («ретушь»). Преодоление биологической инстинктивной «зашоренности» и выход к сознанию в качестве регулятива предполагает дистанцию, взгляд на инстинкт «со стороны», а именно со стороны биологически нейтрального содержания мира, с которым становящийся человек себя идентифицирует. Из позиции биологической нейтральности для человека открывается просвет, который позволяет с равной степенью внимания замечать в окружающем мире и в себе то, что биологически значимо и что биологически незначимо, нейтрально. Идентичность с биологически нейтральным содержанием мира — основа преодоления зависимости от биологического и начало

социального бытия. Вся последующая история человечества связана с нарастанием значимости абиологического содержания и, соответственно, с нарастанием значимости идентичности человека с этим абиологическим содержанием. Две других стороны элементарной социальной связи (взаимозависимость в стаде и высшая нервная деятельность предлюдей) позволяют закрепить преодоление инстинкта и возникающую открытость человека миру. Активный момент «начала» в форме преодоления превращает сцепление предпосылок в соответствующие условия, создавая «просвет» в ранее сплошном горизонте инстинктивной жизни человека. Как отмечалось, в сферу внимания становящегося человека попадает не только биологически значимое, но и биологически незначимое, то есть в принципе в сферу внимания человека попадает в перспективе весь мир, состоящий из живого и неживого. Инстинкт радикально преодолевается сознанием. Сознание — это *ничто* инстинкта. В ходе преодоления животной зависимости от инстинкта систематическое внимание к подработке биологически нейтрального орудия это и есть отождествление человеком себя с *ничто* инстинкта. Биологически нейтральное, искусственное, неживое стало историческим средством выхода предка человека из естественного состояния. Это форма первого преодоления, породившая человека.

Историю человечества можно представить как историю нарастания идентичности человека с неживым содержанием мира. Особенно явственно это обнаружилось при капитализме, когда при метаморфозе идентичности на место человека становится вещь, а на место вещи становится человек, когда отношения людей и их сознание овеществляются. Энергичная, силовая, живая сторона человеческой жизни попала в итоге в ценностном мире человека в предметную зависимость. Это порой зависимость системы ценностей от возведённого в идеал неживого предметного содержания. Например, от денег, от всеобщего рыночного эквивалента: «люди гибнут за металл». Назрело время отрицания отрицания, время второго преодоления. Для первого преодоления нужна была опора на биологически нейтральное, абиологическое, на «*ничто* живого». Эта опора позволила создать ситуацию «рефлексии над», выйти за доминирование инстинкта, взглянуть на него со стороны. Но теперь, при втором преодолении, при отрицании отрицания надо в известном смысле принципиально вернуть любовь к живому, идентичность с живым. Задача непростая, если понимать, что та-

кие ценности, как деньги, собственность, капитал и прочее, являются порой предметом сильнейшего вожделения, предметно захватывают энергичность человека и определяют качество этой захваченности, систему личностных ценностей. Первое преодоление, породившее человека, избавило его от доминирования инстинкта, но поставило в итоге в зависимость от ценностей, среди которых значительную роль играет неживое и идентичность с ним. Второе преодоление призвано через «ничтожение» ценностной предметности неживого обнаружить само ценностно образующее основание — энергичность любви как таковой. Первое преодоление базировалось на «*ничто* инстинкта», второе преодоление базируется на «ничто неживой предметности» и поворачивает глаза человека «зрачками внутрь», открывает в человеке доселе скрытое содержание, энергичность любви как ценностно образующее основание. Тем самым, человек осваивает все предметные уровни своего бытия.

Изначальность практики такого перехода от одной предметной идентичности человека к другой выражена в отношении «биологическое (живое) — абиологическое (неживое)». Неизъяснимая, невыразимая фундаментальность этого отношения, ровесника человеческого вида, по всей видимости, и остаётся в образе человеческой мысли как основание социальных институтов погребальной обрядности и инициации. «В превращении каждого из составных элементов целого под воздействием уникальности объединения в “своё иное”, в свою собственную противоположность, — пишет В. И. Плотников, — скрывается “тайна” и механизм возникновения всякой новой генетической связи, амбивалентность и неуловимость её субстанционального бытия» [8. С. 134].

Концентрация внимания на скачке от одной биологически заданной предметной определённости, от заданного хода жизненных процессов и моделей ведёт к другой — качественно иной предметной определённости. Новая предметная определённости — это абиологический материал, подработанные орудия труда. Этот переход от живого к неживому несёт с собой не только изменение возможностей самоосуществления, но и изменение видовых характеристик человека. В параллельно зарождающемся языке начинает вычленяться общее содержание орудийной деятельности. Вне зависимости от того, что образ жизни гоминид почти не отличался от образа жизни других антропоидов, это была заря новой жизни. Человек открывался миру. Однако впоследствии, в услови-

ях развивающейся цивилизации, абиологическое в значительной степени заслоняет горизонт биологически обусловленного внимания человека. Это «вклинивание» имеет небиологическую природу, оно выбивает человека становящегося из привычного образа инстинктивной жизни. Такова природа первого Преодоления, влекущего за собой зацепление внимания на небиологическую, нечеловеческую, орудийную составляющую. Происходит систематически целенаправленное преодоление инстинкта с опорой на антропосоциогенез, сравнимое с «возведением плотины» (Ф. Энгельс).

Преодоление зависимости от собственной биологической природы даёт свободу. В этом длительном, тяжелейшем процессе «задерживания вожделения» (Ф. Энгельс) разворачивается механизм зарождения ценностей, возникновения идеалов и развития культуры. Однако постепенно абиологическое, вклинившееся в биологическую природу человека, начинает играть в его жизни всё большую роль. Постепенно возникает идентичность человеческого «Я» с абиологическим. Иными словами, можно сказать, что само возникновение человека связано с абиологическим и подразумевает «захваченность» им. Это обуславливает развитие общественного производства: «...та истина, что добуржуазная история и каждая её фаза тоже имеют свою экономику и экономическую основу своего движения, эта истина, в конце концов, сводится к той тавтологии, что жизнь людей искони покоилась на производстве, на того или иного рода общественном производстве, отношения которого мы как раз и называем экономическими отношениями» [3. С. 477]. Зарождающийся труд был непосредственным актом превращения биологического в социальное, труда абстрактного в труд конкретный, создающий потребительные стоимости. В культуре постепенно нарастает доминирование абиологического, неживого, это оканчивается апофеозом капиталистического рынка, так называемой «игрой идентичности», когда на место человека заступает вещь, на место вещи — человек (К. Маркс). Более того, человек не только превращается в вещь, обесценивается весь его мир: «В прямом соответствии с ростом стоимости мира вещей растёт обесценивание человеческого мира ... осуществление труда, это его претворение в действительность выступает как выключение рабочего из действительности, опредмечивание выступает как утрата предмета и закабаление предметом, освоение предмета — как отчуждение, как самоотчуждение» [2. С. 560–561]. Процесс отчуждения

человеческого труда, идущий рука об руку с индустриализацией цивилизации, в апогее своего развития, к середине XX в. порождает глобальные проблемы человечества, которые прежде развивались лишь как локальные и региональные.

Глобальные проблемы представляют собой совокупность проблем человечества, от решения которых зависит социальный прогресс и сохранение цивилизации: предотвращение угрозы мировой термоядерной войны, катастрофического загрязнения окружающей среды, преодоление нарастающего экономического разрыва между развитыми и развивающимися странами, проблема обеспечения человечества ресурсами и другие. XXI век, только что начавшись, уже успел добавить в эту ужасную копилку проблемы международного терроризма, продолжающееся распространение наркомании и СПИДа. Эта отрицательная динамика свидетельствует о возможном неблагоприятном будущем человечества [7. С. 437]. Интересна генерализация нравственного аспекта глобальных проблем, проведённая С. Нижниковым. Обобщив всё известное о глобальных проблемах современности, он сводит их к трём основным опасностям: возможности уничтожения человечества в мировой термоядерной войне; возможности всемирной экологической катастрофы; наличию духовно-нравственного кризиса человечества. Первые две проблемы связаны с насилием человека над человеком и с насилием человека над природой. Ну как тут не вспомнить пророческие слова К. Маркса: «Отчуждённый труд человека, отчуждая от него 1) природу, 2) его самого, его собственную деятельную функцию, его жизнедеятельность, тем самым отчуждает от человека род: он превращает для человека родовую жизнь в средство поддержания индивидуальной жизни» [2. С. 565]. Придётся вернуться к рассуждениям С. Нижникова, который пишет: «Интересно то, что при решении третьей проблемы первые две решаемы почти автоматически» [7. С. 438]. Да, действительно, может ли культурный, духовно и нравственно развитый человек промышлять насилием по отношению к другому человеку и к природе? Нет. Но «решить третью глобальную проблему, которая по сути является первой, наиболее трудно. Это невозможно сделать механическим путём, как можно было бы поступить с двумя первыми. Её решение связано с воспитанием и формированием духовно-нравственной личности» [7. С. 438]. Это возможно в пределах личности, даже в пределах отдельной социальной группы, но как быть с человечеством? Тем

человечеством, которое уже совершило однажды прорыв самопреодоления, встав на путь целенаправленной трудовой деятельности на путях современной цивилизации. Сложность, о которой свидетельствует морально-нравственный аспект глобальных проблем, описал К. Маркс. Это отчуждение, при котором «сама жизнь оказывается лишь средством к жизни» [2. С. 565]. По мысли Маркса, животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью, оно и есть эта жизнедеятельность. Человек призван делать свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания, то есть его жизнедеятельность — сознательная. Она и отличает человека от животной жизнедеятельности». Отчуждённый труд превращает это отношение таким образом, что человек превращает свою жизнедеятельность, свою сущность только лишь в средство для поддержания своего существования» [Там же]. Но человек должен иметь иной вектор развития: «Богатый человек и богатая человеческая потребность — это в то же время человек, нуждающийся во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как нужда» [Там же. С. 596].

Теперь как никогда явственно видна потребность преодоления горизонтов сознания, фокусирующего внимание на абиологическое. Иными словами, отчётливо возникает проблема второго преодоления, проблема отрицания отрицания. Теперь необходим не просто поворот, но прорыв к восстановлению значимости живого, при сохранении достигнутых и необходимых результатов цивилизации. Подобно тому как систематичность биологически нейтрального (систематическая подработка орудий) вывела становящееся сознание за рамки биологической зависимости, новое преодоление требует такой систематической предметности, которая вывела бы человека за рамки вещной зависимости, за рамки зависимости от абиологического, неживого. Известно цитирование К. Марксом фразы Фрааса о том, что «...культура — если она развивается стихийно, а не направляется ... — оставляет после себя пустыню...» [1. С. 45]. Эта тенденция более чем очевидна сегодня, когда человечество далеко зашло в направлении самоуничтожения. Быть может, эта имманентная для человечества причина приведёт его когда-нибудь к «точке Омега» (Т. де Шарден), когда соотношение биологического и социального обретёт в нашем сознании особое место, назначение и сущность наиболее

глубокого порядка. И тогда, вполне возможно, мы «вправе будем говорить о ноосфере, о космическом будущем человечества, о наивысшем смысле человеческого существования» [8. С. 187]. Марксизм имеет огромный потенциал, и российское общество не понаслышке знает как последствия догматизации этого учения, так и все сильные, конструктивные, диалектические и практически преобразующие стороны этого творческого учения. В этом смысле полезно прислушаться к самому Карлу Марксу, который предлагает нашему вниманию вовсе не догму, а творческое преодолевающее-активное движение человека: «Коммунизм есть положительное утверждение, как отрицание

отрицания, и потому он является действительным, для ближайшего этапа исторического развития необходимым моментом человеческой эмансипации и обратного отвоевания человека. Коммунизм есть необходимая форма и энергетический принцип ближайшего будущего. Но коммунизм как таковой не есть цель человеческого развития, не есть форма человеческого общества» [2. С. 598]. Взгляд с этих позиций на «человека преодолевающего» выявляет крайнюю востребованность формирования культуры преодоления, которая позволит расширить границы человеческого бытия с учётом современного творческого прочтения наследия великого мыслителя.

### Список литературы

1. Маркс — Энгельсу, 25 марта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 32. — 805 с.
2. Маркс, К. Философско-экономические рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М. : Гос. изд-во полит. лит., 1956. — 690 с.
3. Маркс, К. Глава о капитале / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 46, ч. 1.
4. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23. — 907 с.
5. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3, кн. 3 : Процесс капиталистического производства, взятый в целом / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 25, ч. 2. — 552 с.
6. Маркс, К. Наёмный труд и капитал / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 6. — 762 с.
7. Нижников, С. А. Философия / С. А. Нижников. — М. : Инфра, 2014. — 461 с.
8. Плотников, В. И. Социально-биологическая проблема / В. И. Плотников. — Свердловск : УрГУ, 1975. — 189 с.
9. Поршнева, Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Б. Ф. Поршнева. — СПб. : Алетейя, 2007. — 714 с.
10. Шваб, К. Четвёртая промышленная революция / К. Шваб. — М. : Эксмо, 2016. — 138 с.
11. Энгельс, Ф. Диалектика природы. Заметки и фрагменты / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 20. — 828 с.
12. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 21. — 746 с.

### Сведения об авторах

**Невелев Анатолий Борисович** — доктор философских наук, профессор кафедры философии факультета Евразии и Востока, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. [filos@csu.ru](mailto:filos@csu.ru)

**Мацына Андрей Иванович** — кандидат философских наук, доцент кафедры ГиСЭД филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Челябинске, докторант кафедры философии факультета Евразии и Востока, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. [matsyna@inbox.ru](mailto:matsyna@inbox.ru)

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2018. No. 5 (415).  
Philosophy Sciences. Iss. 48. Pp. 44–51.*

## THE PROBLEM OF OVERCOMING IN MODERN READING OF K. MARX

**A.B. Nevelev**

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. filos@csu.ru*

**A.I. Matsyna**

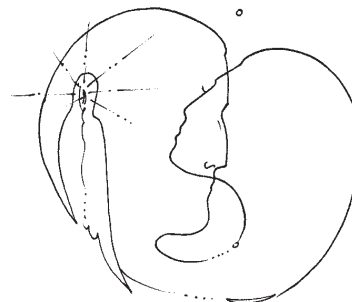
*Russian Air Force Military Educational and Scientific Center "Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin", Branch in Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia. matsyna@inbox.ru*

The article is devoted to the study of the problem of overcoming in Marxist dialectics. As the core line of the modern interpretation of the solution of this problem in the works of Karl Marx, the author takes a dialectical study of the socio-biological problem carried out by V. I. Plotnikov. The outline of the problem of overcoming in the teachings of Karl Marx is revealed as a problem of overcoming by mankind of its specific boundaries and breaks up into the problem of the first and second overcoming. The first overcoming means a breakout situation beyond the limits of instinctual activity, the second overcoming means the problem of removing the self-restriction of an alienated person.

**Keywords:** *the overcoming person, the phenomenon of overcoming, the culture of overcoming, the first overcoming, the second overcoming, nothing of instinct, nothing of lifeless objectivity, the problem of "beginning", elementary social connection, alienation.*

### References

1. Marks — Epngel'su, 25 marta [Marx to Engels, March 25]. Marks K., Ehngel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 32]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, 1964. 805 p. (In Russ.).
2. Marks K. *Filosofsko-ekonomicheskiye rukopisi 1844 goda* [Philosophical and Economic Manuscripts of 1844]. Marks K., Ehngel's F. *Iz rannih proizvedeniy* [From early works]. Moscow, 1956. 690 p. (In Russ.).
3. Marks K. Glava o kapitale [Chapter on Capital]. Marks K., Ehngel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 46, part 1]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, 1968. (In Russ.).
4. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoy ehkonomii. Tom 1 [Capital. Criticism of political economy. Vol. 1]. Marks K., Ehngel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 23]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, 1964. 907 p. (In Russ.).
5. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoy ehkonomii. Tom 3, kniga 3: *Process kapitalisticheskogo proizvodstva, vzyaty v celom* [Capital. Criticism of political economy. Vol. 3, book 3: The process of capitalist production, taken as a whole]. Marks K., Ehngel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 25m part 2]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, 1961. 552 p. (In Russ.).
6. Marks K. *Nayomnyy trud i kapital* [Wage labor and capital]. Marks K., Ehngel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 6]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, 1957. 762 p. (In Russ.).
7. Nizhnikov S.A. *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow, Infra Publ., 2014. 461 p. (In Russ.).
8. Plotnikov V.I. *Social'no-biologicheskaya problema* [Socio-biological problem]. Sverdlovsk, 1975. 189 p. (In Russ.).
9. Porshnev B.F. *O nachale chelovecheskoy istorii (problemy paleopsihologii)* [On the beginning of human history (the problem of paleopsychology)]. St. Petersburg, Aletejya Publ., 2007. 714 p. (In Russ.).
10. Shvab K. *Chetvyortaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow, Ehksmo Publ., 2016. 138 p. (In Russ.).
11. Ehngel's F. *Dialektika prirody. Zametki i fragment* [The dialectics of nature. Notes and snippets]. Marks K., Ehngel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 20]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, 1961. 828 p. (In Russ.).
12. Ehngel's F. *Lyudvig Feyerbah i konets klassicheskoy nemeckoy filosofii* [Ludwig Feuerbach and the end of classical German philosophy]. Marks K., Ehngel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 21]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, 1961. 746 p. (In Russ.).



*Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 5 (415).  
Философские науки. Вып. 48. С. 52–61.*

УДК 1:167:7

## **МАРКСИЗМ КАК УЧЕНИЕ О ЖИВЫХ СИСТЕМАХ**

***В. А. Рыбин***

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

В ситуации обостряющегося общецивилизационного кризиса возрастает интерес к учению Маркса, актуализируется потребность в новом, адекватном современности прочтении его теоретического наследия. Углублённый анализ ранних работ Маркса и соотнесение их с политэкономическим исследованием индустриального капитализма в «Капитале» позволяют утверждать, что человек, природа и культура исходно рассматривались Марксом в качестве организмов, целостных живых систем. Такая интерпретация создаёт перспективу новейшей реконструкции марксистского учения и выработки новой его версии в форме биомарксизма. Концептуализация биомарксизма предполагает привлечение новейших данных наук о жизни и совершенствование системной методологии с целью углубления знаний о закономерностях существования человека в культуре, оптимизации перспектив выживания человеческого общества и совершенствования практики решений наиболее актуальных проблем современности.

**Ключевые слова:** *марксизм, жизнь, человек, природа, система, капитализм, развитие, теоретическая биология, биомарксизм.*

Десятилетие, прошедшее с начала мирового экономического кризиса, разразившегося в 2008 г. и продолжающегося до сих пор, с полным основанием можно назвать «возвращением Маркса». Перспективы существования капитализма, самым последовательным и радикальным критиком которого был Карл Маркс, всё чаще ставятся под сомнение. В 2017 г. опубликован русский перевод коллективного сборника с характерным названием «Есть ли будущее у капитализма?». Его авторы, среди которых такие авторитетные современные теоретики, как Иммануил Валлерстайн, Рэндалл Коллинз и другие, начинают изложение с утверждения: «Существование капитализма как системы в течение 500 лет не доказывает, что он вечен» [1. С. 16], предсказывают «крах капитализма ещё до конца XXI века» [Там же. С. 110] и прогнозируют его замену «на некую иную историческую систему, в которой накопление капитала более не будет являться целью, определяющей все прочие цели

и системные правила» [Там же. С. 186]. В другой недавно вышедшей книге «Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему» её автор Пол Мейсон пишет, что капитализм — это «экономическая система, находящаяся в дисбалансе со своим окружением и неспособная удовлетворять нужды быстро меняющегося человечества» [2. С. 357], вследствие чего всё больше мыслящих людей приходят к выводу, что «...нам нужна новая экономическая модель» [Там же. С. 60]. Сегодня на Западе выходит масса научных публикаций, где капитализм развенчивается, подвергается осуждению. Похоже, подобная позиция становится модной.

В общем критический настрой налицо, но проблема заключается в том, что марксизм, хотя и является сегодня единственной социальной теорией, способной всерьёз претендовать на выработку альтернативной по отношению к капитализму модели общественного развития, в нынешнем своём состоянии не может детально «обозначить схему

перехода от капитализма к нерыночной экономике» [2. С. 89]. Главное остаётся неясным: каким образом должно функционировать провозглашённое Марксом «царство свободы», которое «лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» [3. С. 385–386]. Для своего времени Маркс формулировал весьма чётко: «Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей» [3. С. 386]. Однако в условиях, которые требуют перевода решения в практическую плоскость, этого уже недостаточно, в наши дни необходима гораздо большая конкретность. Крах «реального социализма», здание которого возводилось, как принято считать, с опорой на «Капитал», выступает наиболее убедительным доводом в пользу не только более тщательной проработки планов непосредственных практических действий, но и прояснения предваряющих подобную деятельность мировоззренческих предпосылок. Это побуждает искать новые, нестандартные подходы к учению Маркса, одновременно пересматривая некоторые устоявшиеся трактовки и корректируя закрепившиеся теоретические формулы.

Прежде всего следует отметить, что «Капитал» не был завершён Марксом — при его жизни вышел только первый том; при этом неиспользованной осталась масса подготовительного материала, из которого Ф. Энгельс сформировал второй и третий тома. Издана только часть черновых текстов, часть ещё ждёт своей публикации. Причины такого положения принято относить на счёт как масштабов поставленной Марксом задачи (дать «анатомию и физиологию» всего «организма» рыночного общества), так и сложности тех политических и бытовых условий, которые сопутствовали написанию этого труда. Тем не менее есть основания утверждать, что в эпоху Маркса «Капитал» и не мог быть завершён, ибо научное познание его времени не обладало (и не могло обладать) потенциалом для выработки методологии, которая отвечала бы сложности поставленной задачи, вследствие чего исходные установки и цели, избранные Марксом, вошли в неразрешимое противоречие с наличным эмпирическим материалом и соответствующим ему теоретико-методологическим инструмента-

рием. Для демонстрации достоверности данного утверждения в целях последующего обновления учения Маркса применительно к современности требуется обновлённый взгляд на всю его теоретическую систему. Вариант подобного рода реконструкции и представлен в данной работе.

«Капитал» — основное произведение Маркса — было создано во второй, поздний период его творчества, связанный с лондонской эмиграцией, философские же основы его учения, наиболее полно изложенные в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», сформировались в ранний, «немецко-французский» период. За 80 с лишним лет, прошедших с момента введения «Рукописей» в теоретический оборот, утвердился взгляд, что их содержание сводится к выработке концепта практики: сущность человека проявляется в использовании им искусственных орудий труда с целью воздействия на природу, которая есть его «неорганическое тело» [4. С. 92]. Природа в такой формулировке выступает как второе (внешнее) тело человека наряду с первым (организменным, внутренним). Уже приходилось писать, что подобная трактовка базируется на как минимум сомнительном переводе, поскольку неоднократно употребляемые в этом ключевом для всего марксистского учения фрагменте словосочетания *unorganische Körper* и *unorganische Leib* следует переводить не как «неорганическое», а как «внеорганизменное тело человека» [5. С. 10–11]. Дословный перевод немецкого оригинала [6. S. 240], а также учёт контекста данных высказываний позволяют сделать вывод, что согласно исходной посылке Маркса человек обладает не двумя, а по меньшей мере тремя телами: одним индивидуальным, «организменным» телом, и двумя внешними по отношению к нему внеиндивидуальными, «внеорганизменными» телами — неорганическим в образе «промышленности» и органическим в образе «природы». Что в совокупности и образует систему культуры, которая создаётся человеком и при этом не столько фронтально противостоит природе, сколько, выражаясь современным философским языком, «ризоматически» проникает в её организм и тем самым заключает её в себя.

Своего взгляда Маркс не изменил и в дальнейшем: «Критика Готской программы» (1875) начинается с доказательства необоснованности попыток представить «труд» в качестве единственного компонента, создающего «общественное богатство», то есть культуру. В контекст культуры Маркс включает ещё и природу, используя курсив

для более точного выражения своей мысли: «Труд не есть источник всякого богатства. Природа в такой же мере источник потребительных стоимостей (а из них-то ведь и состоит общественное богатство!), как и труд» [7. С. 13].

В общем всё свидетельствует в пользу того, что культура для Маркса — это «тело», «организм», живая система, в средовом контексте которой человек существует и развивается вместе с его внешним двусоставным телом. Сам же человек в концепте Маркса предстаёт трижды живым существом: как индивидуальный биологический организм, как часть природы и как агент культуры, которая представляет собой организм высшего порядка.

С этой точки зрения концептуализировать «царство свободы» означало бы выработать такую модель культуры, которая в идеале функционировала бы как полноценный — «здоровый и нормальный» — живой организм. Насколько это было реально в эпоху Маркса? Сам Маркс на заре промышленной революции мог наблюдать лишь отклонения от подобной «нормы», вызванные (по причине рыночного характера общественного воспроизводства) гипертрофией неорганического — «промышленного» — компонента внеиндивидуального тела человека. Он прекрасно понимал суть дела (отчуждение при капитализме, писал Маркс, как раз и проявляется в агрессивности той производственной формы, посредством которой «промышленная» — научно-техническая — составляющая культуры превращается в авангард её развития и преобразует жизнь людей, но делает это разрушительным, негативным образом: «...естествознание посредством промышленности ворвалось в человеческую жизнь, преобразовало её и подготовило человеческую эмансипацию, хотя непосредственно оно вынуждено было довершить обезчеловечивание человеческих отношений» [4. С. 124]), но в тогдашних исторических условиях вряд ли мог концептуализировать свою идею исчерпывающим образом.

С учётом такого истолкования все последующие этапы творчества Маркса видятся следующим образом. Опираясь на исходную трёхкомпонентную модель культуры, Маркс в «Капитале» предпринимает попытку конкретизировать её посредством более чёткой расстановки антропологических акцентов при выявлении контурирующихся при этом закономерностей социально-экономического порядка: более половины текста первого тома «Капитала» посвящены анализу тех разрушительных воздействий, которым организм человека подвергается

в системе рыночно ориентированного производства. Образ культуры как живого организма неизменно сохраняет для Маркса парадигмальный характер, о чём свидетельствует масса выражений, в которых на страницах первого тома субъективируется капитал и выражается его античеловеческая сущность: «...капитал — это мёртвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живёт тем полнее, чем больше живого труда он поглощает», «при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и физически максимальные пределы рабочего дня», «капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы; интересуется его единственно тот максимум рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня», «нигде нет более бесстыдного расточительства рабочей силы, чем именно в Англии, стране машин», «эксперименты на ничего не стоящем живом теле», «дешевизна человеческого пота и человеческой крови, превращаемых в товары», «ужасающая смертность от лихорадки» [8. С. 244, 275, 406, 468, 482, 677] и т. д. Но поскольку своё исследование Маркс выстраивал, отталкиваясь от достижений научного обществознания своего времени — как «критику политической экономии», он вынужден был относить тщательно фиксируемые им антропологически деструктивные эффекты не к исторически превратному соотношению всех трёх компонентов в системе культуры, а к «обществу», к факторам сугубо социально-экономического порядка. Итог — отклонение от исходной модели, масса подготовительного материала и единственный авторский том «Капитала», который на самом деле являет собой *незавершённую часть нестроенного здания целостной социальной теории*. Откуда в последующие 150 лет возникла возможность возводить «экономизм» в ранг истинного марксизма при одновременном блокировании путей его адекватного понимания, что в конечном счёте и воспрепятствовало всем попыткам воплотить общественный идеал в жизнь, включая крушение «реального социализма».

Главное, чего не сделал и не мог сделать Маркс, — это продемонстрировать специфику культуры в качестве нормально функционирующего живого организма высшего типа, а следовательно, и наметить конкретные пути к воссозданию соответствующего общественного устройства. Ибо для этого, помимо самой концептуализации культуры как особенно — творимого людьми — воплощения живого

(причём творимого более-менее сознательно лишь на относительно поздней стадии исторического развития), надо было предварительно раскрыть сущность живого в его «естественных», чисто природных формах. Но познание жизни во времена Маркса ещё только выходило на собственно научный уровень, было представлено одной лишь теорией Дарвина.

С тех пор положение качественно изменилось: естествознание шагнуло далеко вперёд, а науки о жизни достигли внушительных успехов. Тем самым создалась объективная возможность реконструировать учение Маркса в соответствии с его исходным замыслом и в то же время адекватно потребностям современности — как *биомарксизм*, то есть как социально-антропологическое учение, включающее в себя корпус гуманитарного, прежде всего философского знания, но опирающееся прежде всего на правильно истолкованные достижения естествознания, в первую очередь на новейшие данные наук о жизни.

Правомочность подобного рода реконструкции можно было бы поставить под сомнение аргументом того рода, что учение Маркса при этом будет уподоблено некоторым базирующимся на естествознании позитивистским концепциям, представители которых отождествляли общество с организмом и пытались объяснить социальную жизнь биологическими закономерностями. Например, согласно Г. Спенсеру, эволюционный принцип, то есть неуклонное движение от однородного к неоднородному, от простого к сложному, от малого к большому и т. д., действует во всех сферах объективной действительности, и это позволяет выстраивать в один ряд животных и людей, биологический прогресс и человеческую историю, природу и общество [9. С. 253]. Представители так называемой «органической школы в социологии» (П. Лилиенфельд, А. Шеффле, А. Эспинас) поступали ещё проще: они строили свои концепции на основе прямого уподобления структуры и функции социума — анатомии и физиологии человеческого организма: правительство равнозначно головному мозгу, торговля — кровеносной системе и т. д. [10. С. 164]. И тем не менее эти модели не имеют ничего общего с учением Маркса не только по причине наивной «простоты» используемых ими аналогий, но главным образом в силу радикального отличия в понимании сущности человеческого социума: если в «организмических теориях» социальная реальность возводится к природе, существующей как безусловная, он-

тологически устойчивая данность, которая «преформистским образом» порождает все проявления человеческого начала, то у Маркса человеческое общество и все результаты человеческой деятельности конституируются как «то, чего ещё не было», то есть в качестве новой реальности, создаваемой самими людьми из материала природы по ходу своего исторического развития, причём с каждым разом всё более целенаправленно и во всё более значительных масштабах.

Однако опровержением родственности марксизма позитивизму дело не исчерпывается; более того, если ограничиться этим выводом, можно впасть в иллюзию, будто необходимый для искомой реконструкции синтез закономерностей, постигаемых естествознанием в науках о живом — с одной стороны, и принципов, постигаемых на уровне философского и социогуманитарного знания, — с другой, уже осуществлён, точнее в наличии имеется его матрица в образе глобального (универсального) эволюционизма. Данный общетеоретический концепт следует рассмотреть подробнее.

Первые варианты универсальной эволюционной концепции восходят к трудам Гердера, Шеллинга, Гегеля, но у них они носили по преимуществу натурфилософский характер; собственно научные её варианты, выстроенные на базе конкретного биологического знания, появились только в первой половине XX в. в виде теорий холизма, эмерджентной эволюции, органического индетерминизма и др. Во второй половине XX в. на первый план вышли учение о биосфере-ноосфере, а также разнообразные версии философии природы, использующие принципы коэволюции, системности, синергетики; к их числу в качестве одной из отечественных модификаций следует отнести также пермскую школу философии, успешно разрабатывающую концепцию единого закономерного мирового процесса [11. С. 116], которая восходит к учению Ф. Энгельса о формах движения материи. Надо признать, что глобальный эволюционизм в настоящее время выступает наиболее авторитетным общетеоретическим концептом, позволяющим не только проводить принцип развития в различных сферах научного познания, но и сохранять единство непрерывно расширяющегося пространства современной науки.

И тем не менее он страдает одним существенным недостатком: во всех его версиях и вариантах эволюционный процесс рассматривается «снизу вверх», как интегральное движение от низшего к высшему, от простого к сложному, что

ориентирует исследование на выделение общих черт, но не даёт возможности достаточно полно раскрыть типологическое своеобразие каждого из исторических этапов, показать особенность каждого из формирующихся уровней бытия, а в конечном счёте подойти к решению поставленной задачи — уловить специфику живого на высшем уровне культуры. Культура, рассмотренная сквозь призму тех или иных версий глобального эволюционизма, не постигается в своей уникальности — она берётся как «социальная форма движения материи», специфичная лишь в количественном отношении, то есть экстенсивно, в аспекте развёртывания закономерностей нижележащих уровней, но не в собственной качественной особенности, не интенсивно, не в аспекте порождения новых, «ещё не бывших» закономерностей: «Вещественная ограниченность воспроизводимых этими концепциями процессов свидетельствует о некорректности представления о так называемой социальной форме движения материи, которое оказывается типично метафизической попыткой онтологической абсолютизации (социальная форма бытия как завершающая ряд “несовершенных” природных форм)» [12. С. 86]. Как следствие, все нынешние версии глобального эволюционизма носят неискоренимый натурфилософский характер, и это делает их уязвимыми для мистико-религиозной интерпретации, примерами которой являются «божественная среда» Тейяра де Шардена, концепция Геи Дж. Лавлока, религиозные выводы из учения В. И. Вернадского о ноосфере (А. Н. Павленко, А. Д. Урсул) и пр.

Может быть, в этом случае есть смысл обратиться к самой науке, точнее к тому разделу биологического знания, который носит название «теоретическая биология» и, будучи нацелен на поиск различия между живым и неживым, на выявление сущности жизненного процесса, «является теорией жизни» [13. С. 16]?

Однако в самой теоретической биологии сохраняется сложное положение. Она представлена двумя основными группами учений, которые базируются на взаимоисключающих предпосылках. Первая, наиболее авторитетная группа развивается в русле неodarвинизма; её ведущий представитель — синтетическая теория эволюции (СТЭ), связывающая специфику живого с микроэволюционным процессом: мутации на генетическом уровне создают предпосылки преобразований на уровне фенотипа, то есть целостного организма. Тем не менее ещё пятьдесят лет назад появились доказательства, что макроэволюция не сводится

к микроэволюции [14. С. 27]; иными словами, наиболее уязвимый пункт СТЭ — недостаточный учёт факторов внешней среды в существовании живых организмов. Другая группа учений, критикующая данные недоработки современного дарвинизма, наоборот, абсолютизирует роль внешних факторов, связывает специфику живого преимущественно с воздействием среды на генотип. Самая известная из теорий этой группы — концепция номогенеза, рассматривающая эволюцию как целенаправленный процесс, стимулированный внешней силой неясного происхождения. По этой причине все номогенетические учения продолжают подвергаться критике за ненаучность.

В результате односторонний акцент либо на внутренних, либо на внешних факторах воспроизводства живых систем не позволяет проследить взаимосвязь внешних и внутренних аспектов их существования. Между тем «в биологических объектах внутренние и внешние активности, как правило, взаимодействуют и составляют жизненно необходимое единство» [15. С. 127], концептуализация которого выступает важнейшим условием понимания феномена жизни. Логическая неоднородность предпосылок, на которых строится вся теория живого в современной биологии, создаёт тупиковую ситуацию и подводит к выводу о невозможности реконструировать биомарксизм с опорой на теоретические обобщения, полученные в самой науке.

В сфере теоретической биологии есть только одно исключение — работа Эрвина Бауэра с одноимённым названием, где проработка проблемы единства внешнего и внутреннего осуществлена на должном уровне. Правда, работа Бауэра написана ещё в 1935 г., но в биологии наших дней ещё более остро заявляет о себе потребность в раскрытии механизма сопряжения внешнего и внутреннего, в частности, «путём выявления внутреннего смысла микроэволюционных процессов, идущих внутри популяций. <...> Неизменной в новом синтезе остаётся и установка, что направленность и причины эволюции коренятся не столько в отношениях живого с внешней средой, сколько в нём самом, в природе биотических отношений» [16. С. 207]. «Теоретическая биология» Бауэра, таким образом, по-прежнему остаётся актуальной.

Закрепилось представление, что основной заслугой Бауэра является открытие «принципа устойчивого неравновесия»: «Все и только живые системы никогда не бывают в равновесии и исполняют за счёт своей свободной энергии постоянно работу против равновесия, требуемого законами физики

и химии при существующих внешних условиях» [17. С. 143]. Между тем принципу устойчивого неравновесия, определяющего степень внешней работоспособности живого организма, посвящена только первая часть книги; идея Бауэра этим не ограничивается — во всех разделах своего труда он постоянно ссылается на «внутренние условия системы» [Там же. С. 239], подчёркивая, что «для сохранения неравновесия работоспособной структуры живых систем последние должны постоянно производить внутреннюю работу» [Там же. С. 166], которую он называет «основной процесс» и исследует во второй части своего труда [Там же. С. 234]. Здесь единство внешнего и внутреннего не просто констатируется, но выводится из процесса непрерывного преобразования всех — от клетки до организма — компонентов живой системы [Там же. С. 136]: в основе «принципа устойчивого неравновесия», подводит итог Бауэр, лежит *непрерывное переструктурирование внешних и внутренних аспектов существования живых систем*, которое и является базисной «закономерностью всей живой материи, существующей на земле» [Там же. С. 347].

Но свою идею Бауэр доказывает в основном на примере отдельных живых организмов, тогда как в живой природе господствует принцип биоэкологического взаимодействия. «Важнейшей чертой этого принципа является отказ от признания организма единственно основной первичной формой организации живого и признание того, что в составе живого покрова Земли существует множество систем, обладающих различными степенями организованности» [18. С. 291–292]. При этом одни подсистемы создают предпосылку для воспроизводства других подсистем, которые, входя в системы более высокого порядка, одновременно содержат в себе системы более низкого уровня. Живое воспроизводится как сеть, сплетающаяся пирамидальным образом. Иными словами, живая природа выстроена иерархически.

Так происходит со всеми живыми природными системами, за исключением одной — биосферы. Биосфера представляет собой уникальный организм, который, будучи внутренне структурирован чрезвычайно сложным образом, во внешнем отношении «существует всего в одном экземпляре» [19. С. 71]. А это приводит к тому, что на уровне биосферы открытая Бауэром способность живых систем осуществлять своё развитие за счёт *переструктурирования* приобретает новое качество: если все нижележащие системы развиваются посредством наращивания иерархических структур

и морфологического усложнения соответствующих им подсистем, то биосфера эволюционирует в пределах собственного единства, манипулируя целостными, завершёнными комплексами. Данное свойство (что чрезвычайно важно) воспроизводится на уровне культуры, где на место биосферы как единственной сверхсистемы становится человеческий род в качестве её потребителя и регулятора. Но реализуется это свойство не сразу, а в процессе культурной эволюции, которая сопровождается эффектами биологического порядка.

Отличительная особенность культуры — способность её создателя, человека, использовать искусственные орудия труда, которые выступают как своеобразная производственная «добавка» по отношению к «природе» или, если воспользоваться концептом Маркса, как «неорганическая часть индивидуального тела человека». Биологические закономерности на уровне культуры сохраняются, но благодаря этой «добавке» приобретают новое качество: человек реагирует на изменение внешней среды не морфологической трансформацией с переходом в новый вид, как это происходит в животном мире, но отвечает реакцией другого рода — заболеваемостью, оставаясь как вид морфологически неизменным. Болезнь человеческого индивида в культуре — аналог видообразования на уровне чисто биологической природы. Болезнь выступает в качестве более умеренного, чем у животных (не обязательно связанного с гибелью особей) варианта адаптации [20. С. 36]. Все внутривидовые перестройки человеческого социума в конечном счёте служат преобразованию форм отношения человека к природе, но на протяжении большей части его истории всё равно носят приспособительный, адаптивный характер, как у животных.

Радикальные изменения в характере биологической эволюции на уровне культуры происходят в эпоху капитализма и совпадают с промышленной революцией, то есть с переходом к преимущественно надприродному образу существования человечества в наиболее развитых его регионах (Хайдеггер на своём специфичном философском языке именует новый тип воспроизводства «выведением из потаённости» [21. С. 226–227]). Поскольку этот переход совершается в рыночной форме, ориентированной на безграничный рост производства в целях извлечения прибыли, то закономерно, что он, как убедительно продемонстрировал Маркс в «Капитале», сопровождается гипертрофией неорганического компонента внеиндивидуального тела человека на фоне редукции его органических

компонентов — организма самого человека и внешней природы. В наши дни эта редукция набирает новые обороты, приобретая чрезвычайно опасную форму взаимоналожения «болезней цивилизации» и экологического кризиса. А продолжение движения по этой линии будет означать не что иное, как постепенный возврат человечества на путь адаптивной по своему характеру биологической эволюции, только теперь это станет адаптацией не к естественной, а к искусственной, технизированной внешней среде. Принять данную тенденцию «значит медленно, но верно терять человеческое начало, сползать в исходное животное состояние по той же самой лестнице, по которой человек вышел из животных в люди» [22. С. 212].

Основная «структурная» причина данной угрозы заключается в том, что человеческая культура хотя в целом преодолела фатальность «морфологической трансформации», довлеющей над животным миром (человеческий вид с момента своего формирования остаётся морфологически неизменным), но ещё не до конца избавилась от структурирования социума по иерархическому принципу, в соответствии с которым формируются все биологические сообщества и до сих пор структурировались все человеческие коллективы. «Прогресс в сознании свободы» [23. С. 72], о котором говорил Гегель, в ходе истории действительно несколько ослабил тяжесть иерархии, но одновременно придал ей более изощрённые формы, закрепив их через углубляющееся разделение труда и узкую специализацию человеческих индивидов. Стремительное, но одностороннее техническое развитие последних двухсот лет заблокировало то свойство живых систем, которые Бауэр характеризовал как способность *переструктурирования*, что усугубило прежние деструктивные антропологические эффекты, описанные Марксом, и породило новые, причём вне зависимости от типа политического устройства.

Один пример. В эпоху «реального социализма» принято было расточать дифирамбы по поводу научно-технической революции, сопровождая их ссылками на описание автоматизированного производства из подготовительных рукописей к «Капиталу». Обрисованные Марксом конвейерные системы рассматривались чуть ли не как исчерпывающее воплощение общественного идеала и торжество коммунизма! Между тем Маркс не давал никакого повода для подобных восторгов, надо только проследить его мысль до конца. Если делать акцент на первой части отрывка, где гово-

рится, что при автоматизации «труд выступает уже не столько как включённый в процесс производства, сколько как такой труд, при котором человек, наоборот, относится к самому процессу производства как его контролёр и регулировщик» [24. С. 213], действительно может возникнуть представление, будто создание новейшей технической базы общества попутно решает и все иные проблемы. Однако, если дочитать этот фрагмент до конца и сконцентрировать внимание на фразе, что в автоматизированной производственной системе «вместо того, чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним» [Там же], то смысл меняется на противоположный: Маркс говорит не о господстве человека над системой машин, а наоборот, об угрозе поглощения человеческой универсальности исполнением узкоспециализированной, стереотипной функции. В самом деле, поставить человека «рядом с машиной» означает принудить его к соревнованию по меркам технического порядка, где превосходство «железа» заведомо обеспечено, а человек не имеет никаких шансов на победу, если только не уподобится роботу, то есть перестанет быть человеком.

И тем не менее общекультурный прогресс, несмотря на порождаемые им противоречия, сегодня фактически подготовил основные условия для выведения человечества за пределы иерархически выстроенных (и тем самым неизбежно создающих неравенство) социальных отношений, в системе которых человек использовался и продолжает использоваться в качестве говорящего орудия, источника прибыли, предмета потребления и всех иных вариантов узкой специализации, уподобляющей его жизнь генетически заданному образу существования животных особей. Сам факт наличия объективно благоприятных условий отнюдь не означает автоматического торжества справедливости, напротив, он обостряет противоречие между противонаправленными стремлениями преодолеть неравенство и всеми способами сохранить его — между «силами схождения» и «силами расхождения», как выражается Томас Пикетти, автор новейшего исследования «Капитал в XXI веке». Исход этого противоборства далеко не предрешён, «процесс накопления и распределения имущества содержит мощные силы, движущиеся в направлении расхождения или по меньшей мере в сторону очень высокого уровня неравенства» [25. С. 45]. Задача биомарксизма в этой ситуации заключается в том, чтобы показать, каким именно образом

надлежит осуществлять *переструктурирование* наличных компонентов социокультурной реальности с целью создать, наконец, надёжные условия дальнейшего развития человеческого рода в целом и каждого конкретного индивида в частности в составе нормально функционирующих живых систем природы и культуры, согласно исходному замыслу Карла Маркса.

### Список литературы

1. Есть ли будущее у капитализма? : сб. ст. И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна : пер. с англ. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. — 320 с.
2. Мейсон, П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему / П. Мейсон. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. — 416 с.
3. Маркс, К. Капитал. Т. 3 / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 26, ч. 2. — 552 с.
4. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 42. — 536 с.
5. Рыбин, В. А. Трансгуманизм как проблема экологического кризиса / В. А. Рыбин // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2017. — № 13 (409). Филос. науки. Вып. 46. — С. 5–16.
6. Marx, K. *Okonomisch-philosophische Manuskripte (Erste Wiedergabe)* / K. Marx // Marx K., Engels F. Gesamtausgabe (MEGA). — Berlin : Dietz Verlag, 1982. — 516 s.
7. Маркс, К. Замечания к программе Германской рабочей партии / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 19. — 672 с.
8. Маркс, К. Капитал. Т. 1 / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23. — 908 с.
9. Спенсер, Г. Синтетическая философия / Г. Спенсер. — Киев : Ника-Центр, 1997. — 512 с.
10. Органическая школа в социологии // Философская энциклопедия : в 5 т. — М. : Совет. энцикл., 1967. — Т. 4. — 592 с.
11. Внутских, А. Ю. Отбор в природе и отбор в обществе: опыт конкретно-всеобщей теории / А. Ю. Внутских. — Пермь, 2006. — 335 с.
12. Сильвестров, В. В. Фундаментальность биологии как парадигма для обоснования фундаментальности теории культуры / В. В. Сильвестров // Культура. Деятельность. Общение. — М. : РОССПЭН, 1998. — 478 с.
13. Заренков, Н. А. Теоретическая биология / Н. А. Заренков. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. — 216 с.
14. Воронцов, Н. Н. Развитие эволюционных идей в биологии / Н. Н. Воронцов. — М. : КМК, 2004. — 432 с.
15. Шрейбер, В. К. Понятие функции в биологии и социальных науках: опыт систематизации смыслов / В. К. Шрейбер // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2008. — № 32 (133). Филос. науки. Вып. 9. — С. 124–135.
16. Барг, О. А. Живое в едином мировом процессе / О. А. Барг. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1993. — 227 с.
17. Бауэр, Э. С. Теоретическая биология / Э. С. Бауэр. — СПб. : Росток, 2002. — 352 с.
18. Хлебосолов, Е. И. Логика природы / Е. И. Хлебосолов. — СПб. : Алетей, 2010. — 299 с.
19. Беклемишев, В. В. Методология систематики / В. В. Беклемишев. — М. : КМК, 1994. — 250 с.
20. Давыдовский, И. В. Общая патология человека / И. В. Давыдовский. — М. : Медицина, 1969. — 612 с.
21. Хайдеггер, М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие : ст. и выступ. — М. : Республика, 1993. — 447 с.
22. Петров, М. К. Человек и наука / М. К. Петров // Самосознание и научное творчество. — Ростов н/Д. : Изд-во Ростов. ун-та, 1992. — 272 с.
23. Гегель, Г. В. Ф. Философия истории / Г. В. Ф. Гегель. — СПб., 1993. — 480 с.
24. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 годов / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 46, ч. II. — 620 с.
25. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. — М. : Ад Маргинем, 2016. — 592 с.

## Сведения об авторе

**Рыбин Владимир Александрович** — доктор философских наук, профессор кафедры философии факультета Евразии и Востока, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. wlad@csu.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2018. No. 5 (415).  
Philosophy Sciences. Iss. 48. Pp. 52–61.*

## MARXISM AS A TEACHING ON LIVING SYSTEMS

*V.A. Rybin*

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. wlad@csu.ru*

In the situation of aggravating general civilizational crisis, there is an increasing interest in the teachings of Marx, the need for a new, adequate modern reading of his theoretical heritage is actualized. An in-depth analysis of Marx's early works and their correlation with the political economic study of industrial capitalism in Capital show that man, nature and culture were originally considered by Marx as organisms, whole living systems. This interpretation creates the prospect of a modern reconstruction of Marxist teaching and the development of a new version of it in the form of biomarxism. The conceptualization of biomarxism involves the involvement of the latest data on life sciences and the improvement of the system methodology in order to deepen knowledge about the laws of human existence in culture, optimize the prospects for the survival of human society and improve the practice of solutions to the most pressing problems of our time.

**Keywords:** *marxism, life, man, nature, system, capitalism, development, theoretical biology, biomarxism.*

## References

1. *Yest' li budushcheye u kapitalizma? : sbornik statey I. Wallerstayna, R. Kollinza, M. Manna, G. Derlugyana, C. Kalhouna* [Is there a future for capitalism? Articles by I. Wallerstein, R. Collins, M. Mann, G. Derlugyan, K. Calhoun]. Moscow, Publishing house of Gaidar Institute, 2017. 320 p. (In Russ.).
2. Mason P. *Postkapitalizm: putevoditel' po nashemu budushchemu* [Postcapitalism: a guide to our future]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2016. 416 p. (In Russ.).
3. Marks K. Capital [Capital. Criticism of political economy]. Marks K., Engel's F. *Soshineniya* [Writings. Vol. 26, part 2]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1962. 552 p. (In Russ.).
4. Marks K. *Economitchesko-philosophskiye rukopisi 1844 goda* [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. Marks K., Engel's F. *Soshineniya* [Writings. Vol. 42]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Politizdat Publ., 1974. 536 p. (In Russ.).
5. Rybin V.A. Transgumanism kak problema ekologicheskogo krisisa [Transhumanism as a problem of ecological crisis]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2017, no. 13 (409), pp. 5–16. (In Russ.).
6. Marks K. *Okonomisch-philosophische Manuskripte (Erste Wiedergabe)* [Economic philosophical manuscripts. The first section]. Marks K., Engel's F. *Gesamtausgabe (MEGA), Band 2* [Complete Works (MEGA). Vol. 2]. Berlin, Publisher Dietz, 1982. 516 p. (In German).
7. Marks K. *Zamechaniya k kritike gotskoy programmy* [Comments on criticism of the Gothic program]. Marks K., Engel's F. *Soshineniya* [Writings. Vol. 19]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961. 672 p. (In Russ.).
8. Marks K. Capital [Capital. Criticism of political economy]. Marks K., Engel's F. *Soshineniya* [Writings. Vol. 23]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1960. 908 p. (In Russ.).
9. Spenser G. *Sinteticheskaya filosofiya* [Synthetic Philosophy]. Kiev, Nika-Centr Publ., 1997. 512 p. (In Russ.).
10. *Organicheskaya shkola v sotsiologii* [Organic School in Sociology]. *Filosofskaya enciklopediya. Tom 4.* [Philosophical encyclopedia in 5 vol. Vol. 4]. Moscow, House Soviet Encyclopedia Publ., 1967. 592 p. (In Russ.).
11. Wnatskikh A.Yu. *Otbor v prirode i obshchestve: opyt konkretno-vseobshchey teorii* [Selection in nature and selection in society: the experience of concrete general theory]. Perm, 2006. 335 p. (In Russ.).

12. Silvestrov V.V. Fundamentalnost' biologii kak paradigma dlya obosnovaniya fundamental'nosti teorii kul'tury [Fundamentality of biology as a paradigm for substantiating the fundamentality of the theory of culture]. Silvestrov V.V. *Cultura. Dejitel'nost'. Obcheniye* [Culture. Activity. Communication]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 478 p. (In Russ.).
13. Zarentsov N.A. *Teoreticheskaya biologiya* [Theoretical biology]. Moscow, MSU Publishing House, 1988. 216 p. (In Russ.).
14. Vorontsov N.N. *Rasvitiye evolyutsionnykh idey v biologii* [Development of evolutionary ideas in biology]. Moscow, KMK Publ., 2004. 432 p. (In Russ.).
15. Shreiber V.K. Ponyatiye funktsii v biologii i sotsial'nykh naukakh: opyt sistematisatsii smyslov [The concept of function in biology and social sciences: the experience of the systematization of meanings]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2008, no. 32 (133), pp. 124–135. (In Russ.).
16. Barg, O.A. *Zhivoye v yedinom mirovom protsesse* [Live in a single world process]. Perm, Perm University Publishing House, 1993. 216 p. (In Russ.).
17. Bauer E.S. *Teoreticheskaya biologiya* [Theoretical biology]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2002. 352 p. (In Russ.).
18. Khlebosokov E.I. *Logika prirodi* [Logic of nature]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2010. 299 p. (In Russ.).
19. Beklemishev V.V. *Metodologiya sistematiki* [Methodology of systematics]. Moscow, KMK Publ., 1994. 250 p. (In Russ.).
20. Davidovskiy I.V. *Obshchaya patologiya cheloveka* [General pathology of man]. Moscow, Medicina Publ., 1969. 612 p. (In Russ.).
21. Khaydegger M. Vopros o tekhnike [The question of technology]. Khaydegger M. *Vremya i bytiye: stat'yi i vystupleniya* [Time and Being: Articles and speeches]. Moscow, Respublica Publ., 1993. 447 p. (In Russ.).
22. Petrov M.K. Chelovek i nauka [Man and Science]. Petrov M.K. *Samosoznaniye i nauchnoye tvorchestvo* [Self-consciousness and scientific creativity]. Rostov on Don, Publ. house of Rostov University, 1992. 272 p. (In Russ.).
23. Gegel G.V.F. *Filosofia istorii* [Philosophy of History]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 480 p. (In Russ.).
24. Marks K. Economicheskiye rukopisi 1857–1859 godov [Economic manuscripts of 1857–1859]. Marks K., Engel's F. *Soshineniya* [Writings. Vol. 46, part 2]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Politizdat Publ., 1969. 620 p. (In Russ.).
25. Pitsetti T. *Capital v XXI veke* [Capital in the 21<sup>st</sup> century]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2016. 592 p.

УДК 101.1:316  
ББК 87.6

## АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ОТЧУЖДЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ К. МАРКСА

*М. П. Ахметзянова*

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия*

Рассматриваются актуальные проблемы осмысления феномена отчуждения. Анализируется проблема развития и роли категории отчуждения в трудах К. Маркса. Показаны социальные и культурные последствия отчуждения в современном мире.

**Ключевые слова:** *отчуждение, марксизм, родовая сущность, капитализм, частная собственность, идентичность.*

Темы должного и сущего, идеала и действительности в истории философской мысли присутствовали всегда. При этом анализ социальной реальности показывает разрыв желаний и возможностей, цели деятельности и её результата, идеала и действительности, то есть налицо негативный аспект взаимоотношения человека с миром. Именно это приводит к постановке проблемы, описывающей отрицательность мира и исследование соответствующей категории, которая позже была сформулирована как отчуждение [2; 3].

Древнегреческие мыслители констатировали и осознавали существование отчуждения, однако категориально отчуждение не было выделено ни в античности, ни в средневековье. Традиционно считается, что только в Новое время появляется данная категория как философское понятие. В трудах Гоббса и Локка отчуждение рассматривается как социальное явление, связанное с передачей «естественных прав» человека в пользу государства. В трудах немецких классиков подчёркивается идеальная природа феномена.

Так, у Гегеля отчуждение является основным понятием, при помощи которого он представляет развитие мирового духа от «чистого бытия» до «абсолютной идеи». Природа и социум являются самоотчуждением, опредмечиванием абсолютной идеи. «Мир этого духа распадается на два мира: первый есть мир действительности или мир самого отчуждения духа, а второй есть мир, который дух, поднимаясь над первым, сооружает себе в эфире чистого сознания» [1. С. 262]. Таким образом, отчуждение становится тождественным опредмечиванию, а значит, является неотъемлемым состоянием любого исторического времени.

По Фейербаху, отчуждение проявляется в перенесении человеческих качеств на образ божества и есть утрата человеком своей сущности. «Чтобы

обогатить бога, надо разорить человека: чтобы бог был всем, человек должен сделаться ничем... Человек приписывает богу то, что он отрицает в себе» [7. С. 56–57]. В структуре антропологического материализма отчуждение понимается как неизменное состояние человека.

Отказавшись от методов немецкой классической философии, объяснявшей формы социального бытия исходя из уровня развития «абсолютной идеи» или абстрактного родового сознания, Маркс и Энгельс начали говорить об отчуждении как реальном общественном процессе, исследуя источники, сущность и возможные пути преодоления отчуждения.

В работе «Экономическо-философские рукописи 1844 года» Маркс обнаруживает источник отчуждения в экономике. Таким источником является частная собственность как продукт исторического развития, и которая, при определённых условиях может исчезнуть, перестав удовлетворять потребности развития производства. Появление частной собственности является результатом более универсального — отчуждения труда, в основе которого лежит идея социального разделения трудовой деятельности.

Отчуждение труда происходит тогда, когда продукт трудовой деятельности противостоит труду как чуждое образование. Создаваемый трудом рабочего, товар становится внешним, не принадлежащим человеку и противостоящим ему как свободное и враждебное нечто [4. С. 88–89]. И если понимать продукт труда как самоотчуждение, то деятельность человека также становится «деятельностью отчуждения» [4. С. 90], трансформируется в силу самостоятельную и чуждую человеку, совершаемую вопреки сознанию. Человек должен трудиться для удовлетворения своих базовых потребностей, то есть трудовая деятельность не имеет добровольный характер,

более того, труд «подчиняет» себе человека, регламентирует его жизнедеятельность, человек фактически утрачивает свободу. Тем самым он отчуждается не только от своей собственной, но и от родовой сущности, от творческой и преобразующей реальность деятельности. Труд рабочего, его результаты и сам работник становятся принадлежностью Другого, происходит потеря, утрата самого себя. «В результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций — при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае расположившись у себя в жилище, украшая себя и т. д., да в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным» [4. С. 91]. Утрата человеком своей родовой сущности делает бессмысленным само существование человека. Рутинная и повседневная забота заслоняют истинное предназначение творить и самосовершенствоваться. Далее в процессе отчуждения изменяются отношения между рабочими. Работа утрачивает совместный характер, и люди становятся изолированными друг от друга. Конкуренция, погоня за прибылью, желание обладать одними и теми же материальными благами становятся ведущими мотивами деятельности. Такая ситуация возникает как следствие социального неравенства.

Таким образом, Маркс описывает четыре формы отчуждения: отчуждение рабочего от производимого продукта; отчуждение человека от собственной сущности; отчуждение от родовой сущности и отчуждение человека от человека.

Преодоление отчуждённого состояния, как негативной характеристики капитализма, является не менее значимым вопросом в марксизме, решение которого предполагает упразднение частной собственности, которое становится возможным с ликвидацией разделения труда вообще [5]. Существующее разделение труда на умственный и физический, материальный и духовный искусственно разделяет рабочих и социум. Человек, заботясь о собственном спокойствии и самосохранении, игнорирует интересы социальной группы. Частная собственность дифференцирует индивидов и утверждает «чуждую для них связь», «расщепляет» труд, капитал и иные формы собственности. Разобщённая человеческая трудовая деятельность меняет межличностные отношения, основаниями которых становятся противоречия, конфликты, господство и подчинение (эксплуатация).

Таким образом, Маркс и Энгельс под отчуждением понимают такие общественные отношения и такой способ восприятия мира, при которых человек становится отстранённым от самого себя. Воля перестаёт быть источником собственных действий, и даже если человеку кажется, что он живёт по своему разумению, в действительности им движут силы, отделённые от его сознательного «Я».

В состоянии отчуждённости подлинная экзистенциальная сущность подменяется искусственной, неподлинной, человек утрачивает свою индивидуальность, становится обезличенным существом, в данном случае можно говорить о формировании так называемой «негативной идентичности». Находясь во власти иррациональных сил, отчуждённый человек создаёт себе идолов в виде различных материальных благ (вещей, денег), кумиров и т. д. Собственный гуманистический потенциал остаётся нереализованным, так как созданные фетиши подавляют и возвышаются над истинной сущностью, заставляя воспринимать человека самого себя функцией или вещью.

Современный человек находится в ситуации тотального отчуждения. Кризис идентичности, констатируемый и обсуждаемый многими авторами, есть не что иное, как отчуждение от собственной сущности. Не имея определённого места в мире, утративший образ «Я», человек воспринимает мир как «тотальный симулякр». Культура массового потребления формирует «деструктивную» личность. Общество потребления предлагает готовые ценности, готовые идеалы, готовые знания (или псевдознания, что в большей степени соответствует такому типу общества). Порождает определённую систему ценностей: потребительское отношение к миру, к природе, к другому и себе. На первое место выходят удовлетворение наиболее примитивных потребностей. Такая ценность, как свобода, заменяется имитацией и псевдосвободой выбора. Потребителя, который самостоятельно и рационально осуществлял бы свой выбор, нет; выбор иллюзорен, он обусловлен структурой общества потребления, где значение придаётся не предметам, а абстрактным, отчуждённым символам. В таком обществе человек не полагает себя вне системы потребления, которая формирует его облик и способ существования. Человек становится тем, что он потребляет, а жизнь превращается в формальность.

Проблема отчуждения — это проблема потери человеком самого себя, своей идентичности, это конфликт между актуальным существованием и потенциальным бытием, это утрата контроля над процессом и результатами деятельности, это уничтожение социальных контактов и в целом трансформация сущности природы человека. В таком аспекте данная проблема не потеряла своей актуальности и в современном обществе. Развитие техники, появление новых средств деятельности и технологий бросают вызов современному чело-

вечеству, расширяя границы его возможностей, с одной стороны, и помещая человека в принципиально новый для него тип социального бытия, с другой. Характерными чертами новой социальной реальности, новой модели отношений человека и общества являются динамичность, дискретность, существование в которой приводит к изменению индивидуального самосознания личности, а следовательно, от разрешения проблем, связанных с феноменом отчуждения, зависит будущее развитие человека в целом.

### Список литературы

1. Гегель, Г. В. Сочинения : в 14 т. / Г. В. Гегель. — М., 1959. — Т. 4. — 487 с.
2. Жилин, А. Ю. Метаморфозы социализации современного человека / А. Ю. Жилин, В. А. Жилина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2015. — № 19 (374). Философия. Социология. Культурология. Вып. 37. — С. 88–91.
3. Жилина, В. А. Проблема отчуждения в современных условиях / В. А. Жилина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2013. — № 38 (329). Философия. Социология. Культурология. Вып. 31. — С. 7–10.
4. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — М. : Изд-во полит. лит., 1974. — Т. 42. — С. 41–174.
5. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М., 1933. — 612 с.
6. Нарский, И. С. Отчуждение и труд: по страницам произведений К. Маркса / И. С. Нарский. — М. : Мысль, 1983. — 144 с.
7. Фейербах, Л. Сущность христианства / Л. Фейербах // Фейербах Л. Избранные произведения : в 2 т. — М., 1955. — Т. 2. — 944 с.

### Сведения об авторе

**Ахметзянова Марина Петровна** — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова. Магнитогорск, Россия. marinka.mgn@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2018. No. 5 (415).  
Philosophy Sciences. Iss. 48. Pp. 62–65.*

## ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF SELECTION IN THE CREATIVITY OF K. MARX

**M.P. Akhmetzyanova**

*Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia. marinka.mgn@mail.ru*

The article deals with actual problems of understanding the phenomenon of alienation. The problem of the development and role of the category of alienation in the works of K. Marx is analyzed. The social and cultural consequences of alienation in the modern world are shown.

**Keywords:** *alienation, Marxism, generic essence, capitalism, private property, identity.*

### References

1. Gegel' G.V. *Sochineniya* [Writings in 14 vol. Vol. 14]. Moscow, 1959. 487 p. (In Russ.).
2. Zhilin A.Yu., Zhilina V.A. *Metamorfozy sotsializatsii sovremennogo cheloveka* [Metamorphosis of socialization of modern man]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2015, no. 29 (374), pp. 44–50. (In Russ.).

3. Zhilina V.A. Problema otchuzhdeniya v sovremennykh usloviyakh [The problem of alienation in modern conditions]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2013, no. 38 (329), pp. 7–10. (In Russ.).
4. Marks K. Ekonomicheskoye i filosofskoye rukopisi 1844 goda [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844]. Marks K., Engels F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 42]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1974. Pp. 41–174. (In Russ.).
5. Marks K. Engel's F. *Nemetskaya ideologiya* [German ideology]. Moscow, 1933. 612 p. (In Russ.).
6. Feyyerbakh L. *Sushchnost' khristianstva* [The Essence of Christianity]. Moscow, 1955. 944 p. (In Russ.).

УДК 101  
ББК 87.6

## ОТЧУЖДЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

*Н. Н. Исаченко*

*Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия*

Рассматривается отчуждение как социальный феномен и элемент цивилизационного развития, охватывающий все процессы жизнедеятельности человека. Подчёркивается, что с развитием информационно-коммуникативных технологий отчуждённый характер отношений человека и общества обостряется, появляются новые факторы его формирования. Отчуждённый характер отношений человека и общества способствует формированию деструктивности. Признаётся универсальность деструктивности, её амбивалентность. Предлагаются способы преодоления отчуждения.

**Ключевые слова:** *информационное общество, отчуждение, утрата целостности, информационно-коммуникативные технологии, деструктивность.*

Отчуждение как философская категория, эволюционировав в трудах Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, Г. Гегеля, К. Маркса, широко используется исследователями при анализе проблем общества. Фундаментальные исследования проблемы отчуждения были осуществлены К. Марксом, который признал, что отчуждение, как особенность капиталистического общества, проявляется в разрыве связей между социальным субъектом и продуктом его труда как средства его существования [4]. Чаще всего отчуждение рассматривается как способ существования социальных субъектов, при котором они перестают ощущать себя хозяевами собственной судьбы. Отчуждение — это процесс отдаления субъекта от общества, лишние результаты его деятельности. В философии «отчуждение» отождествляется с разъединением (дроблением) целого на части, отдаляющихся друг от друга. В культурологии отчуждение толкуется как жизненное явление, как естественный механизм, в процессе которого происходит обогащение культуры. Созданные автором произведения культуры, искусства, архитектуры, становясь достоянием народа, отчуждаются от автора. Богословская концепция связывает отчуждение с отчуждением души от тела и тела от души.

Особое внимание философы уделяли исследованию отчуждения, формирующегося в процессе разделения труда. Эта проблема актуальна и для современного общества, в котором развита частная собственность, наблюдается разделение труда, а труд утрачивает способность выражать творческие потенции человека. В процессе эксплуатации труд — товар — отделяется от рабочего, утрачивается им и присваивается владельцем средств

производства. Продукты труда (предметы) существуют вне зависимости от тех, кто их произвёл. По этой причине субъект, производящий продукт, относится к продукту своей деятельности как к чужому. Отчуждение социальных субъектов от продукта их деятельности способствует отчуждению его от других субъектов и от общества.

Современное информационное общество характеризуется активным внедрением и распространением новейших научно-технических разработок, компьютерных, информационно-коммуникативных технологий, развитием новых научных отраслей, что поднимает общество на новый уровень цивилизационного развития [3]. Внедрение высокопроизводительных машин с программным управлением, распространение Интернета позволили создать технологическую основу современного общества для развития интеллектуальных способностей человека [6]. Через доступ к неограниченному количеству информации социальные субъекты имеют возможность самосовершенствоваться, получать дистанционно образование, находить применение своим знаниям. «Экранная культура», активно распространяющаяся через Интернет, способствует формированию мышления, гармонизации внутреннего мира социальных субъектов. Информационная среда для людей с ограниченными возможностями создаёт условия их социальной адаптации, успешной социализации.

В информационном обществе информация обретает значимость ценности, темпы её роста становятся индикатором роста знания, показателем общественного прогресса. Знания и информация в современном обществе становятся промышленным продуктом, а их производство одним из видов

промышленности. Экономика, основанная на знаниях, способствует устойчивому развитию общества. Интеграция российского общества в мировое информационное сообщество оказывает положительное влияние на стабилизацию социально-экономического состояния. Благодаря внедрению новейших технологий постепенно устраняются противоречия между производством и потреблением, изменяются структура занятости, стандарты труда и отдыха [3].

Не отрицая наличия положительных результатов, следует признать, что развитие информационного общества имеет амбивалентную направленность. С одной стороны, общество выходит на новый уровень современных технологий, которые позволяют освободить людей от тяжёлого физического труда, поднять их уровень благосостояния, высвободить время для реализации творческих идей. С другой стороны, динамичность развития информационных технологий оказывает негативное воздействие на сознание и поведение социальных субъектов. Кроме того, с развитием информационно-коммуникативных технологий в современном обществе при доминировании информации и знаний отчуждённый характер отношений человека и действительности обостряется [4]. Информационно-сетевые технологии способствуют глобализации общества, создавая единое мировое информационное пространство, единую мировую экономику. Мировой рынок диктует свои требования, предопределяя производство конкретной продукции, лишая предприятия возможности принимать решение самостоятельно. Это способствует отчуждению рабочих и руководителей предприятий от результатов их деятельности.

Распространение новейших информационно-коммуникативных технологий в современном обществе способствует разобщённости субъектов, ведёт к оторванности от мира. Нарастанию отчуждения способствуют разделение труда, дифференциация общества, частная собственность, а также информация, приводящая к деформации ценностей, моральных принципов.

Погружение социальных субъектов в мир компьютеров, роботов «превращает их в часть гигантской машины, не способной чувствовать» добро, боль [8. С. 143], что постепенно отчуждает его от собственной сущности. Внедрение и распространение новейших информационных, компьютерных технологий продуцируют отчуждение от культуры, от общества, от природы, от самого человека.

Субъектом отчуждения является индивид, испытывающий чувство бессилия, духовную изоляцию, оторванность от общественной системы ценностей и культуры, что приводит к одиночеству. Субъектом отчуждения является индивид, существование которого отличается от условий существования других субъектов. Отчуждённый индивид противопоставляется обществу и рассматривается как «чужой». Духовная изоляция, оторванность от культуры приводят к духовному кризису, к одиночеству, к аутодеструкции.

Информационные сети, охватив почти всех жителей планеты, распространяя одинаковую информацию, способствуют стандартизации языка, унификации сознания, что ведёт к снижению интеллектуального уровня субъектов. Негативная информация, распространяющаяся на сайтах, воздействуя на сознание субъектов, нивелирует морально-этические принципы, способствует выработке негативных мировоззренческих установок, ведёт к отчуждению человека от нравственного начала. Одним из факторов отчуждения в современном обществе является интернет-зависимость, которая ведёт к социальной изоляции субъектов. Виртуальный мир, в котором насилие воспринимается как норма, закрепляясь в сознании, переносится в реальность, приводя к деструктивности. Ориентация на прагматические и гедонистические установки отрывает современное поколение от духовных традиций, накопленных поколениями людей, от культуры своего народа. Отчуждение от культуры, отрицание общественных норм и принципов способствуют формированию маргинальной культуры, попкультуры, массовой культуры [2].

С развитием информационно-коммуникативных технологий появляются новые факторы, способствующие формированию отчуждения. Информационные сети создают условия для творческих проявлений. Сайты, порталы, мессенджеры, профили являются продуктами творчества пользователей сетей. Созданные автором произведения (клипы, стихи, видеоролики), попадая в сеть, отчуждаются от него с молниеносной скоростью, становясь общедоступным источником информации. Проблема идентификации личности могла бы решиться посредством такого инструмента, как собственный профиль в сети. Профиль представляет собой совокупность различных элементов, продуктов: фото, видео, текстовых файлов, изречений. Но и они принадлежат автору совсем недолго. Они отчуждаются от автора после того, как

он «поделится» их содержанием с другими пользователями сетей. Пользователи, как посредники, отбирают информацию, концентрируют её у себя или распространяют по всей сети. Но при этом имя автора может быть не отчуждено от продукта деятельности. Имя может дублироваться при помощи кнопки «поделиться». Но продукт творческой деятельности автора, отчуждаясь от него, начинает жить самостоятельной жизнью. В этой ситуации отчуждение выполняет созидательную творческую функцию. Отчуждаясь от автора, продукты творческой деятельности — музыка, литературные произведения, фото, научные работы — формируя культурный пласт, становятся общедоступными, оказывая положительное влияние на развитие личности, прикасающейся к этим произведениям. Единственная проблема заключается в том, что не все авторы, создавая свои произведения, ориентируются на общечеловеческие принципы, на нормы, установленные в обществе. Некоторые сайты, форумы содержат информацию, несущую негативный посыл, деструктивную направленность.

Информационное пространство плохо контролируется соответствующими структурами, поэтому социальные сети используются для распространения идей радикального национализма, экстремизма, религиозного фундаментализма [9]. Субъект, потерявший смысл жизни, может попасть под влияние этих идей, изменить своё мировоззрение и может быть готовым к вступлению в экстремистские группы. С распространением информационных сетей и компьютерных технологий появились новые виды преступлений в сфере информационных технологий (взломы серверов, несанкционированный доступ к информации).

Базируясь на новейших технологиях, современное общество оказалось неспособным устранить социальную дифференциацию, количество очень богатых и очень бедных увеличивается, что не способствует устранению отчуждения. В информационно-сетевом обществе отчуждение возникает на основе различий в способности ориентироваться в компьютерных технологиях, в возможности использовать информацию, знания в целях самообразования, саморазвития. Это обусловлено социальной дифференциацией, лишаящей возможность иметь компьютер и доступ к информационным сетям. Эта проблема актуальна для некоторых отдалённых от центра регионов России и населения многих сёл, уровень жизни которых весьма низок.

«Инстаграм», как один из видов сетей, способствует формированию деструктивных состояний.

В «Инстаграме» пользователи выставляют видео, фото, рассказывая о том, как они проводят время, что едят, где отдыхают. Фиксация фрагментов красивой и беззаботной жизни обеспеченных людей, представителей бизнес-элиты простыми людьми увеличивает дистанцию между первыми и вторыми, формирует у последних ощущение безысходности, тщетности своего существования. Ощущение оторванности от общества усиливает формирование негативных эмоций и способствует деструктивности. Наличие форумов, чатов даёт возможность высказать свою позицию по любой проблеме. Но когда мнение отдельного субъекта не совпадает с мнением большинства, он ощущает свою оторванность от общества, что ещё больше отчуждает его от общества.

Итак, отчуждение как состояние личности выражается в противопоставлении себя продукту своей деятельности, людям, обществу, миру и духовным основам своего «Я». Отчуждение человека от общества сопровождается формированием эгоистической и индивидуалистической направленности. Отчуждение человека от человека приводит к кризису отношений, к разобщённости, порождающим утрату взаимных обязательств между людьми. Утрата субъектом подлинного «Я» отрывает его от своей сущности, приводит к разрушению аутентичности личности, к самоотчуждению и аутодеструкции. Отчуждение от собственного «Я» сопровождается формированием чувства бессилия, «выключенности» из социальных связей, духовной изоляцией, формированием представлений о бессмысленности существования, ведёт к внутреннему духовному кризису, к аутодеструкции.

Отчуждение в современном обществе представляет собой системный процесс, приобретающий тотальный характер. Отчуждение — это социальный феномен, являющийся элементом (частью) цивилизационного развития, который связан с проблемой человеческого существования и рассматривается во взаимосвязи с человеческой деятельностью. Процесс отчуждения приводит к разрыву традиционных общественных связей, к утрате духовной целостности общества, к трансформации ценностных установок, что создаёт благоприятную почву для проявления деструктивности, из чего следует, что отчуждение выступает «детерминантой деструктивных проявлений» [1. С. 162].

Согласно марксистской концепции, человек обладает потенциальной человечностью, которая при отсутствии возможности реализоваться через духовную деятельность способствует формиро-

ванию деструктивности. Отсутствие ощущения свободы и наличие других сдерживающих факторов развития человечности (плохие социальные условия) усиливают состояние отчужденности, что «способствует формированию деструктивности» [7. С. 109]. К. Маркс одним из первых заговорил об универсальном характере деструктивности. На самом деле деструктивность амбивалентна. Человек как творец на протяжении всей своей истории преобразует мир. Преобразования всегда сопровождаются разрушениями (деструктивностью). Причиной деструкции является отчуждение, следовательно, отчуждение является источником творчества. Можно привести множество примеров, как уединяясь от общества, гении создавали свои шедевры.

Анализ проблемы отчуждения выводит нас на обобщение о том, что в современном обществе отчуждение становится одним из стержневых факторов общественной жизни. Информационное общество, используя технологические инновации, наделило социального субъекта возможностями для самореализации, но при этом и создало условия для новых форм отчуждения, которые детерминируют проявления деструкции. Чем выше уровень научно-технического прогресса, тем чаще результаты человеческой деятельности становятся человеку чуждыми. Особенностью отчуждения в современном обществе является то, что продуцирует её возникновение активное использование компьютеров и информационно-коммуникативных технологий. В информационно-сетевом обществе источником отчуждения является, частично или полностью, «обесчеловеченный» [5] субъект, утративший свою человеческую природу под воздействием техники. Поэтому необходимо к научно-техническим разработкам предъявлять

требования соблюдения гуманистического начала, не разрушающего человеческой природы.

Так как отчуждение является детерминантой деструктивных проявлений, что влечёт за собой различные девиантные и делинквентные проявления, возникает вопрос о возможности минимизации отчуждения. В экономической сфере проблема «отчуждённого труда» может решаться через внедрение новых технологий и гуманизацию производственного процесса. Современное общество выдвигает новые требования к созданию новых форм собственности, способных минимизировать отчуждение субъектов от продукта своей деятельности. В частности, речь идёт о необходимости создания предприятий, существующих на коллективных формах собственности. Это позволит «соуправленцам» вносить личный вклад в развитие производства, участвовать в творческом процессе, создавать продукты труда, не отчуждаясь от них.

Проблема отчуждения на общемировом уровне не искоренима, но частично она может быть решена при условии повышения уровня жизни людей, создания условий для гармоничного развития личности, при условии снижения социальной дифференциации. Так как, возникающее вследствие социальной дифференциации социальное неравенство часто становится источником социальных взрывов, на личностном уровне преодоление отчуждения возможно через включение в творческий процесс, а также через «преодоление собственных недостатков, пороков» [2. С. 1581]. В процессе преодоления отчуждения особую роль мы отводим философии, образованию, культуре, литературе, религии, которые способны заложить в сознание молодого поколения основы морали, нравственности, принципы гуманизма как фундамента духовной целостности общества.

### Список литературы

1. Исаченко, Н. Н. Проблема деструктивности в современном российском обществе / Н. Н. Исаченко // Успехи соврем. науки. — 2017. — Т. 4, № 1. — С. 161–163.
2. Исаченко, Н. Н. Феномен социальной деструктивности / Н. Н. Исаченко // Политика и об-во. — 2016. — № 11. — С. 1576–1582.
3. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. — М. : ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
4. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 42. — 512 с.
5. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе : пер. А. А. Юдина. — М. : Изд-во АСТ, 2009. — 331 с.
6. Моисеев, Н. Н. Информационное общество: возможности и реальность / Н. Н. Моисеев. — URL: <http://www.civisbook.ru>
7. Фромм, Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий / Э. Фромм. — М., 2005. — 352 с.

8. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М. : АСТ, 2003. — 603 с.
9. Ярославцева, Е. Человек в современной сетевой парадигме / Е. Ярославцева. — М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2011. — 352 с.

### Сведения об авторе

**Исаченко Надежда Николаевна** — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет. Тюмень, Россия. isachenkonadezhda@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2018. No. 5 (415).  
Philosophy Sciences. Iss. 48. Pp. 66–70.*

## ALIENATION AS A SOCIAL PHENOMENON OF MODERN SOCIETY

*N.N. Isachenko*

*Tyumen Industrial University. Tyumen, Russia. isachenkonadezhda@mail.ru*

Alienation as a social phenomenon and an element of civilizational development covering all processes of human activity is considered. It is emphasized that with the development of information and communication technologies estranged character of relations between man and society is exacerbated, new factors of its formation are formed. It is proved that the active introduction of computers and information and communication technologies into the society produces the occurrence of alienation. In the information and network space formed “dehumanized” entity, which has lost its human nature under the influence of technology. The alienated nature of human-social relations contributes to the formation of destructiveness. The universality of destructiveness and its ambivalence are recognized. The ways of overcoming alienation are offered.

**Keywords:** *information society, alienation, loss of integrity, information and communication technologies, destructiveness.*

### References

1. Isachenko N.N. Problema destruktivnosti v sovremennom rossiyskom obshchestve [The problem of destructiveness in modern Russian society]. *Uspekhi sovremennoy nauki* [The success of modern science], 2017, vol. 4, no. 1, pp. 161–163. (In Russ.).
2. Isachenko N.N. Fenomen sotsial'noy destruktivnosti [The phenomenon of social destructiveness]. *Politika i obshchestvo* [Politics and Society], 2016, no. 11, pp. 1576–1582. (In Russ.).
3. Kastel's M. *Informatsionnaya ehpokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information age: economy, society and culture]. Moscow, 2000. 608 p. (In Russ.).
4. Marks K. Ekonomicheskoye i filosofskoye rukopisi 1844 goda [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. Marks K., Ehngel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 42]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1974. 512 p. (In Russ.).
5. Markuze G. *Odnomernyy chelovek* [One-dimensional person]. Moscow, AST Publ., 2009. 331 p. (In Russ.).
6. Moiseyev N.N. *Informatsionnoye obshchestvo: vozmozhnosti i real'nost'* [Information society: opportunities and reality]. Available at: <http://www.civisbook.ru> (In Russ.).
7. Fromm E. *Revolutsiya nadezhdy. Izbavleniye ot illyuziy* [Revolution of hope. Getting rid of illusions]. Moscow, 2005. 352 p. (In Russ.).
8. Hantington S. *Stolknoveniye tsivilizatsiy* [Clash of civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p. (In Russ.).
9. Yaroslavtseva E. *Chelovek v sovremennoy setевой paradihme* [Man in the modern networked paradigm]. Moscow, Kanon+ Publ. : Reabilitatsiya Publ., 2011. 352 p. (In Russ.).

УДК 168.522  
ББК 87.6

## КОНЦЕПТ «КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ» В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*Д. Л. Шкарин*

*Центр развития тренинговых технологий, Екатеринбург, Россия*

Проанализирован концепт «кризиса идентичности» социального субъекта, оформившийся в социально-философском дискурсе последних десятилетий. Продемонстрированы истоки формирования исходного для данного концепта понятия личностной идентичности, рассмотрены предпосылки широкого распространения данного понятия в новейшем социально-гуманитарном познании и его быстрая теоретическая девальвация в начале XXI в. Обсуждается целесообразность использования понятия «кризис идентичности» применительно к проблеме трансформации социального субъекта современности. Выделены две крайние позиции, формирующие теоретическое поле исследования данной проблемы: отягощённый социальным редукционизмом отказ от концепта идентичности с заменой его на самоопределение социального субъекта и альтернативный постмодернистский проект мобильной идентичности в качестве теоретической предпосылки практических антропологических трансформаций разного рода. Обрисованы риски искусственного формирования новых форм идентичности, концентрированным выражением которых выступают угроза реализации проекта трансгуманизма с последующим переходом к постчеловеческим формам субъектности. В заключение формулируются некоторые положения теоретико-методологического порядка, позволяющие, по мнению автора, продуктивно использовать концепт «кризис идентичности» с целью выработки адекватного понимания процессов, воздействующих на социального субъекта в современном обществе.

**Ключевые слова:** *субъект, общество, современность, личность, самосознание, идентичность, трансформация, постмодернизм, трансгуманизм, я-концепция, группы, классы.*

Современный социальный дискурс явно «перегружен» темой кризисных трансформаций идентичности человека. Об этом, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что в новейшем социально-философском дискурсе концепт «кризис идентичности» в качестве характеристики современной эпохи получил распространение, сопоставимое по значимости с такими концептами, как «смерть субъекта» (М. Фуко), «экзистенциальный вакуум» (В. Франкл), «текущая современность» (З. Бауман), «общество риска» (У. Бек) и др. Более того, произошла экспансия понятия «идентичность» и в массовое сознание, и в профессионально специализированные сферы: например, в определитель психических заболеваний в 1994 г. была введена форма заболевания «диссоциативное расстройство идентичности» [12. С. 205].

Однако парадоксальным образом данная тенденция стала свидетельством и смысловой инфляции самого понятия «идентичность». Она выражается в отягощённости социально-философского дискурса разнообразием выделяемых типов и видов идентичности (виртуальная, гендерная, городская, национальная, профессиональная, гражданская, сетевая, религиозная, конфессиональная,

культурная, политическая, возрастная, классовая и квир-идентичность, и пр.), так что о концептуальном единстве здесь говорить не приходится. Вряд ли имеет смысл и работа по упорядочиванию этого множества, так как сами основания выделения этих форм произвольны и не способствуют прояснению феномена. В этой ситуации необходима не новая классификация, а работа теоретико-методологического порядка, нацеленная на приведение и самого понятия «идентичность», и концепта «кризис идентичности» в соответствие с уровнем сложности современного социума и стоящих перед ним проблем.

Хотя понятие идентичности как состояния самоидентичности личности, эквивалентное единству её самосознания, концептуально восходит к Декарту, сам феномен идентичности в качестве философской и социальной проблемы окончательно оформляется и оживлённо дискутируется в рамках актуальной для эпохи раннего модерна проблемы автономной личности. Совершается этот процесс по двум её линиям. Для «эмпирической линии» исходной является трактовка идентичности Локком в качестве выражения непрерывности самосознания субъекта; к ней примыкает последующая,

усложнённая Юмом, трактовка данного феномена. Альтернативная «рационалистическая линия» берёт исток в субстанциализме Декарта и оформляется в трансценденталистском решении проблемы идентичности (Кант, Гегель, Гуссерль и др.). По ходу развития европейской культуры, особенно после промышленной революции, в поле проблематики постепенно вводится и концепт «кризиса идентичности», но полноценный научный статус он обретает в середине XX в. благодаря работам Эрика Эриксона, осуществившего перенос сферы исследования идентичности во внутреннее пространство личности и связавшего её кризис с коллизиями социальной адаптации [14]. Идентичность была определена Эриксоном как Я-концепция, вырабатываемая в контексте социальных взаимосвязей личности, а кризис идентичности — как необходимый компонент развития личности, связанный с трансформацией этих связей.

Но по мере роста популярности данного концепта и его широкого внедрения в теоретический обиход в нарастающей степени стали заявлять о себе и девальвирующие тенденции. Дело в том, что господствующая в современном социально-философском познании методологическая установка социального интеракционизма (согласно которой социальный контекст выступает определяющим по отношению к индивиду началом, в субъектном отношении реализующимся как рефлексивная способность поставить себя на место другого) породила структурно усложнённые конструкции личности, перегруженные разнообразными сущностями — «обобщённого другого», «желаемого Я», «социально-желательного Я», «реального Я», «значимого другого» и т. д. Этого мало, модель идентичности продолжала усложняться: например, в социологической концепции личности Ирвина Гофмана [6] добавилось ещё и внутриличностное сценическое взаимодействие идентичностей в рамках разыгрывания ею нескольких социальных ролей с несколькими уровнями задних планов. Как следствие, и концепт кризиса обрёл гораздо более сложный облик, нежели созданная Эриксоном исходная одномерная модель возрастной динамики кризисов идентичности в онтогенезе. Вдобавок в разработку пошли всевозможные процессуальные, структурные и содержательные аспекты самоидентификации социального субъекта, следствием чего оказалось формирование бесчисленного множества инстанций социально-психологического и практического порядка: проектирование, презентация и репрезентация новых

видов идентичности, установление согласованных, конгруэнтных отношений между отдельными частями личности, формирование и предъявление виртуальной идентичности в интернет-сообществах, технологии проектирования нарративной идентичности, практики создания вариативных автобиографий или историй самого себя, и т. д., и т. п. А если учесть, что в условиях ускорения процесса социального развития, углубляющего дифференциацию общества и снижающего его интегрированность на фоне глобализации, отдельный индивид оказался буквально раздёрган на кусочки без какого-либо шанса на обретение целостности, то вполне закономерно, что понятие «кризис идентичности» к сегодняшнему дню фактически утратил определённую, необходимую для сохранения статуса научности, а его теоретико-операциональный потенциал, необходимый для сохранения практической значимости, снизился до минимума.

На издержки этого рода и обращает внимание З. Бауман, выражая неприкрытый скепсис относительно перспектив дальнейшей эксплуатации данного концепта в его сложившейся версии: «Парадокс, однако, заключается в том, что для того, чтобы предложить хотя бы видимость уверенности и тем самым сыграть свою целительную роль, идентичность должна создать ложное представление о своём происхождении, должна отрицать, что она всего лишь подделка и более всего нуждается в появлении фантома того сообщества, на смену которому она якобы приходит. Идентичность пускает корни на кладбище сообществ, но процветает благодаря своему обещанию оживить мертвецов. «Эпоха идентичности» полна шума и ярости. Поиск идентичности разделяет и обособляет; тем не менее рискованность построения её в одиночку провоцирует строителей на поиск крючков, на которые можно подвесить индивидуально переживаемые страхи и беспокойства и заняться изгнанием духов в компании других, столь же напуганных и мятущихся личностей» [3. С. 191].

Таким образом, краткий теоретический анализ показывает, что понятие идентичности обладает ныне весьма аморфным, разнесённым по многим контекстам значением, что по меньшей мере должно служить сигналом тревоги для современного общества, в котором размываются все рациональные критерии для самоопределения личности в социальном пространстве, а тем самым и для преодоления ею кризиса идентичности. Мы солидарны с Бауманом в том, что теоретически было бы

целесообразней пожертвовать этим термином. Но что можно предложить взамен? Чтобы ответить на этот вопрос, целесообразно обозначить те базисные теоретические подходы, в поле которых возможна продуктивная разработка данной, столь актуальной для современности проблемы.

В рамках первого подхода работают теоретики, в основном опирающиеся на марксистскую традицию в её сложившемся за советский период варианте [7; 10] и нацеленные на поиск социально-групповых оснований личностного самоопределения [14]. Проблема в том, что в прежней — «классической», «классовой» — трактовке данный вариант не работает, поскольку разрушение сложившихся в традиционную эпоху видов идентичности (гражданской, государственной, национальной, гендерной, профессиональной) и нарастающее тиражирование так называемых «фиктивных общностей» на основе случайных, временных связей (квир-идентичности, клубные сообщества, группы по интересам) не позволяют пока говорить о складывании каких-то новых, достаточно стабильных и перспективных социальных форм, которые могли стать прочным основанием для соответствующих им форм идентичности. Не случайно наиболее последовательными противниками парадигмы идентичности выступают леворадикальные социальные движения. В обращении Международной ассоциации трудящихся, озаглавленном «Против парадигмы идентичности», говорится: «В практическом плане, идентистский взгляд попросту благоприятствует реакционной этике и политике. Любая социокультурная идентичность, превращаемая в сущность, будь она этнической, национальной или сексуальной, включает своих последователей в онтологическую тюрьму. С теоретической и эпистемологической точки зрения, не приходится удивляться тому, что идентистская парадигма выводится из самых худших элементов философии XIX и XX веков, чья нить тянется от романтизма до постмодернизма. Она подпитывается партикуляристским и дифференциалистским дискурсом, где до принципиальной восторженной экзальтации доводится какая-либо эмпирическая отличительная черта, произвольным образом возведённая в ключ самого существования и собственной неповторимости, вплоть до умалчивания обо всём, что есть общего и что характерно для идентичности всех людей» [11. С. 1].

В рамках второго подхода, развивающего постмодернистскую линию «смерти субъекта» в духе

Барта, Делёза — Гваттари или Нанси, идентичность как концепт не отвергается, но превращается в эфемерную, многоликую, мимолётную сущность, постоянно ускользающую от чёткой фиксации. Как ни странно, в этом же духе рассуждает и такой обычно причисляемый к последователям марксистской традиции классик современности, как Пьер Бурдьё, когда он заявляет о «классах на бумаге» [5. С. 17]. Рассмотрим второй подход подробнее, поскольку, в отличие от первого, он демонстрирует явную, причём агрессивную жизненность, хотя, на наш взгляд, в перспективе имеет на это меньше шансов.

В качестве примера манифестации постмодернистской ценностной установки на «плавающую мобильную идентичность» в контексте формирующегося «сетевого общества» приведём формулировку из первой части философской трилогии «Фуцурика» А. Барда и Я. Зодерквиста «Нетократия»: «В сети идентичность будет проявляться только в текущем контексте с тем, чтобы в следующий момент претерпеть захватывающий дух изменения. Индивидуум, человек цельный, уходит прочь, прикованный к единообразию, как к тяжёлому рюкзаку, на его место приходит индивидуум, человек многоликий. На первой стадии человек многоликий перестанет стараться быть человеком, на второй для него станет невозможным стать человеком снова, как бы он этого ни хотел. Эта новая свобода и привлекает, и пугает одновременно, но она неизбежна. То, что мы описываем, — это виртуальный субъект плюрархического и, собственно, постмодернистического общества, в котором каждый решает за себя, и у кого нет возможности принимать решения за других во имя большинства» [2. С. 78].

По сути авторы постулируют неизбежность завершения проекта целостного человека, обосновывают неизбежный приход «постчеловека» в качестве закономерного итога развития современной цивилизации и, усугубляя обозначенную ими тенденцию «кризиса идентичности», фактически встают на позиции трансгуманизма: «Взамен появляется идея освобождения тела от предопределённости — возможность смены идентичностей, похожая на смену одежды в зависимости от ситуации и контекста. Человек окажется в состоянии постоянного становления, исключительной восприимчивости к новым веяниям и переоценки ценностей, без чётко определённой цели. Смысл не в том, чтобы достичь какого-то конечного результата благодаря упорству и дисциплине, а в том,

чтобы сохранять как можно больше возможностей. Мы говорим здесь, по меткому замечанию Делёза, не об индивидууме, человеке неделимом, а о дивидууме. У этого дивидуума не одна идентичность, а несколько, да и те бесконечно делимы. Человек — это просто место встречи массы противоречивых сил и стремлений, не имеющих центра» [2. С. 79].

Понятно, что приведённые выдержки содержит в себе некоторый заряд философского эпатажа, предназначенного для привлечения внимания. И всё же, хотя тема «смерти субъекта» изначально окружена яркой эмоциональной аурой и содержит в себе типичные для дискурса постмодерна игровые коннотации, на самом деле это не просто игра, здесь просматривается цель внушить идею, будто, констатируя «смерть субъекта», можно без труда избавиться от тяжёлой ноши *универсального всеобщего субъекта*, которая якобы виновата во всех издержках проекта модерна, включая эксцессы XX в. и, главное, угрожает возрождением «репрессивности» уже в наше время. В общем представления о простоте отбрасывания старой идентичности и лёгкости обретения новой далеко не столь безобидны, как может показаться на первый взгляд, поскольку направлены они в конечном итоге на подмену и полное стирание объективных оснований самоидентификации социального субъекта. Вот как говорит об этом Люк Болтански, автор солидного исследования «Новый дух капитализма»: «С устранением представления о социальных классах многочисленные особенности, единичности снова вышли на поверхность повсюду, где прежде они затирались под воздействием гомогенизации эквивалентностей, вписанных в установленные формы (классификации, организационные механизмы и т. д.), а также инкорпорированных в когнитивные компетенции социальных акторов. Таким образом, на смену схематичному, а потому легко поддающемуся критике представлению о том, что социальный мир разделён на группы или на однородные категории, пришло другое миропонимание, не менее упрощённое, согласно которому универсум весь раздроблен, разбит на отдельные частички, образован исключительно из противопоставленных друг другу индивидуальных судеб: это на него смогли опереться социологи, которые констатировали или предвещали исчезновение общества как особенного представления социальной жизни» [4. С. 528–529].

В первую очередь обратим внимание на чёткое выделение двух этапов стратегии стирания со-

циального: дроблению социального универсума предшествует стратегия гомогенизации, унификации человека в образе естественного рационального субъекта за рамками социальных различий; на втором этапе в ход идут мимолётные, случайные различия как основания для производства новых форм идентичности. Если обратиться к аспекту социальной практики, то установление идентичности теперь полностью выводится за пределы компетенции субъекта, обретает целиком внешний характер, тогда как самому субъекту предоставляется возможность довольствоваться «второстепенными различиями» в «бесклассовом обществе». В случае же возникновения «кризиса идентичности» в запасе имеется вариант воссоздать её заново на путях биологической трансформации, то есть проектирования «постчеловека» в духе трансгуманизма [13. С. 37]. В итоге постмодернистский ответ на «кризис идентичности» недвусмысленно воплощается как реальная социальная угроза.

Первый следующий из данной констатации вывод таков: сама проблематика концепта «кризис идентичности» указывает на недостаточную, неадекватную относительно стремительно меняющейся ситуации начала XXI в. проработанность социально-философских оснований субъектности человека. Второй вывод: тем не менее с учётом накопленного за последние десятилетия теоретического материала имеется возможность выдвинуть ряд положений, способствующих формированию искомой модели. Эти положения сводятся к следующему.

Прежде всего наличие социальных групп, включая классы, это отнюдь не идеологическая конструкция, а объективный факт, укоренённый в материальной действительности. Констатация социально-классовых диспозиций не является теоретическим или политическим произволом хотя бы по той причине, что их отрицание неизбежно приводит к релятивизму, конструктивизму, эклектике «воображаемых сообществ» и к чему угодно, включая все иные проявления субъективистского произвола, но только не к социальной реальности. Следовательно, если мы хотим оставаться на твёрдой научной почве, дискурс социально-философского познания должен обращаться не к частным представлениям субъекта относительно собственной самоидентичности, которые — как и все идеологические конструкции — носят по меньшей мере исторически конкретный и изменчивый характер, будучи в той или иной степени отягощены интересами, то есть субъек-

тивизмом, а к системам реальных общественных отношений и социальных взаимосвязей.

Одна из базисных аксиом социального познания гласит, что индивид обретает свою сущность в процессе социализации, занимая определённую позицию в системе общественных отношений, то есть становится социальным субъектом, личностью в полном смысле этого слова (преодолевая тем самым «кризис идентичности»), в том случае, если он включается в эту систему с достаточной степенью сознательности и активности. И тогда ответ на вопрос о сущности человека становится невозможно подменить проектированием и конструированием произвольной идентичности, то есть усилиями, исходящими из представлений, согласно которым личность можно стереть и нарисовать заново. Что и позволяет ответить на вопрос, почему трансгуманистические проекты новых искусственных форм идентичности не могут служить основой для «улучшения человека» (хотя подобные проекты могут обладать некоторой положительной значимостью в том случае, если рассматривать их как демонстрацию ограниченности обосновывающих их нынешних медицинских, естественнонаучных, психологических и прочих частичных представлений о человеке). Следует подвергать последовательной критике установку на релятивизм, плюрализм и либеральную толерантность, одновременно ставя под вопрос и установку на возможность проектирования произвольных форм идентичности в духе пожеланий типа «давайте придумаем социальную идею и сформируем под неё новую национальную, гендерную, микрогрупповую и прочие идентичности».

Далее. В рыночном обществе не может быть никакого более глубокого критерия социального деления, нежели отношение к капиталу. Свобода экономического начала от политического, провозглашённая неолиберальной идеологией, на деле означает подчинение политического — а с ним и социального и даже биологического — экономическому. Соответственно, переживающий «кризис идентичности» субъект — это не бесклассовый субъект, а всё более отстраняемый от источников собственного жизнеобеспечения социальный

субъект современности, либо вводимый в систему наёмного труда на основе срочных или разовых контрактов, либо пополняющий армию безработных индивид, которым при желании может заняться подконтрольное капиталу государство, как в рамках правового поля («социальное государство»), так и за его пределами («политика исключения») [1. С. 211].

Подводя итоги проведённому анализу, можно эксплицировать следующую логику: идентичность (как ответ на вопрос «кем я себя считаю?») в отличие от социального субъекта (как ответ на вопрос «кто я такой на самом деле?») имеет произвольную природу и легко подвержена идеологическим и прочим манипуляциям. Поэтому постулируемые в социальном дискурсе темы кризиса идентичности, производные от постмодернистских концептов «смерти субъекта», «исчезновения социального», «проектирования постчеловека» и пр., по большей части носят иллюзорный характер и служат интересам сохранения господства. Это не просто безобидные социологические фантазии, они служат интересам сохранения господства, при котором реальной трансформации в тех или иных формах могут быть подвергнуты отнюдь не иллюзорные идентичности, а реальные социальные субъекты. В этом контексте в качестве завершения темы будет уместно вспомнить жёсткое предупреждение Сёрена Кьеркегора, хотя и поданное в иронической форме: «Как только вся жизнь меняется для человека непосредственного и он впадает в отчаяние, он делает ещё один шаг вперёд: ему приходит в голову и кажется удачной мысль — а что, если стать другим? Но вот сумеет ли он затем узнавать себя? Рассказывают, что некий крестьянин, придя в город босым, заработал там столько денег, что смог купить себе чулки и башмаки, да вдобавок ещё и выпить. В анекдоте говорится, что затем, будучи пьяным и пожелав вернуться, он упал на дороге и заснул. Тут как раз ехала карета, и кучер с криком требовал от него посторониться, чтобы ему не отдавили ног. Наш пьяница, проснувшись, поглядел на свои ноги и, не узнав их из-за чулок и башмаков, крикнул в ответ: “Проезжайте, это не мои!”» [9. С. 401].

### Список литературы

1. Агамбен, Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. — М. : Европа, 2011. — 256 с.
2. Бард, А. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист. — СПб. : Стокгольм. шк. экономики в С.-Петербурге, 2004. — 252 с.

3. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. — М. : Логос, 2005. — 390 с.
4. Болтански, Л. Новый дух капитализма / Л. Болтански, Э. Кьяпелло. — М. : Новое лит. обозрение, 2011. — 976 с.
5. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые. — СПб. : Алетейя, 2007. — 288 с.
6. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. — М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. — 302 с.
7. Кемеров, В. Е. Общество, социальность, полисубъектность / В. Е. Кемеров. — М. : Акад. проект : Фонд «Мир», 2012. — 252 с.
8. Кутырев, В. А. Реконструкция человека. Информационная реальность и философская антропология / В. А. Кутырев // Философия и культура. — 2010. — № 1 (25). — С. 19–26.
9. Кьеркегор, С. Болезнь к смерти / С. Кьеркегор // Этическая мысль : науч.-публицист. чт. — М. : Политиздат, 1991. — 401 с.
10. Межуев, В. М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему / В. М. Межуев. — М. : Культур. революция, 2007. — 176 с.
11. Против парадигмы идентичности (перепечатка материала из *Gazeta de Antropologia*. — 2008. — № 24 (1)) // Сайт Междунар. ассоциации трудящихся. — URL: <http://www.aitrus.info/node/2412>
12. Трубина, Е. Г. Множественной персональности синдром / Е. Г. Трубина // Социальная философия / под ред. В. Е. Кемерова, Т. Х. Керимова. — Екатеринбург, 2006. — С. 205–207.
13. Тульчинский, Г. Л. Сдвиг гуманитарной парадигмы, трансцендентальный субъект и постчеловеческая персонология / Г. Л. Тульчинский // Методология и история психологии. — 2010. — Т. 5, вып. 1. — С. 37.
14. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. — М. : Прогресс, 1996. — 344 с.

### Сведения об авторе

**Шкарин Дмитрий Леонидович** — соискатель по кафедре философии Челябинского государственного университета, ведущий консультант Центра развития тренинговых технологий, Екатеринбург, Россия. [dshkarin@mail.ru](mailto:dshkarin@mail.ru)

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2018. No. 5 (415).  
Philosophy Sciences. Iss. 48. Pp. 71–77.*

## THE CONCEPT OF THE “IDENTITY CRISIS” IN CONTEMPORARY SOCIAL AND PHILOSOPHICAL DISCOURSE: THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

***D.L. Shkarin***

*Center for Development of Training Technologies, Ekaterinburg, Russia. [dshkarin@mail.ru](mailto:dshkarin@mail.ru)*

The concept of the «identity crisis» of the social subject analyzed in the social and philosophical discourse of recent decades is analyzed. The origins of the formation of the concept of personal identity for the given concept are demonstrated, the prerequisites for the wide dissemination of this concept in the latest socio-humanitarian knowledge and its rapid theoretical devaluation at the beginning of the XXI century are considered. The expediency of using the concept of «identity crisis» as applied to the problem of transformation of the social subject of modernity is discussed. Two extreme positions have been identified that form the theoretical field of investigation of this problem: the rejection of the concept of identity burdened by social reductionism, replacing it with the self-determination of the social subject and the alternative postmodern project of mobile identity as a theoretical prerequisite for practical anthropological transformations of various kinds. The risks of artificial formation of new forms of identity are outlined, the concentrated expression of which is the threat of the realization of the transhumanism project with the subsequent transition to posthuman forms of subjectness. In conclusion, certain provisions of the theoretical and methodological order are formulated, allowing, in the author's opinion, to use the concept of «identity crisis» productively in order to develop an adequate understanding of the processes affecting the social subject in modern society.

**Keywords:** *subject, society, modernity, personality, identity, identity, transformation, postmodernism, transhumanism, i-concept, groups, classes.*

## References

1. Agamben, Dzh. *Homo Sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo Sacer. Sovereignty and a bare life]. Moscow, Europe Publ., 2011. 256 p. (In Russ.).
2. Bard A., Zoderkvist J. *Netokratiya. Novaya pravayashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma* [Netocracy. New ruling elite and life after capitalism]. St. Petersburg, Stockholm School of Economics in St. Petersburg, 2004. 252 p. (In Russ.).
3. Bauman H. *Individualizirovannoye obshchestvo* [Individualized society]. Moscow, Logos Publ., 2005. 390 p. (In Russ.).
4. Boltansky L., Kyapello E. *Novyy dukh kapitalizma* [A new spirit of capitalism]. Moscow, New literary review, 2011. 976 p. (In Russ.).
5. Burde P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2007. 288 p. (In Russ.).
6. Gofman I. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [Imagine yourself to others in everyday life]. Moscow, Canon-Press-C Publ., 2000. 302 p. (In Russ.).
7. Kemerov V.Ye. *Obshchestvo, sotsial'nost', polisub'yektnost'* [Society, sociality, polysubjectivity]. Moscow, Academic project; «The Mir» Foundation, 2012. 252 p. (In Russ.).
8. Kutyrev V.A. *Rekonstruktsiya cheloveka. Informatsionnaya real'nost' i filosofskaya antropologiya* [Reconstruction of man. Information reality and philosophical anthropology]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture], 2010, no. 1 (25), pp. 19–26. (In Russ.).
9. K'erkegor, S. *Bolezn' k smerti* [The disease to death]. *Eticheskaya mysl'* [Ethical thought]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 401 p. (In Russ.).
10. Mezhujev V.M. *Marks protiv marksizma. Stat'i na nepopulyarnuyu temu* [Marx against Marxism. Articles on an unpopular topic]. Moscow, Cultural Revolution Publ., 2007. 176 p. (In Russ.).
11. *Protiv paradigmy identichnosti (perepechatka materiala iz Gazeta de Antropologia. 2008. № 24 (1))* [Against the paradigm of identity. Reprint from *Gazeta de Antropologia*, 2008, no. 24 (1). *The website of the International Workers' Association*. Available at: <http://www.aitrus.info/node/2412> (In Russ.).
12. Trubina E.G. *Mnozhestvennoy personal'nosti sindrom* [Multiple personality syndrome]. *Sotsial'naya filosofiya* [Social philosophy]. Yekaterinburg, 2006. Pp. 205–207. (In Russ.).
13. Tul'chinsky G.L. *Sdvig gumanitarnoy paradigmy, transtsendental'nyy sub'ekt i postchlovecheskaya personologiya* [Shift of the humanitarian paradigm, transcendental subject and posthuman personology]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and history of psychology], 2010, vol. 5, iss. 1, p. 37. (In Russ.).
14. Erickson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow, Progress Publ., 1996. 344 p. (In Russ.).

УДК 1/14  
ББК 87.1

## ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА К. МАРКСА В XX ВЕКЕ

*Е. Г. Чегодаева*

*Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия*

Рассматривается проблема дефиниции языка в философии К. Маркса и её влияние на представления о языке в философии XX в. В результате исследования показано, что теория языка Маркса нашла своё отражение в представлениях о языке как системе и средстве построения смысловых полей и дискурсивных практик.

**Ключевые слова:** *онтология, философия языка, марксизм, сознание, язык, смысл, дискурс.*

Плодотворный жизненный путь Маркса, а также ставший основанием методологии марксизма диалектический метод позволили его взглядам выйти за пределы узкой проблематики. Маркс не ставил перед собой цель создать учения о языке, но тем не менее позднее о его философии языка будут говорить современные исследователи [2; 11; 12]. Причиной такого интереса является поиск Марксом онтологической основы языка. Язык интересовал Маркса не столько как философская категория, но прежде как социальный феномен, встроенный в бытие человека и общества. Выявленная социальная природа языка закладывает фундамент методологии марксистского языкознания и формирует материалистический подход в изучении языка.

Согласно Марксу, структура языка определяется двумя основными компонентами — материей и формой. Материя языка состоит из звукового и знакового субстратов, а форма образуется из слов и словосочетаний. Функционирование и развитие языка совершается по определённым законам, которые детерминированы внешними социальными факторами.

Как сущностная черта человека, язык диалектически тесно связан с сознанием. Более того, он определяется как «непосредственная действительность мысли». В противовес позиции Гегеля, согласно которой сознание и язык рассматривались отдельно от общественной практики, Маркс совместно с Энгельсом, напротив, указывали на то, что язык обусловлен социальным, а не биологическим основанием. Утверждение социальной природы языка является одним из главных достижений марксизма, поскольку положило начало материалистическому взгляду на язык, отвергнув различного рода идеалистические и религиозные концепции языка. Для Маркса и Энгельса мышление и язык не образуют отдельного природного

царства, а являют собой исключительно «проявления действительной жизни» [8. С. 449].

Главная идея в отношении теории языка у Маркса заключается в том, что характер языка определяется выполняемой им коммуникативной функцией, реализация которой осуществляется в процессе трудовой деятельности. Язык, согласно Марксу, развивается из «необходимости общения с другими людьми» [8. С. 29]. Через онтологическую и коммуникативную функции язык встраивается в триаду сущностных сил человека, которую составляют сознание, труд и язык. Таким образом, Маркс и Энгельс подходят к трудовой теории происхождения языка.

Энгельс указывал на то, что вопрос происхождения языка разрешим исключительно в рамках трудовой теории [10. С. 489]. Главная идея трудовой теории происхождения языка опирается на связь, возникающую между общественным производством и человеком. Основной тезис трудовой теории заключается в том, что язык не может формироваться и развиваться вне практической, а именно трудовой деятельности. Причиной, по которой возникает язык, является необходимость общения в процессе общественной и трудовой деятельности индивидов.

Практическая деятельность человека раскрывается в труде и предполагает активное взаимодействие человека с объектами внешнего мира. Подобное взаимодействие является причиной возникновения сознания и выражения результатов его деятельности в языковой форме. В соответствии с практикой, как процессом постоянного повторения взаимодействия с объектами окружающего мира, постепенно вводится различие между объектами, что находит своё отражение в языке. Процесс постоянного взаимодействия с окружающим миром побуждает человека к процессу именованию или присвоения отдельных названий пред-

метам, которые человек стал отличать «на опыте от остального внешнего мира» [5. С. 377].

Материалистический подход позволяет показать связь языка с общественным сознанием и сознанием в целом, а это, в свою очередь, значительно расширяет границы онтологических оснований самого языка. Опираясь на материалистический подход, Маркс утверждал, что мысль всегда претерпевает «отягощение» материей или языком, который представляет «в виде движущихся слоёв воздуха, звуков — словом, в виде языка» [8. С. 29]. Таким образом, общественное сознание — это осознанное общественное бытие, а язык — практическое действительное сознание [Там же].

Очень точно Маркс затрагивает идеологическую сторону языка, в дальнейшем раскрытую Делезом через понятие власти: «...буржуа превращают язык в выражение меркантильных интересов» [Там же. С. 219]. Это приводит к формированию интересов, выраженных «в форме пустых фраз, сознательной иллюзии, умышленного лицемерия» [Там же. С. 283].

Теория языка Маркса тесно сопряжена не только с его трудовой теорией, но и с практической деятельностью самого Маркса, построенной на языке его философии.

Занимаемая Марксом и Энгельсом позиция в отношении языка привела их к открытию нового языка философии как особого рода социально-политической практики, что отразилось в идеологии их работ. После вхождения в политико-экономическую полемику своего времени, опирающуюся на традиции идеалистической философии и буржуазных газет, перед ними встала задача поиска языка, способного транслировать их идеи в массы. Они стремились создать ясный, но при этом точный язык, который бы передавал сущностную сторону их учения и при этом бы не принижал и не упрощал само содержание. Сам Маркс был удовлетворён тем, что «Капитал» «отличается ясностью, общедоступностью и, несмотря на научную высоту предмета, необыкновенной живостью» [6. С. 19]. Можно сказать, что именно в работах классиков марксизма философия впервые представала как дискурсивная сфера, основанная на особой языковой практике. В XX в. поиски языка философии станут одной из центральных проблем. Это отразится в работах Фуко, Делеза и Деррида, поднявших идею поиска языка философии, которую принято ассоциировать с постструктурализмом или постмодернизмом, а также с развёрнутыми в их рамках дискурсами.

Особый идеологический статус философии открывает её язык как средство осуществления классовой борьбы. В XX в. философами отчасти будет продолжена обозначенная Марксом линия борьбы. За время своего существования язык философии Маркса приобрёл как сторонников, так и противников. Поскольку язык философии Маркса существовал и распространялся наравне с иными традициями и языками, он претерпел изменения и модификации. Изменялось и отношение к основным идеям Маркса на протяжении XX–XXI вв. Смешение традиций приводило к созданию эклектичных синтезов как теорий, так и языков. В данной статье будут рассмотрены только некоторые из них, те, которые продолжают своё существование в современном поле культуры.

По замечанию Реймонда Уильямса, «...марксизм внёс очень мало к мышлению о самом языке» [12. С. 21]. Представленная точка зрения не является единичной, а выступает некой тенденцией в интерпретации философии языка марксизма. Несмотря на это, автор работы «Марксистская философия языка», Жан-Жак Лесеркль в своей работе ставит перед собой амбициозную задачу — реконструировать учение Маркса о языке, показав его огромную значимость для современной философской традиции [11].

Лесеркль отмечает, что общее методологическое основание «доминирующих теорий философии языка» — сведение языка к коммуникативной функции, являющейся неотъемлемым аспектом капиталистической идеологии. В качестве своего основного тезиса Лесеркль выдвигает положение о том, что философия, предполагающая сведение языка к коммуникации, нуждается в замене на марксистскую философию, которая рассматривает язык как форму практики. При этом он уточняет, что язык является историческим, социальным, материальным и политическим явлением. Каждое из этих прилагательных отражает сферы актуализации языка, но в совокупности они имеют общую функциональную роль, заключающуюся в субъективации индивида.

Эта интерпретация составляет основание подхода Лесеркля, поэтому его окончательный тезис состоит в том, что язык проявляет себя не только как «поле битвы и один из инструментов классовой борьбы, но и как инструмент преобразования индивидов» [11. С. 198]. Отсюда следует глобальная задача: если Маркс не оставил развёрнутой теории языка, то её необходимо создать,

поскольку философия языка — это нечто большее, чем идеологическое поле битвы, и оно заслуживает тщательного анализа. Сам автор совершает эту реконструкцию, опираясь на критику немарксистских теорий языка, которые не апеллируют к социально-историко-политической практике, а замыкают язык в имманентной теории без выхода его вовне, как, например, теория Ф. де Соссюра и Н. Хомского. Наша задача состоит в том, чтобы показать развитие положений о языке Маркса как в марксистской традиции, так и в традиции, использующей модифицированную методологию Маркса или его идей. По замечанию Лесеркля, теоретически близкими для Маркса являются В. Н. Волошинов, Ж. Делез и Ф. Гваттари, поскольку в их работах осуществлена философия, синтез и переработка его идей. Таким образом, саму философию языка Маркса мы находим не у него самого, а у его последователей, в частности, мыслителей, соприкасающихся со сферой постмарксизма.

Волошинов реализует проект философии языка Маркса и марксизма в книге «Марксизм и философия языка», ставшей популярной у западных интеллектуалов и, в частности, повлиявшей на становление некоторых идей философии Делеза и Гваттари [1]. Его проект можно свести к следующим идеям или концепциям.

Первая идея, заслуживающая внимания, — это концепция знака. Знак рассматривается не просто как сигнал, он «многогранен» и всегда несёт следы прошлых дискурсов. Также знак — элемент не абстрактной системы, а социальной практики.

Вторая идея — отношение идеологии к человеческой социокультурной деятельности, а не к системе идей. Для Волошинова частью области идеологии являются искусство, наука, философия. Идеология — это то, что передаётся лингвистическим знаком: его не существует вне его выражения в материальных признаках языка. Язык и идеология неотделимы, потому что идеология означает значимость в той мере, в какой она является коллективной или, скорее, социальной: это набор не идей, но знаков, которые формируют содержание сознания.

Третья концепция — это слово. Этот термин занимает центральное место в теории Волошинова. Для него слово, а не знак является единицей анализа дискурса. Слово принимает конкретные формы в социальной практике, являющейся носителем идеологического содержания, это воплощённый, практический знак.

Четвёртая концепция — это сознание. Волошинов подчёркивает важность сознательной практики и серьёзно относится к высказыванию Маркса и Энгельса, согласно которому «язык — практическое сознание». В этом ракурсе идеология — это не продукт сознания, а сознание — продукт идеологии. Исходя из ключевого положения марксистской философии «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [7], сознание, таким образом, определяется как эффект социальной практики: оно не существует вне его объективации в жестах, криках, словах. Сознание — структурированная практика и упорядоченная словом социальная единица.

Пятый тезис — внутренний монолог. Для Волошинова внутренний дискурс — это интернализация внешнего — социального публичного дискурса. Идеология вернулась на ноги: язык — это практическое сознание, потому что сознание интернализуется, подвергается субъективному дискурсу.

П. Серио характеризует теорию языка Волошинова не как марксистскую, а скорее как антипозитивистскую реакцию, продиктованную философской проблематикой того времени. В качестве предмета изучения «марксистской» философии языка Волошинова Серио выделяет «высказывание, которое всегда уникальное, конкретное и включённое в ситуацию, называемую «социальной», поскольку она обязательно предполагает наличие нескольких человек, минимум говорящего и слушающего, которые составляют аудиторию высказывания» [9. С. 259]. Таким образом, марксизм Волошинова — «это условие и одновременно результат общения в рамках совместно прожитого опыта» [Там же. С. 260].

Тем не менее выводы, к которым приходит Волошинов в своём труде, аналогичны положениям о языке Маркса. Язык — это не абстрактная система, а человеческая практика, которая возникает в социальном взаимодействии.

В своей работе «Логика смысла», Делез указывает на то, что язык — это актуализация смысла [2]. «Средоточием смысла является язык в его соотноении с мышлением. Смысл — это то, что соотносено с мыслью, совместно с мыслью о некотором предмете» [4. С. 228]. Смысл рождается не через грамматику и отдельные слова, а осуществляется через порядок слов или синтаксис.

Теория смысла Делеза близка к пропозициональной трактовке смысла [Там же. С. 230]. Но выбирая

синтаксис как источник становления и выражения смысла, Делез выходит за рамки пропозиции, открывает предложение как выражение смысла.

По замечанию Лесеркля, теория смысла Делеза тесно переплетается с теорией языка, поскольку именно благодаря языку возникают и развиваются различные смысловые и дискурсивные поля.

Сам Делез подчёркивал социальную природу синтаксиса и говорил, что синтаксис — это власть. «Прежде чем определять общий смысл — то есть способность, централизующую информацию, — следует также определить и другую отвратительную способность, состоящую в испускании, получении и передаче слов-порядка. Язык создан не для того, чтобы верить, а чтобы повиноваться и внушать повиновение» [3. С. 125]. Язык в данном утверждении рассматривается близко к понятию идеологии, что подчёркивает его социальный статус.

Лесеркль указывает на близость концепции языка и теории смысла Делеза с концепцией взаимосвязи языка и мышления Маркса. Более того, язык во взаимосвязи с теорией смысла сближается с пониманием языка как практического сознания. Теорией синтаксиса Делез детализирует связь языка и мышления, встраивая в неё смысл, как средний элемент в этом взаимодействии.

Таким образом, теория синтаксиса и смысла Делеза и Гваттари обеспечивает элементы для построения марксистской философии языка.

Язык по Марксу — это не надстройка, в отличие от идеологии, это прежде всего одна из существенных характеристик человека, постоянно пре-

терпевающая своё развитие совместно с ним. Представления Маркса о языке тесно связаны с его представлениями о творческой активности субъектов истории, к которым относятся массы, классы, партии и отдельные индивиды, воспринимающие воздействия различного рода объективных факторов и активно реагирующих на их воздействие.

В XX в. структуралисты и постструктуралисты развивали представления о том, что индивиды включены в различного рода системы идеологических, политических, экономических отношений. В данных направлениях индивиды выступают как элементы систем социальных отношений. Согласно Марксу, функционирование этой системы обеспечивается сущностными силами человека: трудом, сознанием и языком. Данная триада для Маркса представляет собой неразрывную связь. Практическая деятельность или труд не возникли бы без сознания и его практического выражения — языка.

В настоящее время изучение влияния Маркса на формирование философии языка раскрывает не только трансформацию идеи его языковой теории, но и демонстрирует самое широкое её влияние на современную философию, что было показано на примере анализа представлений Волошинова и Делеза о языке. Восприятие языка в современном развивающемся мире неотделимо от сферы социально-культурно-политического опыта, что в очередной раз заставляет нас обращаться к социальной онтологии марксизма, частью которой является философия языка.

### Список литературы

1. Волошинов, В. Н. Марксизм и философия языка / В. Н. Волошинов. — М. : Лабиринт, 1993. — 192 с.
2. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. — М. : Акад. проект, 2011. — 480 с.
3. Делез, Ж. Тысяча плато / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Капитализм и шизофрения. — Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. — 895 с.
4. Кравец, А. С. Теория смысла Ж. Делеза: pro и contra / А. С. Кравец // Логос. — 2005. — Т. 4, № 49. — С. 227–258.
5. Маркс, К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии» / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — М. : Изд-во полит. лит., 1961. — Т. 19. — 671 с.
6. Маркс, К. Капитал / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — М. : Изд-во полит. лит., 1960. — Т. 23. — 908 с.
7. Маркс, К. К критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — М. : Изд-во полит. лит., 1959. — Т. 13. — 771 с.
8. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — М. : Изд-во полит. лит., 1955. — Т. 3. — 630 с.
9. Сериио, П. Волошинов, философия языка и марксизм / П. Сериио // Полит. лингвистика. — 2015. — № 2 (52). — С. 254–263.

10. Энгельс, Ф. Диалектика природы / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — М. : Изд-во полит. лит., 1961. — Т. 20. — 828 с.
11. Lecercle, J. J. *A Marxist Philosophy of Language* / J. J. Lecercle. — Leiden, Boston : Brill, 2006. — 236 p.
12. Williams, R. *Marxism and literature* / R. Williams. — Oxford : Oxford Paperbacks, 1977. — 219 p.

### Сведения об авторе

**Чегодаева Екатерина Геннадьевна** — старший преподаватель кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, Россия. [Katyu@li.ru](mailto:Katyu@li.ru)

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2018. No. 5 (415).  
Philosophy Sciences. Iss. 48. Pp. 78–82.*

## THE PHILOSOPHY OF LANGUAGE BY MARX IN THE TWENTIETH CENTURY

*E.G. Chegodaeva*

*Perm State National Research University, Perm, Russia. [Katyu@li.ru](mailto:Katyu@li.ru)*

The article deals with the problem of language definition in Marx's philosophy and the subsequent development of understanding of language and its functions in the philosophy of the twentieth century. The social character of the ontological Foundation of language revealed in the course of the research allows us to speak about Marx's ideas as a philosophy of language. The analysis made it possible to carry out the transition to the concepts of language in the philosophy of the twentieth century, in particular, the concepts of Voloshinov and Deleuze. The study is based on the work of French researcher Lecercle, which is dedicated to the philosophy of language and the influence of Marxist tradition in modern philosophy. The relevance of the study is the lack of analysis of the influence of Marxist tradition on the modern philosophy of language. The study shows that the theory of Marx language is reflected in the concepts of language as a system and means of constructing semantic fields and discursive practices.

**Keywords:** *ontology, philosophy of language, Marxism, mind, language, meaning, discourse.*

### References

1. Voloshinov V.N. *Marksizm i filosofiya yazyka* [Marxism and the philosophy of language]. Moscow, Labirint Publ., 1993. 192 p. (In Russ.).
2. Delez Zh. *Logika smysla* [Logic of meaning]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2011. 480 p. (In Russ.).
3. Delez Zh., Gvattari F. *Kapitalizm i shizofreniya* [Capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., Moscow, Astrel' Publ., 2010. 895 p. (In Russ.).
4. Kravec A.S. *Teoriya smysla Zh. Deleza: pro i contra* [The theory of the meaning of Gilles Deleuze: pro i contra]. *Logos* [Logos], 2005, vol. 4, no. 49, pp. 227–258. (In Russ.).
5. Marks K. *Zamechaniya na knigu A. Vagnera «Uchebnik politicheskoy e'konomii»* [Notes on A. Wagner's book "A Textbook of Political Economy"]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 19]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Politizdat Publ., 1961. 671 p. (In Russ.).
6. Marks K. *Kapital* [The Capital]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 23]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Politizdat Publ., 1960. 908 p. (In Russ.).
7. Marks K., Engel's F. *K kritike politicheskoy ekonomii* [To the criticism of political economy]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 13]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Politizdat Publ., 1959. 771 p.
8. Marks K., Engel's F. *Nemetskaya ideologiya* [German ideology]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 3]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Politizdat Publ., 1955. 630 p. (In Russ.).
9. Serio P. *Voloshinov, filosofiya yazyka i marksizm* [Voloshinov, the philosophy of language and Marxism]. *Politicheskaya lingvistika* [The political linguistics], 2015, no. 2 (52), pp. 254–263. (In Russ.).
10. Engel's F. *Dialektika prirody* [Dialectics of nature]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 20]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Politizdat Publ., 1961. 828 p. (In Russ.).
11. Lecercle J.J. *A Marxist Philosophy of Language*. Brill, Leiden, Boston, 2006. 236 p.
12. Williams R. *Marxism and literature*. Oxford Paperbacks, Oxford, 1977. Vol. 1.

УДК 141  
ББК 60.0

## ПРИЗВАНИЕ И ОПЛАТА ТРУДА: ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИСКУССИЯ И НАСЛЕДИЕ КАРЛА МАРКСА

*Е. А. Шутова*

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

Рассматривается социально-философский смысл «призвания» как феномен человека. Это важный вопрос для российского общества в последние годы. Философским анализом многочисленных источников доказано, что неверно противопоставлять «призвание» финансовому успеху. Особое внимание уделено социально-философскому наследию К. Маркса, который особенным образом раскрывает взаимосвязь призвания и доходов, утверждает моральную необходимость оплаты труда по призванию, как и любого труда.

**Ключевые слова:** *призвание, ценность, успех, доход, общество, смысл.*

Общественная дискуссия 2016 г. о соотношении работы по призванию и финансового благополучия показала, что в социуме существует неполное понимание этой связи [1]. Дискуссия породила большой резонанс в информационном пространстве и вызвала интерес к проблеме призвания не в академическом, а в остро социальном ракурсе. Здесь уместно отметить, что часто нагружаемый негативными коннотациями «спекулятивный» философский дискурс оказывается необходимым компонентом для взаимопонимания участников диалога, значимого для судеб людей. Попробуем сформулировать главный вопрос этого диалога так: «Действительно ли работа по призванию противопоставлена зарабатыванию денег?»

В ходе прежних исследований философских оснований возникновения и реализации призвания мы констатировали наличие множества смыслов, включённых в данный концепт: философских, культурологических, религиозных, психологических и социально-экономических. Мы выделили признаки, которые позволили определить призвание как ценность: 1) регулятивная функция призвания (оно определяет направленность активности человека); 2) предметная определённость призвания (направленность стремлений человека задаётся образом идеального Я); 3) существование призвания как мыслительной формы; 4) функционирование призвания как средства разрешения переживаемых человеком противоречий; 5) необходимость осознания индивидом своего призвания. Призвание характеризуется системообразующей функцией, подчинением личностных ценностей индивида его призванию, гармонизацией бытия человека. То есть призва-

ние — это ценность, воплощающая эталон бытия человека в мире, жизнь в согласии с внутренним и внешним миром, единство сущего и должного, способностей и склонностей, работы для себя и для людей. Так должна ли быть плата за осуществление призвания?

Все представления о призвании ранее мы разделили на четыре группы: 1) группа трансцендентальных концепций призвания; 2) группа социальных концепций призвания; 3) группа индивидуалистических концепций призвания; 4) группа онтологических концепций призвания.

С позиций 1-й и 3-й групп может быть понятен (но не обоснован) ответ «нет, не должна». Чаще всего такой вопрос просто не ставится исследователями, призвание воспринимается как феномен духовного бытия. Так, в православной традиции призвание понимается прежде всего как подвиг во имя Царства Небесного, духовное делание, и вопрос о вознаграждении не ставится непосредственно, и можно предположить, что призвание — не инструмент для заработка. Но при ближайшем рассмотрении призвание не противопоставляется идее достойной оплаты труда и материального благополучия. Иосифлянская традиция диктует необходимость финансовой основы церковного института для осуществления высокой миссии Церкви, прежде всего — для помощи нуждающимся. Отождествлять духовную благодать и идеалы нестяжательства Церковь отказалась, и в наше время противопоставлять призвание стремлению к земным доходам не принято, напротив — к кому Бог благоволит, тому и посылает благо.

Уточним, что концепции четвёртой группы стремятся объединить знание и преодолеть

противоречия между прочими концепциями. Поэтому логика размышления приводит нас к социально-философскому контексту, в котором деньги рассматриваются как значимое явление. Для ответа на заявленный нами в начале статьи вопрос важно акцентировать внимание на социально-философских смыслах призвания, то есть концепциях второй группы. Существует пласт теоретических построений, объясняющих призвание как феномен социального бытия человека. К ним относятся социологические концепции призвания М. Вебера, П. Бурдьё, С. Ю. Вишневского, которые утверждают значимость согласия между представлениями индивида о призвании и требованиями общества, связывают призвание с профессией, обычно не выделяя в качестве определяющих стремления, способности индивида и его представления о собственном месте в мире.

М. Вебер рассматривает успех в труде как традиционное средство подтверждения избранности протестанта, и достижение финансового успеха — это индикатор того, что человек правильно реализует своё известное лишь Богу предопределение (которое отождествляется с концептом «призвание» в теориях аксиологического нормативизма). Этот подход исторически оказывается крайне распространённым в общественном сознании: он связывает успех, в том числе финансовый, с духовным статусом человека в структуре его отношений с Богом. Это традиция, закрепившаяся благодаря протестантской версии христианства, популярная в немецкой традиции и в англоязычном мире.

В трудах классика социально-философской мысли К. Маркса мы находим размышление о том, что подлинное призвание человек имеет лишь при наличии условий его осуществления. По аналогии с рассуждением К. Маркса: если у вас не хватает средств быть художником, например, чтоб покупать полотно и краски, то у вас нет «действительного призвания» быть им. В оригинале: «Если у меня нет денег для путешествия, то у меня нет и потребности, то есть действительной и претворяющейся в действительность потребности в путешествии. Если у меня есть призвание к научным занятиям, но нет для этого денег, то у меня нет и призвания, то есть действительного, настоящего призвания к этому. Наоборот, если я на самом деле не имею никакого призвания к научным занятиям, но у меня есть желание и деньги, то у меня есть к этому действительное призвание» [2. С. 101].

Протестующий против непроизводительного образа жизни капиталистического класса К. Маркс видит идеалом осмысленный творческий труд, возможный лишь при том уровне финансового благополучия трудящегося, когда человеку не приходится расходовать свои творческие силы на поддержание жизнедеятельности, низводя жизнь человека до животного уровня. То есть педагог без средств к существованию не имеет действительного призвания быть педагогом, но при этом очевидно, он не будет иметь и начального капитала для открытия своего бизнеса; наличие денег открывает ему обе возможности.

Труд по призванию должен быть обеспечен таким уровнем оплаты труда, при котором человек не заботится о выживании и может посвятить себя любимому делу. Здесь уместно вспомнить аргумент о том, что «современный преподаватель способен не только получать зарплату по расписанию, но и как-то иначе зарабатывать» [1]. И речь идёт не о сверхдоходах, а о переработках для поддержания жизнедеятельности. Внешний труд, «принесение себя в жертву, самоистязание» есть «только средство для удовлетворения всяких других потребностей, но не потребности в труде» [2. С. 64].

Можно по-разному относиться к наследию К. Маркса, однако в контексте диалога о призвании и оплате труда идеи К. Маркса, равно как идеи М. Вебера и, как ни удивительно, идеи христианских философов, последовательно иллюстрируют важную мысль: социально значимый труд должен оплачиваться так, чтобы эта деятельность могла привлекать увлечённых людей, а не обрекать их на постоянные усилия по выживанию. Профессиональная деятельность в современном мире предполагает оплату труда, которая, тем не менее, не становится целью призванного. Но отсутствие платы не позволяет поддерживать жизнедеятельность человека, значит, человек вынужден заниматься чем-то другим, дающим доход, но не соответствующим призванию. Анализ источников показывает, что отказ от призвания влечёт за собой потерю индивидуальности, болезни, отчаяние, разочарования, агрессию и аутоагрессию. Напротив, экономические исследования А. А. Шабуновой, Г. В. Леонидовой, Е. А. Чекмарёвой показывают тесную связь между философским пониманием призвания и экономикой: люди, работающие по призванию, обладают более высокими зарплатами, чаще удовлетворены условиями труда, самой работой и жизнью в целом [3].

Таким образом, рассматривая различные концепции призвания, мы не нашли выраженных противоречий между идеей призвания и вознаграждением за труд. Напротив, существуют точки зрения, прежде всего в социальной философии и социологии, согласно которым труд по призванию способен сделать человека успешным и состоятельным в материальном плане.

В заключение хотелось бы привести цитату из исследования В. И. Винокурова и А. П. Мальцевой, которые произвели феноменологическое исследование призвания с позиций философии и культурологии [4]. Мы склонны рассматривать их суждение, скорее, как идеальную характеристику человека в призвании, но авторы заявляют свою идею буквально, и нам очень

хочется с ними соглашаться. «Призвание обязательно сделает человека богатым. Талантливо, качественно и быстро сделанная работа (официальная и вне учреждений) будет вызывать у людей желание щедро отблагодарить умелого человека» [4]. К сожалению, дальнейшее пояснение снижает градус наших ожиданий: «При этом доброе имя, высказанные вслух или мысленно произнесенные пожелания здоровья и долгих лет жизни, получаемые от окружающих, также входят в понятие богатства» [4]. Вероятно, это показатель того, что в распространённые в общественном сознании идеи о духовном богатстве, удовлетворении от работы и хорошем настроении как эквиваленте денежного вознаграждения за труд, живут и процветают.

### Список литературы

1. Медведев на вопрос о низких зарплатах учителей: идите в бизнес // Газета.RU. — URL: [https://www.gazeta.ru/business/news/2016/08/03/n\\_8953517.shtml](https://www.gazeta.ru/business/news/2016/08/03/n_8953517.shtml)
2. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — М. : Политиздат, 1954–1981. — Т. 42.
3. Шабунова, А. А. Социокультурные резервы экономического роста: продуктивность труда по призванию / А. А. Шабунова, Г. В. Леонидова, Е. А. Чекмарева // Экон. и социал. перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10, № 4. — С. 162–179.
4. Винокуров, В. И. Философия и культурология призвания / В. И. Винокуров, А. П. Мальцева // Поволж. пед. поиск. — 2017. — № 1 (19). — С. 145.

### Сведения об авторе

**Шутова Екатерина Александровна** — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. [shu-ti@mail.ru](mailto:shu-ti@mail.ru)

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2018. No. 5 (415).  
Philosophy Sciences. Iss. 48. Pp. 83–86.*

## VOCATION AND INCOME: PUBLIC DISCOURSE AND THE HERITAGE OF KARL MARX

*E.A. Shutova*

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. shu-ti@mail.ru*

The article is about social and philosophical meaning of ‘vocation’ as phenomena of human being. This is an important question for Russian society for some recent years. It proved by philosophical analysis that it is a wrong way to understand ‘vocation’ as opposite to financial success. Special attention pays to the socio-philosophical heritage of Marx, which reveals the interrelationship of vocation and income, argues the moral necessity of remuneration by vocation, as well as any labor.

**Keywords:** *vocation, value, success, income, society, sense.*

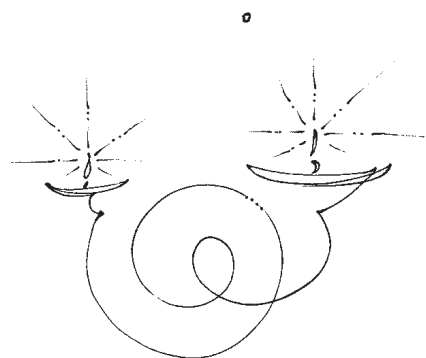
### References

1. Medvedev on the issue of low teacher's salaries: go into business. Gazeta.Ru. Available at: [https://www.gazeta.ru/business/news/2016/08/03/n\\_8953517.shtml](https://www.gazeta.ru/business/news/2016/08/03/n_8953517.shtml)

2. Marks K. Ekonomicheskoye-filosofskoye rukopisi 1844 goda [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 42]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Politizdat Publ., 1954–1981. (In Russ.).

3. Shabunova A.A., Leonidova G.V., Chekmareva E.A. Sotsiokul'turnyye rezervy ekonomicheskogo rosta: produktivnost' truda po prizvaniyu [Sociocultural reserves of economic growth: productivity of work by vocation]. *Ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny: fakty. tendentsii. prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2017, vol. 10, no. 4, pp. 162–179.

4. Vinokurov V.I., Mal'tseva A.P. Filosofiya i kulturologiya prizvaniya [Philosophy and Culturology of vocation]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy poisk* [Povolzhsky Pedagogical Search], 2017, no. 1 (19), p. 145.



Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 5 (415).  
Философские науки. Вып. 48. С. 87–94.

УДК 111+165.41+159.961  
ББК 87.1

## ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ ФЕНОМЕНОВ СОВРЕМЕННОЙ ПАРАНАУКИ В СВЕТЕ МАРКСОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА КАК РОДОВОГО СУЩЕСТВА

М. В. Скоморохов, А. Ю. Внутских<sup>1</sup>

<sup>1</sup>Пермский государственный национальный исследовательский университет  
Пермь, Россия

Для К. Маркса основа достоверности — это практика человека как родового существа. Можно допустить, что способы, которыми «очеловечивается» бесконечная природа — «неорганическое тело» человека — а также отражаются всеобщие стороны бесконечного мира, в условиях отчуждения не вполне «схватываются» современной наукой. Однако, возможно, некоторые из них обсуждаются в формате паранауки. В свете Марксовой концепции родового существа, достижений трансперсональной психологии и принципов квантовой механики гипотетические «пси-феномены» парапсихологии различаются по степени достоверности.

**Ключевые слова:** человек как родовое существо, практика, достоверность, воспроизводимость, паранаука, парапсихология, шкала степени достоверности «пси-феноменов».

В «Тезисах о Фейербахе» Карл Маркс отмечал, что вопрос о «предметной истинности» человеческого мышления — вовсе не вопрос теории; это *практический* вопрос. «В практике должен доказать человек истинность, то есть действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос». Итак, практика есть критерий истинности. В её успехе — ключ к определению достоверности или недостоверности того или иного теоретического суждения. Именно поэтому «все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят своё рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики» [11]. И при взгляде на многообразие современных «мистерий», очень часто связанных с эксплуатацией ресурсов так называемой «*паранауки*», возникает правомер-

ный вопрос: возможно ли их практическое «рациональное разрешение» с выделением их рациональных, достоверных моментов с позиций материалистической онтологии и теории познания — конечно, если такие моменты там присутствуют?

С позиций материалистической теории познания категорию достоверности следует рассматривать в связи с основной категорией научной гносеологии — с категорией истины, как одно из определений истины, как способ существования истины для общественного субъекта, который считает определённое знание обоснованным, доказательным, бесспорным. Но, хотя достоверность выражает наивысшую степень уверенности в истинности с точки зрения этого субъекта, следует помнить, что и субъект, и его практика *развиваются* — одним из первых на это обстоятельство в контексте материализма указывал именно К. Маркс. Напротив, достоверность есть

*определённый результат* — в своём определении как достоверности истина «застывает», «окончивается», связываясь с конкретным, и потому конечным этапом познания. Само познание идёт дальше, истина обогащается и углубляется — и потому «то, что достоверно для одной эпохи, может оказаться недостоверным для другой <...> проблема достоверности — это составная часть проблемы отношения общественного субъекта к истине» [18]. Отнюдь не впадая в релятивизм, Маркс подчёркивал, что «диалектика <...> ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» [12. С. 22]. Не преклонялась она и перед устаревшей, метафизической формой материализма XIX в. и соответствующим этапом развития конкретных наук. Показательно и то, что сам диалектический метод как таковой был выделен основоположниками марксизма как *рациональное зерно в целом ошибочной* идеалистической философии Гегеля. Целью данной статьи является попытка сформулировать с позиций марксовской теории тезисы относительно степени достоверности/недостоверности ряда феноменов, обсуждаемых в современной парапсихологии. По нашему мнению, такого рода исследование достаточно важно для адекватного понимания научных критериев рациональности в оппозиции с нерациональными и иррационально-мистическими концепциями, для углублённой разработки проблемы соотношения истины и практической эффективности знания в современной познавательной ситуации.

В первую очередь следует подчеркнуть, что проблема достоверности знания становится всё более актуальной в условиях тенденции к релятивизму и субъективизму, в условиях «размывания» методологических ориентиров в самой науке, с одной стороны, — и бурного развития паранаучного знания, с другой. Например, в случае парапсихологии, профессионалов с учёной степенью, исследующих «большую пятёрку» «пси-феноменов» (телепатию, ясновидение за пределами нормальной сенсорики, предвидение/поствидение, телекинез и целительство) в мире всего несколько сотен. Однако, судя по данным исследования Института Гэллапа (2005), в мире от 3 до 4 млрд человек полагают парапсихические феномены реальными [20. Р. 155]. Неадекватное определение достоверности суждений о такого рода феноменах приводит не только к ошибкам в исследовательской работе — оно чревато существенным риском для здоровья и жизни множе-

ства людей, способно деформировать важные решения о поддержке тех или иных исследований и, соответственно, сделать неадекватным распределение общественных ресурсов.

Вместе с тем, осуществляя критический анализ такого рода «неакадемических» практик и концепций, мы всегда рискуем «выплеснуть с грязной водой и младенца». На наш взгляд, следует согласиться с мнением многих авторитетных исследователей, в частности, С. Ф. Денисова о том, что паранаучное познание как своеобразная «обочина» научного познания принципиально амбивалентно, оно имеет сложную структуру, и разные его элементы обладают различной эвристической ценностью. Так, «околонаучное знание первого региона [наиболее приближённого собственно к науке. — А. В., М. С.] <...> пытается зафиксировать в форме научных фактов такую реальность, которую наука или не способна зафиксировать на современном этапе своего развития, или игнорирует её как реальность ложную» [7. С. 83].

Думается, что на основании концепции Маркса в отношении паранауки могут быть сформулированы два основных тезиса. С одной стороны, и это наиболее очевидный ход мысли, следует говорить о паранауке как о ложной реальности иллюзорного сознания, которая, в конечном счёте, порождается экономическим механизмом общества всеобщего отчуждения. Маркс отмечал, что в таком обществе «духовное родовое достояние — превращается в *чуждую* ему [человеку. — А. В., М. С.] сущность, в *средство* для поддержания его *индивидуального существования*. Отчуждённый труд отчуждает от человека его собственное тело, как и природу вне его, как и его духовную сущность, его *человеческую* сущность <...> Непосредственным следствием того, что человек отчуждён от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущности, является *отчуждение человека от человека*. Соответственно, Маркс рассматривает религию как «отчуждённое человеческое самосознание» [13. С. 94, 166]. Думается, что и в отношении современной паранауки, пытающейся своеобразно «компенсировать» разрыв подлинно человеческих отношений в мире отчуждения этот тезис будет в существенной мере справедливым.

С другой стороны, можно допустить, что современная паранаука пытается исследовать специфически человеческие «чувства и свойства», концепция которых также разрабатывалась Марксом.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс подчёркивал, что «чувства общественного человека суть иные чувства, чем чувства необщественного человека. Лишь благодаря предметно развёрнутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается, богатство субъективной человеческой чувственности». И далее: «...не только пять внешних чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.), — одним словом, человеческое чувство, человечность чувств, — возникают лишь благодаря наличию соответствующего предмета, благодаря очеловеченной природе. Образование пяти внешних чувств — это работа всей предшествующей всемирной истории» [13. С. 122]. Отметим, что согласно принципам диалектического материализма и природа, и «всемирная история» (единный закономерный мировой процесс) — *бесконечны*. Но входит ли бесконечность, точнее, входят ли всеобщие стороны бесконечного мира каким-то образом в сферу «непосредственной предметности нашей чувственности»?

Для ответа на этот вопрос важно подчеркнуть, что, по Марксу, «человек есть существо родовое <...> практически и теоретически он делает своим предметом род — как свой собственный, так и прочих вещей <...> относится к самому себе как к существу универсальному <...> Практически универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его неорганическое тело» [Там же. С. 92]. Получается, что человек как «человеческое природное», то есть родовое существо «вбирающий в себя и излучающий из себя все природные силы» [Там же. С. 162], «очеловечивает» *бесконечный мир*, а также *отражает его всеобщие стороны*. В качестве микрокосма это родовое существо находится с бесконечностью макрокосма в *содержательном отношении*. И конкретные способы этого отношения, эта «человеческая добавка» к ограниченной «непосредственной предметности нашей чувственности», в рамках которой и реализуется в обществе отчуждения наличный уровень практики и теории, могут и должны быть предметом специального конкретно-научного и философского исследования.

В свете выше сказанного о марксовой концепции родового существа нельзя исключать, что, полагая научное описание свойств современного человека, отчуждённого от природы, других людей и от самого себя «единственно возмож-

ным» и «само собой разумеющимися», современная академическая наука считает недостоверным *в том числе* и то, что в будущем может оказаться достоверным. В пользу этого предположения свидетельствует и история науки. Например, «корпус Гиппократа» можно рассматривать как феномен не только паранаучный (для античного этапа развития медицины), но и как «протонаучный», поскольку Гиппократ исключал сверхъестественные объяснения как болезней, так и исцелений [8. С. 9]. Есть ли такие «протонаучные» элементы — как эмпирические, так и теоретические — в современной парапсихологии и в связанных с ней областях, например, в трансперсональной психологии?

Для адекватного суждения о так называемых «пси-феноменах» мы предлагаем разработать в отношении их *«шкалу степени достоверности»*. Отметим, что понятие «шкала достоверности» достаточно широко используется в современной гуманитаристике — в частности, в филологии и литературоведении [10; 14; 19]. В качестве рабочей гипотезы мы принимаем предположение о том, что «пси-феномены» могут различаться по степени достоверности их существования, а объяснения этих феноменов в современной паранауке различаются по степени их научности.

Начнём с определения «пси-феноменов»: *это гипотетические способности человека к восприятию объективно реальных предметов и явлений, недоступных для его нормально функционирующих органов чувств; к восприятию явлений чуждой субъективной реальности, не выраженных непосредственно в рамках функционирования первой и второй сигнальных систем; к воздействию на материальные объекты и других субъектов без помощи мышечных движений и без помощи второй сигнальной системы*. Соответственно, к «пси-феноменам» следует отнести в первую очередь явления упомянутой большой пятёрки «пси-феноменов»: *телепатию, ясновидение за пределами нормальной сенсорики, предвидение/поствидение, телекинез и целительство*.

На наш взгляд, одна из основных теоретико-методологических проблем парапсихологии, которая не позволяет ей в полной мере соответствовать существующим научным стандартам, что и является основанием для отнесения её к сфере паранауки, — это отсутствие воспроизводимости «пси-феноменов» — того, что называют «пси по требованию». Воспроизводимость можно

определить как «принципиальную возможность повторения эксперимента независимыми исследователями в различных лабораториях» [17. С. 59].

Действительно, практическая воспроизводимость феноменов входит в число важнейших критериев научности и традиционно рассматривается как достаточное основание для суждений об их достоверности. Именно из использования воспроизводимости явлений, которая по мере развития науки получает теоретическое, законосообразное объяснение, вырастает вся человеческая цивилизация и наука. Как справедливо замечал В. И. Ленин, «практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения» [9. С. 72]. Однако следует помнить, что, во-первых, уже современная физиология «утверждает творческий характер каждого, даже стереотипного действия, то есть фактически отсутствие полной воспроизводимости действия» [17. С. 75]. Во-вторых, научный факт всегда имплицитно содержит определённую теоретическую интерпретацию, он «теоретически нагружен» [Там же. С. 71]. Наконец, в-третьих, «методы и приёмы эксперимента столь разнообразны, что не подлежат единообразной систематизации» [Там же. С. 75]. Таким образом, воспроизводимость экспериментов оказывается серьёзной проблемой с точки зрения современной философии науки даже для случая физики. Тем более это оказывается справедливым в случае попыток репликации психологических экспериментов. Так, согласно исследованиям Б. Носека, сходную статистическую значимость демонстрирует менее половины (36 %) независимо проведённых психологических экспериментов, и только 4 % таких экспериментов можно рассматривать как воспроизведённые полностью [21]. И. В. Вачков и С. Н. Вачкова в связи с этим даже приходят к радикальному выводу о том, что «проблема воспроизводимости психологических экспериментов в контексте постнеклассической методологии может быть рассмотрена с опорой на новые критерии научности в психологии, необходимость выработки которых очевидна... можно высказать предположение, что воспроизводимость экспериментов если и войдёт в перечень этих критериев, то не станет <...> важнейшим признаком достоверности научных результатов» [5. С. 100].

На наш взгляд, этот вывод в предложенной

формулировке ошибочен, поскольку воспроизводимость является отражением важнейшей характеристики природной и социальной объективной реальности — её *закономерного характера*. Однако более глубокое понимание феномена воспроизводимости в интересах развития науки безусловно необходимо. Можно предположить, что воспроизводимость в мире неживой природы, живой природы и в социальной объективной реальности, имеющей аспект психической — это существенно разные воспроизводимости в силу различий соответствующих форм материи по сложности, способу развития, в силу отсутствия или наличия у данной формы материи свойства труда и сознания и, кстати, степени выраженности феномена отчуждения на разных этапах исторического процесса. Маркс, на наш взгляд, совершенно не случайно акцентировал внимание на том обстоятельстве, что преодоление господства частной собственности и отчуждения «означает полную эмансипацию всех человеческих чувств и свойств», причём оно является эмансипацией «именно потому, что чувства и свойства эти стали человеческими как в субъективном, так и в объективном смысле» [13. С. 120].

Возможно, что один из путей углубления в понимании феномена воспроизводимости — анализ на основе диалектико-материалистической методологии феномена изменённых состояний сознания, в том числе трансперсональных переживаний. Не исключено, что все они отражают факт глубокой внутренней связи человека-микрокосма и бесконечного материального мира, что можно назвать «чувством целого мира» [2–4]. Существенно продвинулись в данном анализе, как нам кажется, представители пермской школы научной философии. Например, О. А. Барг отмечает, что «человеческое сознание как бы открывает свою универсальность — способность отразить всё, что существует и может существовать в мире, за которой стоит универсальность материального субстрата человека, где обобщено и свёрнуто основное содержание всех форм материи и где многообразие принадлежащих им объектов также не представлено в их конкретной форме» [2. С. 135].

Интересно, что трансперсональные переживания, имеющие мощный терапевтический эффект, можно считать достаточно «воспроизводимыми» даже в классическом смысле. Так, согласно С. Грофу, речь идёт о научно зафиксированных многих тысячах случаев вхождения в изменённое

состояние сознания, индуцированных как с помощью методик холотропного дыхания, так и с помощью медикаментозных методов. Этим методам учат в сертифицированных властями соответствующих стран психотерапевтических центрах и университетах, и после освоения в ходе двух- или трёхлетней программы они позволяют достичь состояния изменённого сознания «в любой час дня или ночи» [6]. Именно неопровержимые успехи трансперсональной психологии позволили ей начать процесс институционализации: в 1996 г. Британское психологическое общество признало право трансперсональной психологии включиться в его работу на правах самостоятельного отделения [22].

На наш взгляд, традиционный перечень «пси-феноменов» (упомянутая «большая пятёрка» парапсихологии) с учётом указанных явлений следует уточнить. Так, среди широкого спектра трансперсональных переживаний, о которых пишет С. Гроф, особое значение имеют феномены, связанные с осознанием опыта перинатальной динамики (процесса рождения), а также совокупность феноменов, названных представителями пермской философской школы О. А. Баргом и В. Д. Бересневым «чувством целого мира», объективной основой которого является универсальность материального субстрата человека — закономерного результата бесконечного мирового процесса. Первое, на наш взгляд, с известной долей условности можно отнести к выходящему за пределы нормально функционирующего сознания *поствидению*, а второе — к восприятию объективной реальности, недоступной для нормально функционирующих органов чувств человека, то есть в известном смысле к восприятию *экстрасенсорному*. Мощный терапевтический эффект трансперсонального переживания в известном смысле можно характеризовать как *целительство*, выходящее за рамки представлений современной академической медицины.

Возвращаясь к необходимости разработки «шкалы достоверности» гипотетических «пси-феноменов», во-первых, можно выделить «пси-феномены», существование которых можно считать *достоверно установленными* в свете успехов и начавшейся институционализации трансперсональной психологии. Это феномены трансперсональных переживаний и «чувство целого мира», которые можно отнести к «*экстрасенсорному восприятию*» объективной реальности, недоступной для нормально функционирующих органов

чувств человека, а также воспоминания, связанные с пренатальным опытом («*поствидение*»). Терапевтический эффект трансперсональных переживаний можно отнести к «*целительству*», выходящему за рамки представлений академической медицины.

На данном этапе исследования нам сложно судить о конкретных физических механизмах реализации указанных феноменов, о существовании которых, по нашему мнению, можно судить достоверно. Возможно, элементом их научного физического объяснения в будущем может стать концепция нелокальной квантовой запутанности и мгновенного «дальнего действия» через изменение вероятностей коррелированных единичных событий, что допускается принципами квантовой механики и уже начинает использоваться практически в криптографии [1. С. 68; 15]. Во всяком случае, нам представляется, что эти феномены безусловно имеют отношение к превращению человеком бесконечного мира в своё «неорганическое тело», которое исследовал Маркс.

Во-вторых, можно выделить «пси-феномены» «большой пятёрки», существование которых на настоящий момент *нельзя считать достоверным*, — это телепатия, предвидение, телекинез, ясновидение. Вместе с тем вероятность существования этих феноменов, на наш взгляд, не нулевая. Показательно, что даже Джонатан Смит, известный критик паранауки, был вынужден признать, что «лучшими методиками изучения паранормальных явлений обладают парапсихологи <...> они подошли очень близко к получению достоверных научных доказательств некоторых паранормальных явлений» [16. С. 16], в целом парапсихология «близка к получению надёжных и воспроизводимых экспериментальных методик, допускающих внешнюю проверку» [Там же. С. 375].

Разумеется, предложенный вариант «шкалы достоверности» гипотетических «пси-феноменов» носит предварительный характер и ни в коей мере не претендует на статус окончательного решения. Однако справедливым представляется вывод о том, что в свете Марксовой концепции человека как родового существа, способного, с одной стороны, «очеловечивать» бесконечный мир, а с другой, содержательно отражать всеобщее, — по крайней мере некоторые феномены, обсуждаемые в парапсихологии и трансперсональной психологии, небезынтересны с точки зрения их серьёзного научного исследования.

### Список литературы

1. Барг, О. А. Живое в едином мировом процессе / О. А. Барг. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1993. — 227 с.
2. Барг, О. А. Феномен смысла жизни, природа сознания и научная философия / О. А. Барг // Новые идеи в философии. — Пермь, 2000. — Вып. 9. — С. 132–137.
3. Береснёв, В. Д. Парапсихология и проблема идеального / В. Д. Береснев // Новые идеи в философии. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1996. — Вып. 5. — С. 17–20.
4. Береснёв, В. Д. «Чувство целого мира». Научно-философская интерпретация мистического опыта / В. Д. Береснев // Новые идеи в философии. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. — Вып. 11. — С. 219–224.
5. Вачков, И. В. Воспроизводимость психологических экспериментов как проблема постнеклассической науки / И. В. Вачков, С. Н. Вачкова // Культурно-историческая психология. — 2016. — Т. 12, № 1 — С. 97–101.
6. Гроф, С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / С. Гроф. — М. : Соцветие, 1992. — 336 с.
7. Денисов, С. Ф. Систематика околонуточного знания / С. Ф. Денисов // Омский науч. вестн. — 2013. — № 5 (122). — С. 81–85.
8. Конопкин, А. М. Псевдонаука как когнитивный феномен в контексте современной философии науки / А. М. Конопкин // Философия науки. — 2014. — № 1. — С. 3–15.
9. Ленин, В. И. Философские тетради / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — Т. 29. — С. 3–620.
10. Максимчик, О. А. Шкала достоверности в английском языке / О. А. Максимчик // В мире науки и искусства: вопр. филологии, искусствоведения и культурологии. — 2013. — № 25. — С. 66–73.
11. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 1–4.
12. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 23.
13. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 42. — С. 41–174.
14. Романтова, О. В. Шкала достоверности информации в ситуации передачи слухов (на материале пьес В. Шекспира) / О. В. Романтова // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2012. — № 2. — С. 202–208.
15. Румянцев, К. Е. Синхронизация системы квантового распределения ключа в режиме однофотонной регистрации импульсов для повышения защищённости / К. Е. Румянцев, А. П. Пленкин // Радиотехника. — 2015. — № 2. — С. 125–134.
16. Смит, Дж. Псевдонаука и паранормальные явления: критический взгляд / Дж. Смит. — М. : Альпина нон-фикшн, 2015. — 566 с.
17. Сторожук, А. Ю. Воспроизводимость экспериментов с точки зрения философии активности / А. Ю. Сторожук // Философия науки. — 2008. — № 3 (38). — С. 59–76.
18. Философская энциклопедия : в 5 т. / под ред. Ф. В. Константинова. — М. : Совет. энцикл., 1960–1970. — URL: [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc\\_philosophy/354/%D0%94%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%9E%D0%92%D0%95%D0%A0%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/354/%D0%94%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%9E%D0%92%D0%95%D0%A0%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC)
19. Хакимова, Г. Ш. Концепт «слух» в фокусе лексикографического анализа. Часть 1 / Г. Ш. Хакимова // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. : Лингвистика. — 2016. — Т. 13, № 2. — С. 29–36.
20. Goode, E. Paranormalism and Pseudoscience as Deviance / E. Goode // Philosophy of Pseudoscience: reconsidering the demarcation problem. — The University of Chicago Press, 2013. — P. 145–164.
21. Nosek, B. Estimating the reproducibility of psychological science / B. Nosek, A. Aarts, Ch. Anderson, J. Anderson, H. Kappes // Science. — Vol. 349, iss. 6251. — URL: [http://eprints.lse.ac.uk/65159/1/\\_lse.ac.uk\\_storage\\_LIBRARY\\_Secondary\\_libfile\\_shared\\_repository\\_Content\\_Kappes%2C%20H\\_Estimating%20reproducibility\\_Kappes\\_Estimating%20the%20reproducibility\\_2016.pdf](http://eprints.lse.ac.uk/65159/1/_lse.ac.uk_storage_LIBRARY_Secondary_libfile_shared_repository_Content_Kappes%2C%20H_Estimating%20reproducibility_Kappes_Estimating%20the%20reproducibility_2016.pdf)
22. Transpersonal Psychology Section. — URL: <http://www.bps.org.uk/networks-and-communities/member-microsite/transpersonal-psychology-section>

### Сведения об авторах

**Скоморохов Михаил Витальевич** — независимый исследователь. Пермь, Россия. skomoroxov-mv@mail.ru

**Внутских Александр Юрьевич** — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, Россия. avnut@inbox.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2018. No. 5 (415).*

*Philosophy Sciences. Iss. 48. Pp. 87–94.*

## THE PROBLEM OF RELIABILITY OF THE PSEUDOSCIENCE'S PHENOMENA IN THE LIGHT OF THE MARXIAN CONCEPTION OF MAN AS SPECIES-BEING

**M.V. Skomorohov**

*Perm, Russia. skomoroxov-mv@mail.ru*

**A.Y. Vnutskikh**

*Perm State University, Perm, Russia. avnut@inbox.ru*

Accordingly Karl Marx, the basis of reliability is the practice of man as a species-being. The authors assume that the ways in which man “humanizes” an infinite nature as man’s “inorganic body”, and also ways in which man reflects some universal aspects of the infinite world, are not fully grasped by contemporary academic science in conditions of alienation between man beings and nature. However, perhaps some of these ways are discussed in the form of contemporary pseudoscience. In the light of the Marxian conception of a species-being, the achievements of transpersonal psychology and the principles of quantum mechanics, we can differ some hypothetical “psi-phenomena” of parapsychology accordingly their degree of reliability. Authors suggests that some kinds of extrasensory perception, retrocognition and psychic healing has high level of reliability in sense of transpersonal psychology.

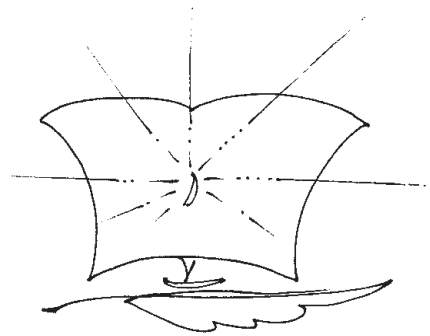
**Keywords:** *man as species-being, practice, reliability, reproducibility, pseudoscience, parapsychology, “psi-phenomena”, scale of “psi-phenomena” reliability.*

### References

1. Barg O.A. *Zhivoye v yedinom mirovom processe* [Living in unified world process]. Perm, Perm State University Publ., 1993. 227 p. (In Russ.).
2. Barg O.A. Fenomen smysla zhizni, priroda soznaniya i nauchnaya filosofiya [The phenomenon of meaning of life, essence of consciousness and scientific philosophy]. *Novyye idei v filosofii* [New ideas in philosophy]. Perm, Perm State University Publ., 2000. Iss. 9. Pp. 132–137. (In Russ.).
3. Beresnyov V.D. *Parapsikhologiya i problema ideal'nogo* [Parapsychology and problem of ideal]. *Novyye idei v filosofii* [New ideas in philosophy]. Perm, Perm State University Publ., 1996. Iss. 5. Pp. 17–20. (In Russ.).
4. Beresnyov V.D. «Chuvstvo celogo mira». *Nauchno-filosofskaya interpretaciya misticheskogo opyta* [“A sense of whole world”. Interpretation of mistic experience in scientific philosophy]. Perm, Perm State University Publ., 2002. Iss. 11. Pp. 219–224. (In Russ.).
5. Vachkov I.V., Vachkova S.N. Vosproizvodimost' psikhologicheskikh eksperimentov kak problema postneklassicheskoy nauki [Reproducibility of Psychological Experiments as a Problem of Post-Nonclassical Science]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2016, vol. 12, no. 1, pp. 97–101. (In Russ.).
6. Grof S. *Za predelami mozga: rozhdeniye, smert' i transtsendentsiya v psihhoterapii* [Beyond the brain: birth, death and transcendence in psychotherapy]. Moscow, Sovetie Publ, 1992. 336 p. (In Russ.).
7. Denisov S.F. *Sistematika okolonauchnogo znaniya* [Systematics of pseudoscience knowledge]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. [The Journal Omsk Scientific Bulletin], 2013, no. 5, pp. 81–85. (In Russ.).
8. Konopkin A.M. Psevdonauka kak kognitivnyy fenomen v kontekste sovremennoy filosofii nauki [Pseudoscience as a cognitive phenomenon in the context of the modern philosophy of science]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2014, no. 1, pp. 3–15. (In Russ.).

9. Lenin V.I. Filosofskiye tetrady [Philosophical notebooks]. Lenin V.I. *Polnoye sobranie sochineniy* [Collected works]. Moscow, Political literature Publ., 1963. Vol. 29. Pp. 3–620. (In Russ.).
10. Maksimchik O.A. Shkala dostovernosti v angliyskom yazyke [Epistemic scale in modern English]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [In the world of science and art: issues of philology, art history and culturology], 2013, no. 25, pp. 66–73. (In Russ.).
11. Marks K. Tezisy o Feyerbahe [Theses on Feuerbach]. Marks K., Engels F. *Sochineniya* [Works. Vol. 3]. Moscow, Political literature Publ., 1953. Pp. 1–4. (In Russ.).
12. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoy ehkonomii. Tom 1 [The Capital. Critique of political economy. Volume 1]. Marks K., Engels F. *Sochineniya* [Work. Vol. 23]. Moscow, Political literature Publ., 1960. Pp. 3–658. (In Russ.).
13. Marks K. Ekonomicheskoye-filosofskoye rukopisi 1844 goda [Economic and philosophic manuscripts of 1844]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works. Vol. 42]. Moscow, Political literature Publ., 1974. Pp. 41–174. (In Russ.).
14. Romantova O.V. Shkala dostovernosti informatsii v situatsii peredachi sluhov (na materiale p'yes V. Shekspira) [Rumours and the grade of their confirmation (based on W. Shakespeares plays)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology, Asian Studies, Journalism], 2012, no. 2, pp. 202–208 (In Russ.).
15. Romyancev K.E., Plyonkin A. P. Sinhronizatsiya sistemy kvantovogo raspredeleniya klyucha v rezhime odnofotonnoy registratsii impul'sov dlya povysheniya zashchishchyonnosti [Synchronisation of quantum key distribution system using single-photon pulses registration mode to improve the security]. *Radiotekhnika* [Radioengineering], 2015, no. 2, pp. 125–134. (In Russ.).
16. Smit D. *Psevdonauka i paranormal'nye yavleniya: kriticheskiy vzglyad* [Pseudoscience and Extraordinary Claims of the Paranormal: A Critical Thinker's Toolkit]. Moscow, Alpina non-fikshn Publ., 2015. 566 p. (In Russ.).
17. Storozhuk A.Y. Vosproizvodimost ehksperimentov s tochki zreniya filosofii aktivnosti [Reproducibility of experiments in focus of philosophy of activity]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2008, no. 3, pp. 59–76. (In Russ.).
18. *Filosofskaya Enciklopediya*. Moscow, Soviet enciklopedia, 1960–1970. Available at: [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc\\_philosophy/354/%D0%94%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%9E%D0%92%D0%95%D0%A0%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/354/%D0%94%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%9E%D0%92%D0%95%D0%A0%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC) accessed 1.02.2018 (In Russ.).
19. Khakimova G.S. Kontsept «slukh» v fokuse leksikograficheskogo analiza. Chast' 1 [Concept “Rumour” in Terms of Lexicographic Analysis. Part 1]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics], 2016, no. 2, pp. 29–36. (In Russ.).
20. Goode E. Paranormalism and Pseudoscience as Deviance. *Philosophy of Pseudoscience: reconsidering the demarcation problem*. Chicago, The University of Chicago Press, 2013. Pp. 145–164.
21. Nosek B., Aarts Ch., Anderson, J., Anderson H., Kappeset H. *Estimating the reproducibility of psychological science*. Available at: [http://eprints.lse.ac.uk/65159/1/\\_lse.ac.uk\\_storage\\_LIBRARY\\_Secondary\\_library\\_shared\\_repository\\_Content\\_Kappes%2C%20H\\_Estimating%20reproducibility\\_Kappes\\_Estimating%20the%20reproducibility\\_2016.pdf](http://eprints.lse.ac.uk/65159/1/_lse.ac.uk_storage_LIBRARY_Secondary_library_shared_repository_Content_Kappes%2C%20H_Estimating%20reproducibility_Kappes_Estimating%20the%20reproducibility_2016.pdf)
22. Transpersonal Psychology Section. Available at: <http://www.bps.org.uk/networks-and-communities/member-microsite/transpersonal-psychology-section>

## МЫСЛИТЕЛИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО



*Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 5 (415).  
Философские науки. Вып. 48. С. 95–101.*

УДК 1.16  
ББК 87.2; 87.3

### ЗА ПОВЕРХНОСТЬЮ «КАПИТАЛА», ИЛИ О ПРОГНОЗАХ ФИЛОСОФСКИХ И НАУЧНЫХ

*В. К. Шрейбер*

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

В понимании товара марксистская политэкономия склонна к редукции меновой стоимости к стоимости как мере труда. В первой части автор останавливается на особенностях Марксова обоснования трудовой теории стоимости и показывает, что решающим обстоятельством здесь явилось переосмысление концепции человеческой природы. Во второй части отмечается идеализующий характер закона стоимости и указываются те условия его истинности, которые были сняты последующим развитием общества и тем самым превратили Марксов прогноз в одну из возможных моделей динамики капиталистического способа производства. В связи с этим уточняются различия законов и принципов, а также верификации и фальсификации.

**Ключевые слова:** *товар, меркантилизм, стоимость, «природа человека», прогноз, законы и принципы.*

Если читать «Капитал» с установкой на безоговорочное принятие всего там написанного, то рано или поздно возникает один очень неприятный вопрос. Почему после семидесяти лет следования указаниям классика мы оказались не в мире процветания и гуманизма, а в каком-то межумочном состоянии перетягивания каната между государством и бизнесом — причём обе стороны не чураются возможности использовать как раз тех, кто занят трудом именно конкретным? Какой смысл скрыт в понятии абстрактного труда, который не является трудом ни слесаря, ни пекаря, ни вообще каким-либо определённым трудом? Если, с другой стороны, читать Марксову работу с целью её непременно осуждения, то вероятность того, что будет дана адекватная оценка теоретическим новациям Маркса и по достоинству оценён тип его рациональности, — вероятность этой возможности будет ещё меньше. Поэтому «Капитал»

надо читать критически — в стиле Канта, то есть стремясь уточнить возможности и границы истинности марксистского подхода к осмыслению предмета. Прошлые критики и нынешние защитники марксистского учения нередко трактуют его в духе единой и целостной доктрины, не давая себе труда разобраться в структурных и функциональных хитросплетениях его частей. И с этой точки зрения анализ теоретических ходов, реализованных в «Капитале», представляется актуальным и перспективным.

Я хочу остановиться, во-первых, на особенностях переосмысления Марксом идеи трудового происхождения стоимости и на основаниях отличий марксовой модели товара от той, что принята в вульгарной (и неоклассической) экономической теории. Во-вторых, указать условия истинности прогноза Маркса относительно паде-ния нормы прибыли и поляризации интересов

в капиталистическом обществе и в связи с этим рассмотреть различия научного закона и философского принципа и место этого разграничения в Марксовой модели производства прибавочной стоимости. На этой основе будет обозначено возможное направление марксистских исследований отношений между трудом и собственностью в современном обществе. Акцент будет сделан на втором пункте, ибо методологические новации Маркса самым непосредственным образом проявились в особенностях концептуализации капитала.

### 1. Товар и его структура

Что такое товар с точки зрения рядового участника рыночных интеракций? Будучи спрошенным, он, скорее всего, ответит, что товар — это вещь, которую можно встретить в магазине и которая предназначена для удовлетворения какой-то нашей потребности: пара кроссовок, пачка сливочного масла или творога, айфон и т. д. Товары различаются, потому что потребности бывают телесные и душевные. Подумав, он добавит, что предметом обращения могут быть не только вещи, но и услуги — словом, всё, что имеет какую-то потребительную ценность и находится в дефиците. Чистота воздуха, которым мы дышим, определённо обладает потребительной ценностью, и поэтому квартиры, которые находятся рядом с промышленной зоной или дорожной магистралью, стоят меньше жилья, расположенного в парковом районе. У кого больше денег, тот при прочих равных условиях и будет жить около парка. От времени деньги не портятся, и на них можно купить всё что угодно. Надо, стало быть, копить деньги.

Учение, которое попыталось придать этим соображениям научную форму, получило название меркантилизма. Согласно этому учению важнейшим средством накопления является внешняя торговля. Как рекомендовал один из ранних адептов этой идеологии Томас Манн, следует «продавать иностранцам ежегодно на большую сумму, чем мы покупаем у них» [1. С. 24]. Ясно отсюда, что меркантилисты не могли не заниматься категорией меновой стоимости. И они выделили в товаре две стороны: потребительную стоимость и меновую: «вещи, — замечает Николас Барбон, — стоят как раз столько, за сколько их можно продать» [Там же. С. 30]. Меркантилисты поняли, что один товар, точнее, его материальное тело, может служить формой проявления стоимости другого товара. Но что является её источником? Барбон, медик, то есть выученик сословия, обладающего определённой аналитической подготовкой, улавливает,

что потребительная и меновая стоимости не равноценны: «ценность вещей зависит от потребности в них, а избыток товаров, который не может быть использован, не имеет ценности» [2. С. 29]. Вещь становится товаром благодаря своей потребительной стоимости. С этой констатации начнётся долгий путь развития экономической мысли, который во второй половине девятнадцатого столетия приведёт к теории предельной полезности.

Но для большинства тех, кто занимался экономическим анализом, идея полезности как основы товарообмена казалась слишком экстравагантной. Как сравнить полезности, скажем, бутылки виски и похода в оперу, чтобы послушать «Волшебную флейту» Моцарта? Оценки здесь совершенно субъективны. Если пять лож, рассуждает Стагирит, по своей стоимости равны дому, то должно быть их тождество по сущностям, ибо без такого условия они не могли бы относиться друг к другу как соизмеримые величины. Но какая сущность репрезентирует дом в выражении стоимости лож? Ясно, что потребности, удовлетворяемые этими предметами, слишком разнокачественны. Может быть этой сущностью является труд? Но в античном обществе усилия раба и свободного производителя остаются неравными по определению. И Аристотель заявляет, что такой сущности вообще быть не может, и прекращает анализ [3. С. 69].

Маркс был не первым, кто предложил формулировку закона стоимости. Классическая политическая экономия зафиксировала различие стоимости и меновой стоимости и предложила рассматривать труд как источник стоимости. «Стоимость всякого товара, — пишет Адам Смит, — для лица, которое обладает им и имеет в виду не использовать его или лично потребить, а обменять на другие предметы, равна количеству труда, которое он может купить на него или получить в своё распоряжение» [4. С. 38]. Новаторство Маркса состояло не столько в поведении различия между стоимостью и меновой стоимостью, сколько в строго теоретическом выведении закона товарного обращения.

Почему меркантилисты и *homo economicus* с улицы полагают, что товар состоит из потребительной и меновой стоимости? Потому что в этом своём убеждении они опираются на жизненный опыт (ведь известно же, что при необходимости «мы за ценой не постоим») и на очень специфическую — рождённую стихийным характером формирования буржуазного уклада — концепцию человеческой природы. Человек, как учила антропологическая мысль раннего Нового времени, есть природное

физическое существо, дитя природы. «Природа подчинила человечество двум верховным властителям — страданию и удовольствию. Только они указывают, что мы должны делать, и определяют, что мы будем делать. ... На словах человек может отрицать их могущество, но на деле он всегда остаётся подчинён им» [5. С. 587].

В этой своей декларации Джереми Бентам выразил то, что было общим местом в воззрениях Гоббса, Локка, литературного кумира Смита — Вольтера и многих других гуманистичеcких эпохи Просвещения; человек, с одной стороны, ориентирован на удовлетворение своих желаний, то есть потребностей. С другой стороны, для решения этой задачи он вынужден взаимодействовать с другими индивидами. Взаимодействие можно, конечно, осуществлять в форме насилия или войны. Но результатом будет отсутствие «трудолюбия», земледелия, судоходства, удобных зданий, знаний, ремёсел и литературы, и останутся, как уверяет Гоббс, лишь «вечный страх», одиночество, «беспросветные» тупость и нищета [Там же. С. 152].

Применительно к экономическим реалиям этот взгляд означал, что в товаре должны быть представлены потребительная ценность, соотносящая товар с индивидом, и меновая стоимость, репрезентирующая общественную связь и построенная на принципе разделения труда. Поскольку Смит принимал концепцию человека как природного существа и следовал эмпирическим традициям, господствовавшим в британской культуре со времён Гроссетеста и Рожера Бэкона, у него не было метафизических оснований сводить меновую стоимость данной вещи к качеству и количеству труда, затраченного на её изготовление. Более тесное знакомство с жизнью и другими работами шотландского мудреца, прежде всего с его «Теорией нравственных чувств», показывает, что решающим фактором здесь стали его нравственные и политические симпатии.

Маркс дополняет натуралистическую трактовку человека идеей неорганического тела. Следы интеллектуальной работы по критике, скажем так, «консюмеристской» (хотя в те времена этого определения не существовало) концепции человека просматриваются в рукописях 1844 г., когда после своих журналистских опытов в «Рейнской газете» он обратился к изучению политической экономии [6. С. 564–567]. Человек, — начинает своё рассуждение Маркс, — как и животное, живёт природой; он пребывает в процессе общения с природой, чтобы не умереть. Природа является неорга-

ническим телом человека и именно в том смысле, что она ещё не есть человеческое тело. И в этом своём качестве неорганическая природа служит «материей, предметом и — главное — орудием» человеческой жизнедеятельности. Соответственно, неорганическое тело человека можно определить как совокупность (или систему) искусственных, рукотворных органов человеческой деятельности.

Понятно, что хотя условиями жизни этого тела могут быть только законы природы, оно возникает и воспроизводится под влиянием воли и сознания — и главное — в деятельности. Производство этого тела и есть деятельность, материальная и духовная. Не менее понятно должно быть и то, что в этой деятельности человек связан с другими людьми — современниками и предшественниками. В деятельности находит своё выражение родовая жизнь людей. Деятельность, стало быть, является содержанием родовой жизни человека. Человек есть деятельное родовое существо. В гуманистичеcкой классической период социальная сторона человеческого существования мыслилась как следствие природной склонности к владению и в форме рыночного обращения. В диалектическом материализме Маркса социальная компонента человеческой жизни становится практикой. Суть человека образуют не потребности (и психологически понимаемые интересы), как это полагали многие натуралистичеcки настроенные классики, а способности. Соответственно, марксизм трансформирует социальную сторону понятия товара.

## 2. Прибавочная стоимость и прогностика

Как государственная идеология марксизм рухнул потому, что оказался очередной общественной утопией, потому, что сделанные на его основе прогнозы разошлись с настоящим. Однако в суждениях о будущем нужно различать научные предсказания и философские гипотезы. Различие проистекает из особенностей абстрактных объектов науки и философии. Артикуляция различий между ними была заметным достижением советских философов конца 1970-х. В те времена эти различия были показаны на материале отношений между теоретическими схемами физиков и физической картиной мира. Тем не менее онтологический статус картины позволяет сделать шаг вперёд и перенести указанные различия в сферу философской прогностики [7. С. 123–135].

Отметим два момента: во-первых, теоретические схемы описываются языком законов, тогда как для описания философских моделей используется язык принципов. Второй — и связанный с первым —

момент состоит в том, что только теоретические модели поддаются фальсификации.

Закон есть существенное повторяющееся отношение. Повторяемость отношений между сущностями предполагает устойчивость тех факторов, что создают возможность данной связи. Иными словами, для того чтобы товары обменивались по стоимости, требуется ряд условий. К ним относятся свободный перелив рабочих рук и капиталов из одной отрасли производства, одинаковое органическое строение капитала в разных отраслях, ограничение экономических трансакций внутренним рынком и т. п. Одни условия лежат на поверхности, и они очевидны. Таково, например, равенство спроса и предложения. Уяснение экономического смысла других условий, напротив, предполагает известную рефлексию. Если, скажем, посредством прописки ограничить перелив рабочей силы из сельских регионов в города, это приведёт к такой структуре товарообмена между городом и деревней, при которой продукция села пойдёт по ценам, минимально поднимающимся над себестоимостью. В то же время промышленные товары будут продаваться по завышенным ценам. Таким между прочим образом сложился финансовый насос, который стал важной частью хозяйственного механизма для социалистической индустриализации [8. С. 123–127].

Соответствие научного закона действительности обеспечивается точной и исчерпывающей фиксацией условий его реализации. Их поиск забирает львиную долю сил и времени исследователей. Но от его результатов зависят надёжность теоретических предсказаний и возможность управления социальными процессами. Именно знание этих условий позволяет разделить все высказывания об исследуемых объектах на две группы: совместимые и несовместимые с теорией. Оно даёт знание класса потенциальных фальсификаторов. В отношении же принципа проверочная ситуация выглядит иначе. Условия истинности принципов остаются неясными. К тому же в одной и той же жизненной ситуации могут пересекаться несколько принципов сразу. Поэтому выбор нужного принципа определяется тем, что, следуя американскому правоведу Рональду Дворкину, можно назвать «весом». При столкновении конкурирующих принципов побеждает более «весомый» [9. С. 51; 10].

Ошибочно трактовать принципы как несовершенные законы. Законы непосредственно описывают некую модель. Хотя модель заведомо проще оригинала, она — мы это знаем точно — воспро-

изводит реальность по ряду её существенных характеристик. И если условия, зафиксированные теоретической схемой, присутствуют в самой реальности, реальность будет вести себя сообразно предписаниям теоретиков. С точки зрения обобщённости своего содержания принципы сходны с законами науки. Принципы отнюдь не произвольны, и в них фиксируется всё многообразие релевантного жизненного опыта. Но при этом принципы (по крайней мере, онтологические) мыслятся как отображения реальности, то есть формулируются как экзистенциальные утверждения. Экзистенциальные утверждения обладают алетической модальностью, то есть поддаются оценке на истинность. Очевидное противоречие между универсальностью принципа и его экзистенциальным логическим статусом снимается за счёт размыwania условий применимости принципа. Здесь многое ещё неясно. Каковы, к примеру, онтологические основы *веса* принципа? Тем не менее сказанного достаточно, чтобы увидеть разницу между предсказаниями «Капитала» и философской прогностикой.

В числе упрощающих условий, которые сознательно вводились автором «Капитала» при создании модели товарного производства и которые остались неснятыми при её дальнейшем усложнении, особенно примечательны два. Во-первых, это сведение всякого труда к труду простому и, во-вторых, ограничение экономических интеракций внутренним рынком. Оба эти условия приблизительно соответствовали тогдашним реалиям, и — что гораздо важнее — они были обязательны для грядущей поляризации социальной структуры и падения нормы прибыли. А именно на этом тренде строился вывод о грядущем коллапсе капитализма и пролетарской революции. Однако в последней трети XIX столетия социальная ситуация стала меняться. С одной стороны, быстро росла ценность умственного и квалифицированного труда (что ортодоксами было воспринято как формирование рабочей аристократии и в наши дни стимулировало рост националистических настроений). С другой, — возник финансовый капитал, и началась та гонка, которая в конце следующего века привела к созданию транснациональных корпораций. Оба этих процесса не только трансформировали социально-экономическую физиономию западного общества, но и подорвали основания Марксова прогноза, превратив заключения первого тома «Капитала» в одну из возможных моделей капиталистического развития [8. С. 125].

Очень правдоподобно, что Маркс улавливал методологические различия между социальной теорией и социально-философскими принципами. Прежде всего отметим, что ни Маркс, ни Энгельс не говорят о *всеобщих законах* исторического развития. Хотя они широко и без экивоков пользуются выражениями «экономические законы», «закон стоимости», «экономическая теория», собственную философско-историческую концепцию классики называют не теорией, а материалистическим *пониманием* истории. Можно, правда, возразить, что марксисты постоянно говорят о законах классовой борьбы. Но, как в письме Вейдемейеру отмечал сам Маркс, этот феномен не является общеисторическим; он связан с определёнными фазами исторического развития (что позволяет говорить об исчерпывающих условиях его реализации). Энгельс в одном из своих последних интервью подчёркивает, что социалисты «не намерены диктовать человечеству какие-то окончательные законы» [8. С. 563]. Эту свою и Маркса позицию Энгельс связывает с диалектико-материалистическим взглядом на мир: «мы сторонники постоянного непрерывного развития». Иными словами, условия человеческих взаимодействий подвержены изменениям и, стало быть, вечных исторических законов не существует.

Проблема различий между социальной теорией и философией истории маячила на заднем фоне полемики Ленина и народника Михайловского в 1890-х гг. Николай Михайловский упрекал Маркса в том, что тот не дал описания законов истории: Монблан фактов как у Дарвина, но нет обобщения, соответствующего уровню дарвиновской концепции естественного отбора. Ленин и не собирается доказывать обратное. Ход его аргументации в какой-то мере совпадает с позитивистской трактовкой трёх стадий развития куль-

туры. Увлечение общими теориями исторического процесса (то, что позитивисты связывали с метафизической стадией духовного развития) есть, по выражению Ленина, «ребячество», связанное с неумением работать с фактами. Будущий лидер большевиков подчёркивает, что дарвинизм, или, в языке того времени, «трансформизм» не претендовал на объяснение *всей* истории образования видов, а только на то, чтобы поставить поиски этого объяснения на научную высоту. Аналогично материализм в истории претендует только на то, чтобы указать «единственно научный» приём объяснения истории [12. С. 144].

Каков же урок наших рассуждений о прогнозах, марксизме и принципах?

В исторической перспективе сегодня видно, что эволюционируют как содержание труда, так и его общественная форма. Но в теории зафиксировать оба эти процесса одновременно нельзя, ибо каждый из этих процессов обладает собственными внутренними источниками изменений. Повидимому, тут есть нечто похожее на соотношение неопределённостей Гейзенберга. Надо выбирать! Маркса интересовала механика эксплуатации, и содержательную сторону труда он представил как устойчивую и благодаря этому выявил механизм получения прибавочной стоимости. Но поскольку для диалектического материализма абстрактное и конкретное существуют в реальности и единстве, марксизм допускает и другую перспективу. Она предполагает акцент на внутренних различиях видов труда при отвлечении от динамики общественной формы производства. При таком подходе вперёд выходят личностные (субъективные) характеристики агента производства. И возможно, что особенно плодотворным здесь будет анализ отношений между простым, сложным и всеобщим трудом. Но это уже другая тема.

### Список литературы

1. Манн, Т. Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства / Т. Манн // Развитие метода политической экономии. — М. : Экономика, 1986.
2. Барбон, Н. Очерк о торговле / Н. Барбон // Развитие метода политической экономии. — М. : Экономика, 1986.
3. Маркс, К. Капитал. Т. 1 / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23.
4. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. — М. : Изд-во социал.-экон. лит., 1962.
5. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам // Антология мировой философии : в 4 т. — М. : Мысль, 1971. — Т. 3.
6. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М. : Госполитиздат, 1956.

7. Шрейбер, В. К. Научная картина социального мира и социальная теория / В. К. Шрейбер // Теория и жизненный мир человека : коллектив. моногр. / отв. ред. В. Г. Федотова. — М. : ИФРАН, 1995. — 206 с.
8. Шрейбер, В. К. Несколько соображений в связи с попыткой «нового взгляда» на историю / В. К. Шрейбер // Социум и власть. — 2011. — № 3 (31).
9. Дворкин, Р. О правах всерьёз / Р. О. Дворкин. — М. : РОССПЭН, 2004.
10. Шрейбер, В. К. Диалектика: законы или принципы? / Р. О. Шрейбер // Актуальные проблемы диалектики (историко-философские аспекты) : тез. XIII ежегод. науч.-практ. конф. каф. философии РАН / отв. ред. Э. В. Гирусов. — М. : РАН, 2000. — С. 78–80.
11. Интервью корреспонденту «Le Figaro» 11 мая 1893 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 22.
12. Ленин, В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 1.

### Сведения об авторе

**Шрейбер Виктор Константинович** — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Челябинский государственный университет». Челябинск, Россия. shreiber@csu.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2018. No. 5 (415).*

*Philosophy Sciences. Iss. 48. Pp. 95–101.*

## BENEATH THE SURFACE OF “CAPITAL”, OR ON FORECASTS, SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL

*V.K. Shreiber*

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. shreiber@csu.ru*

While understanding a commodity Marxian political economy is liable to reduce exchange value to value as measure of labor. In the first part the author makes the stop upon peculiarities of the Marx's justification of labor theory of value and shows that decisive circumstance here was a new apprehension of human nature. In the second part the idealizing character of law of value is considered and those conditions of its truth which were eliminated by further development of capitalist mode of production are marked. These alterations turned Marxian prognosis into one of the possible models of social development. This makes the context for explicating the differences between the scientific laws and methodological principles, and between falsification and verification correspondingly.

**Keywords:** *commodity, Mercantilism, value, human nature, forecast, laws and principles.*

### References

1. Mann T. Bogatstvo Anglii vo vneshney torgovle, ili Balans nashey vneshney torgovli kak regulyator nashego bogatstva [England's wealth in foreign trade, or Balance of our foreign trade as a regulator of our wealth]. *Razvitiye metoda politicheskoy ekonomii* [The development of the method of political economy]. Moscow, Ekonomika Publ., 1986.
2. Barbon N. Ocherk o torgovle [Essay about trade]. *Razvitiye metoda politicheskoy ekonomii* [The development of the method of political economy]. Moscow, Ekonomika Publ., 1986.
3. Marks K. Kapital. Tom 1 [Capital. Vol. I]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 23]. Moscow, 1960.
4. Smit A. *Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [Research into the nature and causes of the wealth of peoples]. Moscow, 1962.
5. Bentam I. *Vvedeniye v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva* [Introduction to the foundations of morality and legislation]. *Antologiya mirovoy filosofii: v 4 tomakh* [Anthology of world philosophy: in 4 volumes. Vol. 3]. Moscow, Mysl Publ., 1971.
6. Marks K. *Ekonomicheskoye-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic-philosophical manuscripts of 1844] Marks K., Engel's F. *Iz rannikh proizvedeniy* [Engels From early wrtings]. Moscow, Gospolitizdat, 1956.

7. Shreyber V.K. Nauchnaya kartina sotsial'nogo mira i sotsial'naya teoriya [Scientific picture of the social world and social theory]. *Teoriya i zhiznennyi mir cheloveka* [Theory and the life world of man]. Ed. by V. G. Fedotova. Moscow, IFRAN, 1995. 206 p.

8. Shreyber V.K. Neskol'ko soobrazheniy v svyazi s popytкой «novogo vzglyada» na istoriyu [A few considerations in connection with the attempt of a "new view" on history]. *Sotsium i vlast'* [Social life and power], 2011, no. 3 (31).

9. Dvorkin R. *O pravakh vser'yoz* [About Rights in earnest]. Moscow, ROSSPEN, 2004.

10. Shreyber V.K. Dialektika: zakony ili printsipy? [Dialectics: laws or principles?]. *Aktual'nye problemy dialektiki (istoriko-filosofskie aspekty)* [Actual problems of dialectics (historical and philosophical aspects): theses. XIII]. The theses of the XIII annual scientific and practical conference of the philosophy department of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2000. Pp. 78–80.

11. Interv'yū korrespondentu «Le Figaro» 11 maya 1893 goda [Interview to the correspondent of Le Figaro on May 11, 1893]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 22]. Moscow, 1962.

12. Lenin V.I. Chto takoe «druz'ya naroda» i kak oni voyuyut protiv sotsial-demokratov [What are "friends of the people" and how they are fighting against the Social Democrats]. Lenin V. I. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Woks. Vol. 1]. Moscow, 1967.

УДК 111.7  
ББК 87.3

## КАРЛ МАРКС: ОБРАЩЕНИЕ К ТЕКСТАМ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И ОБРАЗАМ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ В СВОИХ РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

*В. А. Кузнецов*

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

В год 200-летия со дня рождения Карла Маркса, одного из великих мыслителей человечества, мы ещё раз обращаемся к анализу его философских идей. Данная статья посвящена процессу становления материалистического мировоззрения молодого Маркса и особой роли в формировании его как философа античной культуры, философии и истории.

**Ключевые слова:** *К. Маркс, античность, натурфилософия, Демокрит, Эпикур, Лукреций.*

Маркс как философ воспитывался на фундаменте мировой культуры. Известно, что он был знаком с содержанием многих выдающихся литературных произведений, от трудов Гомера и Софокла до Гёте и Гейне, от изречений первых древнегреческих мудрецов до сочинений Г. Гегеля и Л. Фейербаха. Знакомство с идеями античности происходило как в гимназии, так и при обучении с 1836 по 1841 г. в университетах Бонна и Берлина. Следует заметить, что в это время в Берлинском университете изучали философию наши соотечественники И. С. Тургенев, М. А. Бакунин и Н. В. Станкевич.

Из единственного сохранившегося письма юного Карла Маркса к отцу от 10–11 ноября 1837 г. мы узнаём о знакомстве Маркса с философией Иммануила Канта. Именно в этом письме после ссылки на Канта он напишет: «...для меня стало ясно, что без философии мне не пробиться вперёд» [2. С. 13]. Эти слова из письма фиксируют важный момент в эволюции идей Маркса — признание им познавательной силы гегелевской философии [Там же. С. VIII]. Он сообщает отцу, что занимается переводом «Германии» Тацита и «Скорбных элегий» Овидия и что «перевёл часть «Риторики» Аристотеля» [Там же. С. 14, 15].

К ранним произведениям К. Маркса относится всё написанное им с 1835 по 1844 г. Изучение К. Марксом философских проблем античности открывают его «Тетрады по эпикурейской философии», написанные им в 1839 г. Эти «Тетрады» представляют собой исследования Марксом античной философии. Они наряду с изложением его собственных взглядов содержат обширные выписки на латинском и греческом языках из древних авторов, относящиеся главным образом к философии Эпикура. «Рукопись дошла до нас в виде семи тетрадей, из которых пять (тетрады I–IV и VII)

имеют на обложке заголовок: «Эпикурейская философия». На обложках II–IV тетрадей пометки — «Зимний семестр 1839 года». Обложки тетрадей V и VI не сохранились. В тетради VI не хватает также нескольких страниц текста. Последние пять страниц тетради V представляют собой выписки из работы Гегеля «Энциклопедия философских наук», озаглавленные «Схема натурфилософии» [Там же. С. 668–669].

Содержание этих тетрадей отражает важный этап в духовном развитии Маркса в студенческие годы. «Тетрады» содержат выписки, имеющие отношение к взглядам Эпикура из произведений Диогена Лаэртца, Секста Эмпирика, Лукреция Кара, Цицерона, Плутарха, Сенеки, Климента Александрийского и Стобея. Многообразие своих идей Эпикур изложил в большом количестве сочинений, часть которых только перечислена в 10-й книге Диогена Лаэртского, и расположена в трёх отделах: Канонике (учение об источниках познания и критериях достоверности), Физике (учение о происхождении и устройстве мира) и Этике (учение о нравственности); три письма и несколько изречений, приводимых у Диогена Лаэртского, — это всё, что сохранилось в подлиннике от Эпикура.

«Тетрады» отражают большой интерес Маркса к истории философии, особенно к взглядам Эпикура и Лукреция. Они дают представление о широте кругозора Маркса-студента, об основательности знаний им древних языков и философской литературы [Там же. С. VIII]. Маркс, например, из знаменитой поэмы Лукреция «О природе вещей» выписал следующие строки [Там же. С. 36]:

*Если ж движения все непрерывную цепь образуют  
И возникают одно из другого в известном порядке,  
И коль не могут путём отклонения первоначала  
Вызвать движений иных, разрушающих рока законы,*

*Дабы причина не шла за причиною испокон века, —  
[Как у созданий живых на земле неподвластная року,  
Как и откуда, скажи, появилась] свободная [воля].*

[4. С. 65–66].

В этих тетрадах в связи с изучением философии Эпикура упоминаются и идеи других мыслителей античности. Маркс записывает изречения семи мудрецов, с которых начинается греческая философия и к которым принадлежит «ионийский натурфилософ Фалес». Маркс знакомится с учениями Анаксагора, Аристиппа, Геродота, стоика Посидония, Пифокла, Пифагора, Эмпедокла, Парменида, Сократа, Платона, Аристотеля, Архелая из Афин, скептика Пиррона, Метродора, Ксенократа, Колота, Стильпона и др [2. С. 23, 29, 36, 39, 48, 49, 52, 53, 54, 79, 82, 84, 86]. Маркс отмечает влияние на творчество Эпикура идей Гесиода, и по этому поводу он записал в тетради: «...будучи совсем подростком, он [Эпикур.— В. К.] спросил [своего] учителя, читавшего ему [стихи Гесиода]: “Из чего произошёл хаос, если он появился раньше всего?”» [Там же. С. 48].

Изучая труды древних философов, молодой Маркс подчёркивает следующее: «Для древних предпосылкой является действие природы, для людей нового времени — действие духа. Борьба древних могла окончиться лишь тогда, когда было разрушено видимое небо, субстанциальная связь жизни, сила тяготения политической и религиозной жизни, так как природа должна быть расколота для того, чтобы было достигнуто единство духа внутри себя. Греки разбивали природу гефестовым молотом искусства, создавая статуи, римлянин направлял свой меч прямо в её сердце, и народы умирали; но философия нового времени срывает печать со слова, и оно исчезает в священном пламени духа; как борец духа, борющийся с духом, а не как отдельный отступник, отрешившийся от силы притяжения природы, она действует как всеобщая сила и плавит формы, препятствующие обнаружению всеобщего» [Там же. С. 51–52].

Ознакомившись со многими идеями античности, Маркс делает вывод: «...первые греческие мудрецы являются подлинным духом субстанции, воплощённым знанием о субстанции...» И далее: «Сами философы являются живыми образами, живыми художественными произведениями, и народ видит, как они возникают из него самого в пластическом величии; там, где, как у первых мудрецов, их деятельность формирует всеобщее, их изречения являются субстанцией, признаваемой на деле, —

законами» [Там же. С. 55]. Он обнаруживает изменение в эволюции философии древних греков с появлением софистов и Сократа и отмечает, что «...принципом философии становится сама идеальность в своей непосредственной форме — в субъективном духе» [Там же. С. 55].

Маркс, изучая Платона, приходит к выводу, что «...у Платона движение становится идеальным...»; что идеи Платона, «...его философская абстракция — прообразы мира. У Платона это абстрактное определение добра, цели переходит в развёрнутую философию, охватывающую мир. Целью как определением в себе, действительным хотением философа является мышление; реальными определениями этого добра оказываются имманентные мысли. Действительное хотение философа, действующая в нём идеальность, есть действительное долженствование реального мира. Это своё отношение к действительности Платон выразил в воззрении, что над действительностью витает самостоятельное царство идей (и эта потусторонняя область есть собственная субъективность философа) и отражается в ней в затемнённом виде» [Там же. С. 58–59]. О Сократе он говорит как об образе и учителе мира [Там же. С. 59]. Многие выписки из произведений античных философов были широко использованы в его диссертации.

О том, что молодого Маркса серьёзно интересовала античная философия, говорит факт написания им (в 1839 — марте 1841 г.) докторской диссертации на тему «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». В апреле 1841 г. Иенским университетом, куда он направил свою диссертацию для изучения, ему была присвоена степень доктора философии.

В предисловии к диссертации упоминается «болтовня Плутарха и Цицерона» о содержании философских идей Эпикура, а в основном тексте диссертации отмечается, что Цицерон упрекает Эпикура в «ухудшении» учения Демокрита, а Плутарх «приписывает ему непоследовательность». Маркс также отметил полемику Плутарха «против теологии Эпикура» [Там же. С. 152, 153, 160]. Далее Маркс, оценивая философию Демокрита и Эпикура, говорит, что их взгляды «составляют ключ к истинной истории греческой философии» [Там же. С. 153]. Тем самым молодой Маркс фактически упрекает Гегеля в недооценке учений Демокрита и Эпикура. Цель Маркса — показать подлинное место в истории античной философии Эпикура, несправедливо обвинённого в простом заимствовании атомистического принципа у Демокрита. К. Маркс задаётся

вопросом: «...представляют ли эпикуреизм, стоицизм и скептицизм частные явления? Не представляют ли они основные типы римского духа, ту форму, в которой Греция перекочевала в Рим? Не являются ли они по своему существу настолько характерными, мощными, вечными, что даже современный мир должен был признать за ними полное духовное право гражданства?» [2. С. 157]. Признавая, что «греческая философия, достигнув при Аристотеле высшей степени процветания, затем увяла» [Там же. С. 157]. Маркс напоминает об исторической важности этих трёх упомянутых философских школ (систем), связанных с более древней греческой философией.

Маркс отмечает, что в философии Эпикур находит удовлетворение и блаженство. «Ты должен служить философии, — говорит Эпикур, — чтобы достигнуть истинной свободы. Тому, кто подчинился и весь отдался ей, не приходится долго ждать; он тотчас же становится свободным. Ибо само служение философии есть свобода». «Ни юноша, — поучает Эпикур дальше, — не должен откладывать занятия философией, ни старик не должен оставлять эти занятия. Ибо для забот о здоровье души никто не бывает ни недозревшим, ни перезревшим. А тот, кто говорит, что время для занятий философией ещё не наступило или уже миновало, — похож на того, кто утверждает, что для счастья час ещё не наступил или что он уже прошёл». Маркс подчёркивает отличие взглядов Демокрита на философию, что последний «неудовлетворённый философией, бросается в объятия эмпирического знания...» [Там же. С. 163; 5. С. 315].

В своём труде Маркс показывает одно из основных различий в позициях двух философов: «Демокрит признаёт необходимость, Эпикур — случайность, и каждый с полемическим жаром отрицает противоположный взгляд» [2. С. 166; 6. С. 293–294; 7. С. 200], что «оба мыслителя на каждом шагу оказываются противоположными друг другу. Один — скептик, другой — догматик; один считает чувственный мир субъективной видимостью, другой — объективным явлением. Тот, который считает чувственный мир субъективной видимостью, опирается на эмпирическую науку о природе и на положительные знания... Другой, который считает мир явлений реальным, презирает опыт; в нём воплощены покой самоудовлетворённого мышления... Но противоречие идёт ещё дальше. Скептик и эмпирик, считающий чувственную природу субъективной видимостью, рассматривает её с точки зрения необходимости

и старается объяснить и понять реальное существование вещей. Наоборот, философ и догматик, признающий явление реальным, везде видит только случай, и его способ объяснения скорее сводится к тому, чтобы отвергнуть всякую объективную реальность природы». И далее молодой Маркс, показывая глубину своего диалектического подхода, подчёркивает, что «в этих противоположностях как будто кроется известная несообразность. Лишь с трудом можно ещё допустить, что эти философы, во всём противореча друг другу, будут придерживаться одного и того же учения. И всё же они представляются прикованными друг к другу» [2. С. 167–168].

Таким образом, Маркс из сравнительного анализа физики Демокрита и физики Эпикура обнаруживает различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура в том, что один утверждает необходимость во Вселенной, второй — случайность, Демокрит говорит о фатальной предопределённости, Эпикур — о свободе, один — скептик, другой — оптимист. Существенной чертой философии Эпикура Маркс считает его учение о самопроизвольном отклонении атомов («отклонение же атома от прямой линии отличает Эпикура от Демокрита» [Там же. С. 169]). Здесь, по мнению Маркса, проявились элементы диалектики, присущие древнегреческому мыслителю. Маркс говорил, что в противоположность Демокриту Эпикур по существу выдвинул идею диалектического самодвижения, трактуя её как принцип активности, деятельности [Там же. С. XI]. Вывод К. Маркса о физическом учении Эпикура звучит так: «У Эпикура осуществлена и завершена, доведена до последних выводов атомистика со всеми её противоречиями...» [Там же. С. 197]. При этом Маркс замечает, что Лукреций «вообще из всех древних один только постиг эпикурейскую физику» и что у него «мы найдём более глубокую трактовку вопроса» [Там же. С. 171].

Маркс определяет различие и некоторую противоположность этических учений Демокрита и Эпикура. Этика Эпикура имеет оптимистическое жизнерадостное начало, освобождающее человека от суеверий и фатализма [Там же. С. XI].

Маркс одним из первых заметил, что «Почитание небесных тел — это культ, признаваемый всеми греческими философами. Система небесных тел есть первое наивное, обусловленное природой бытие действительного разума. Такое же положение занимает греческое самосознание в области духа. Оно — духовная солнечная система.

В небесных телах греческие философы поклонялись поэтому своему собственному духу. Даже Анаксагор, который первый физически объяснил небо и таким образом — в другом смысле, чем Сократ — приблизил его к земле, на вопрос, для чего он родился, ответил: «...для созерцания солнца и луны и неба». Ксенофан же, посмотрев на небо, сказал: «Единое есть бог». Известно религиозное отношение к небесным телам у пифагорейцев, Платона, Аристотеля». И далее Маркс отмечает: «Действительно, Эпикур выступает против мировоззрения всего греческого народа» [2. С. 189–190]. В Эпикуре Маркс увидел философа-просветителя, борющегося с религией, мистицизмом [Там же. С. XII] и в своей работе он приводит стих Лукреция, в котором отмечается именно эта черта Эпикура [Там же. С. 196–197]:

*В те времена, как у всех на глазах безобразно влачила  
Жизнь людей на земле под религии тягостным гнѣтом  
С областей неба главу являвшей, взирая оттуда  
Ликом ужасным своим на смертных, поверженных долу,  
Эллин впервые один осмелился смертные взоры  
Против неѣ обратить и отважился выступить против.  
И ни молва о богах, ни молнии, ни рокотом грозным  
Небо его запугать не могли...  
Так, в свою очередь, днесь религия нашей пятою  
Попрана, нас же самих победа возносит до неба.*

[4. С. 29].

Первый том собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса начинается со статьи К. Маркса «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» (1842). Это первая публицистическая статья К. Маркса. И уже в первом абзаце Маркс цитирует изречение из «Энеиды» Вергилия: «Timeo Danaos et dona ferentes» (Боюсь данайцев, даже дары приносящих) [1. С. 3], которое выявляет отношение Маркса к введению новых законов в Пруссии. В этом случае он обращается к античности, для их характеристики: «...законы, не дающие объективных норм, это террористические законы вроде тех, какие избрела... испорченность государства при римских императорах. Законы, которые делают главным критерием не действия как таковые, а образ мыслей действующего лица, — это не что иное, как позитивные санкции беззакония. Лучше стричь бороды у всех и каждого, — как это делал всем известный русский царь при помощи состоявших у него на службе казаков, — чем делать критерием для этого те убеждения, в силу которых я ношу бороду» [Там же. С. 14]. В конце концов, после введения новых цензурных запретов, К. Марксу 17 марта 1743 г. пришлось написать

заявление, в котором говорилось: «...что с этого дня он в силу существующих цензурных условий вышел из состава редакции “Rheinische Zeitung”. Доктор Маркс» [Там же. С. 218].

В другой ранней статье, имеющей название «Дебаты шестого рейнского ландтага» (о свободе печати, 1842 г.), Маркс продолжает свою критику прусской цензуры. При этом опять использует образы античности для иллюстрации своих теоретических выводов: «Страна, которая, подобно древним Афинам, смотрит на прихлебателей, паразитов, льстецов, как на исключения, противоречащие народному разуму, как на юродство, — такая страна есть страна независимости и самостоятельности» [Там же. С. 36].

К образам античности Маркс обратился и в «Передовице в № 179» «Кёльнской газеты». Эта «Kolnische Zeitung» выступала в защиту католической церкви против господствовавшего в прусском государстве протестантизма и вела яростную борьбу против редактируемой Марксом «Rheinische Zeitung» («Рейнской газеты»). Маркс обращается к образу олимпийского бога Гермеса для характеристики деятельности редактора «Кёльнской газеты», который имел фамилию Гермес. «Со времени своего изгнания с Олимпа Гермес, по старой привычке, всё ещё продолжает исполнять “рабские обязанности” и ведать всеми делами, касающимися мёртвых. Писал ли Гермес сам или его сын, козий бог Пан, художочную статью в No 179, — пусть решает читатель, но прежде он должен вспомнить, что греческий Гермес был богом красноречия и логики» [Там же. С. 94]. Далее в своей статье Маркс опять обращается к образам античной истории: «...автор просто поставил историю на голову. Греция и Рим являются как раз странами наиболее высокого “исторического развития” среди народов древнего мира. Высочайший внутренний расцвет Греции совпадает с эпохой Перикла, высочайший внешний расцвет — с эпохой Александра. В эпоху Перикла софисты, Сократ, которого можно назвать олицетворением философии, искусство и риторика вытеснили религию. Эпоха Александра была эпохой Аристотеля, который отверг и вечность “индивидуального” духа и бога позитивных религий. Тем более это верно по отношению к Риму! Читайте Цицерона! Философские учения Эпикура, стоиков или скептиков были религиями образованных римлян в тот именно период, когда Рим достиг вершины своего развития. Если с гибелью древних государств исчезают и их религии, то этот факт не нуждается в особых объяснениях,

так как “истинной религией” древних был культ их собственной “национальности”, их “государства”. Не гибель древних религий повлекла за собой гибель древних государств, а, наоборот, гибель древних государств повлекла за собой гибель древних религий. И такое вот невежество, какое проявила обсуждаемая передовица, провозглашает себя “законодателем научного исследования” и издаёт “декреты” для философии!» [1. С. 98–99].

И далее: «Следовательно, весь древний мир, по мнению автора передовицы, погиб потому, что развитие науки раскрыло заблуждения древних религий. Не избежал ли бы древний мир гибели, если бы наука обошла молчанием заблуждения религии, если бы римские власти, следуя совету автора передовицы, изъяли произведения Лукреция и Лукиана?» [Там же. С. 99]. И здесь же: «Как раз в то время, когда приближалась гибель античного мира, возникла александрийская школа, которая старалась насильственным путём доказать “вечную истину” греческой мифологии... Это направление, к которому принадлежал ещё император Юлиан, полагало, что можно заставить совершенно исчезнуть дух времени, пролагающий себе путь, — стоит только закрыть глаза, чтобы не видеть его» [Там же. С. 99]. «Новейшая философия только продолжала ту работу, которая была начата уже Гераклитом и Аристотелем...» [Там же. С. 111]. Далее Маркс, подчёркивая невежественную критику, фантазию редакции и отдельных лиц, констатирует, что «Невежество — это демоническая сила, и мы опасаемся, что оно послужит причиной ещё многих трагедий. Недаром величайшие греческие поэты в потрясающих драмах из жизни царских домов Микен и Фив изображают невежество в виде трагического рока» [Там же. С. 112].

Следующей по хронологии работой Маркса, в которой он обращается к образам античной истории, является «К критике гегелевской философии права» [Заглавие настоящей рукописи Маркса дано «Институтом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина»]. Эта работа Маркса написана в Крейцнахе летом 1843 г. В рукописи даётся развёрнутый критический анализ работы Гегеля «Основы философии права» («Grundlinien der Philosophie des Rechts»), в которой трактуется вопрос о государстве. О выводах, сделанных Марксом в результате критического анализа взглядов Гегеля, писал Энгельс в статье «Карл Маркс» (1869): «Отправляясь от гегелевской философии права, Маркс пришёл к мнению, что не государство, изображаемое Гегелем “венцом всего здания”,

а, напротив, “гражданское общество”, к которому Гегель относился с таким пренебрежением, является той областью, в которой следует искать ключ к пониманию процесса исторического развития человечества» [Там же. С. 665]. Так, для подтверждения положения о том, что «не существует политического строя как чего-то отличного от действительного, материального государства, или от всего остального содержания народной жизни», Маркс обращается к истории Древней Греции. Он утверждает, что «Политическое государство ещё не выступает как форма материального государства. Либо, как это имело место в Греции, *res publica* является действительно частным делом граждан, действительным содержанием их деятельности, частный же человек есть раб; здесь политическое государство как таковое является подлинным единственным содержанием жизни и воли граждан. Либо же, как это имеет место в азиатской деспотии, политическое государство есть не что иное, как частный произвол одного — единственного индивида; другими словами, политическое государство, наравне с материальным, есть раб» [Там же. С. 255].

Критикуя положение Гегеля о том, что суверенитет народа есть национальность, а суверенитет государя есть национальность, Маркс обращается к древней истории и утверждает обратное: «Греки (и римляне) были национальны, потому что и поскольку они были суверенным народом. Германцы суверенны, потому что и поскольку они национальны» [Там же. С. 262]. Разбирая один из исходных тезисов Гегеля о раздельности «гражданского общества» и «политического государства» как двух противоположностей, Маркс замечает: «У греков гражданское общество было рабом политического общества» [Там же. С. 301, 302].

Маркс, анализируя некоторые положения философии Гегеля о связи между частной собственностью и политическим строем государства, обращается к истории Древнего Рима, к римскому частному праву и подчёркивает: «... римляне рассматривали право монарха всецело в рамках норм частного права; другими словами: частное право они понимали как высшую норму государственного права».

Римляне — рационалисты суверенной частной собственности, германцы — её мистики» [Там же. С. 345, 347]. И далее, раскрывая существо частной собственности, Маркс находит следующее единство: «Частная собственность носит на себе печать римской рассудочности и германской сентимен-

тальности. ...Римляне, собственно, впервые разработали право частной собственности, абстрактное право, частное право, право абстрактной личности. Римское частное право есть частное право в его классическом выражении. Но мы нигде не находим у римлян, чтобы право частной собственности мистифицировалось, как это имело место у германцев. Это право также нигде не становится государственным правом» [1. С. 347]. На протяжении нескольких страниц своей рукописи Маркс, характеризуя учение о частной собственности и частном праве, обращается к образам античности.

В работе «К критике гегелевской философии права. Введение», напечатанной в «Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-французский ежегодник»), который издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке [вышел в свет только первый, двойной выпуск в феврале 1844 г.], Маркс мало обращается к образам античной истории и культуры для иллюстрации своих выводов. Тем не менее, когда К. Маркс говорит о различии подходов к пониманию истории народов, он пишет следующее: «Однако если отдельная личность не связана границами нации, то нация в целом не становится свободной оттого, что стала свободной отдельная личность. Скифы ни на шаг не приблизились к греческой культуре оттого, что Греция насчитывала среди своих философов одного скифа (скифский мудрец философ Анахарсис (ок. 610–545 гг. до н. э.), греки включили его в число *первых «семи философов»* [курсив мой.— В. К.].

По счастью, мы немцы — не скифы.

Подобно тому, как древние народы переживали свою доисторическую эпоху в воображении, в *мифологии*, так мы, немцы, переживаем нашу будущую историю в мыслях, в *философии*. Мы — философские современники нынешнего века, не будучи его историческими современниками. Немецкая философия — продолжение немецкой истории в идее» [Там же. С. 419].

В последней по времени работе, относящейся к ранним произведениям Маркса, относятся «Экономическо-философские рукописи 1844 года». В этих рукописях Маркс почти не обращается к образам античности для иллюстрации и пояснения своих идей. Лишь упоминается одна идея Аристотеля: «...родовой акт произвёл человека...»,

при этом о Прометее Маркс говорит так: «Светлое жилище, называемое Прометеем у Эсхила одним из тех великих даров, посредством которых он превратил дикаря в человека...».

Древний Рим в этой работе упоминается в связи с анализом Маркса противоположности между *трудом* и *капиталом*, когда Маркс утверждает: «...противоположность может выражаться... и без наличия развитого движения частной собственности (в Древнем Риме, в Турции и т. д.). В таком виде эта противоположность ещё не *выступает* как обусловленная самой частной собственностью...» [3. С. 126, 130, 113].

В самом общем виде ранние работы К. Маркса «показывают ранний период становления мировоззрения Маркса, сложный путь его духовной эволюции, процесс критического овладения им достижениями предшествующей философской мысли» [2. С. VI]. И как пишут редакторы 2-го издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса: «Произведения Маркса... отражают различные ступени духовного созревания их автора: от юношеских раздумий о смысле человеческой деятельности к восприятию учения Гегеля как орудия познания мира ради достижения свободы, от радикального истолкования гегелевской диалектики к критике ограниченности идеалистической системы философии Гегеля и его учеников, наконец, к революционному пересмотру всех основ немецкой философии в материалистическом духе. Маркс в эти годы испытал на себе заметное воздействие воззрений Фейербаха, в которых он первоначально увидел выражение последовательного атеизма, а позднее, по мере созревания собственных материалистических взглядов» [Там же. С. VI].

Изучение текстов молодого Маркса показывает глубину и разносторонность его познания. Для доказательства и иллюстрации своих теоретических положений он использует материалы из различных областей античной культуры. Обращение к духовной культуре античности, достижения которой до сих пор остаются недостижимым образцом, имеет большой эвристический потенциал для любого исследователя социальных и гуманитарных проблем человечества. Изучение античной культуры и философии есть одно из средств понимания исторического процесса.

### Список литературы

1. Маркс, К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Т. 1.
2. Маркс, К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Т. 40.
3. Маркс, К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Т. 42.
4. Лукреций, Т. К. О природе вещей / Т. К. Лукреций. — М., 1983.
5. Эпикур. Письмо к Менекею / Эпикур // Лукреций Т. К. О природе вещей. — М., 1983.
6. Эпикур. Письмо к Геродоту / Эпикур // Лукреций Т. К. О природе вещей. — М., 1983.
7. Лурье, С. Я. Демокрит. Тексты. Переводы. Исследования / С. Я. Демокрит. — Л., 1970.

### Сведения об авторе

**Кузнецов Владимир Александрович** — доктор исторических наук, профессор Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия. [vladkuz@mail.ru](mailto:vladkuz@mail.ru)

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2018. No. 5 (415).  
Philosophy Sciences. Iss. 48. Pp. 102–108.*

## KARL MARX: TEXTS OF ANCIENT GREEK PHILOSOPHY AND ANCIENT HISTORY IMAGES IN HIS EARLY WORKS OF

*V.A. Kuznetsov*

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. [vladkuz@mail.ru](mailto:vladkuz@mail.ru)*

Russia in the 200 year anniversary of the birth of Karl Marx, one of the great thinkers of humanity, we appeal once again to the analysis of his philosophical ideas. This article focuses on the process of becoming materialistic worldview of young Marx and particular role in shaping it as a philosopher of ancient culture, philosophy and history.

**Keywords:** *Marx, antiquity, natural philosophy, Democritus, Epicurus, Lucretius.*

### References

1. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 1]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, 1955.
2. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 40]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, 1975.
3. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Writings. Vol. 42]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, 1974.
4. Lukretsiy T.K. *O prirode veshchey* [About the nature of things]. Moscow, 1983.
5. Epikur. Pis'mo k Menekeyu [Letter to Menekeju]. Lukretsiy T.K. *O prirode veshchey* [About the nature of things]. Moscow, 1983.
6. Epikur. Pis'mo k Gerodotu [Letter to Herodotus]. Lukretsiy T.K. *O prirode veshchey* [About the nature of things]. Moscow, 1983.
7. Lur'e S.Ya. Demokrit. Teksty. Perevody. Issledovaniya [Democritus. Texts. Translation. Research]. Leningrad, 1970.